

A close-up photograph of a person's midsection. They are wearing a black leather jacket that is unzipped, revealing a black t-shirt underneath. The t-shirt is pulled down to their waist, exposing their bare midriff. They are also wearing dark blue denim jeans with a silver metal belt buckle. On their right arm, there is a red bandage wrapped around the forearm. The background is dark and out of focus.

НАСТОЯЩИЙ

КЭТИ ЭВАНС

http://vk.com/real_raw_ripped

Павший боксёр. Девушка с разбитой мечтой. Соперничество... Из-за него я забываюсь. Одна ночь — и я забыла обо всём на свете, кроме сексуального бойца, который заставляет меня пылать с желанием... Ремингтон Тэйт — самый сильный и непредсказуемый мужчина, которого я когда-либо встречала в своей жизни. Он — звезда опасного тайного бойцовского клуба, и я никогда и ни к кому не чувствовала такой тяги, как к нему. С одним его взглядом я забываю, кто я и чего хочу. Когда он рядом, мне нужно напоминать себе, что я сильная — но он сильнее меня. И теперь моя работа — делать так, чтоб его тело работало, как совершенная машина, чтоб его упругие рельефные мышцы были готовы сломать кости его соперников... Но именно сейчас он представляет большую угрозу для меня. Я хочу его. Я хочу его, не боясь. Без оговорок. Если бы я только знала наверняка, что ему нужно от меня?

Кэти Эванс
Настоящий

Глава 1

Меня зовут Ремингтон

Брук

Последние полчаса Мелани кричала мне под ухо, и мои нервы настолько вымотаны из-за того, свидетелями чего мы являлись, что я едва могу что-либо слышать. Только свое сердце. Оно бешено стучит в моей голове, когда два бойца на ринге набрасываются друг на друга, оба мужчины одинакового роста и веса, очень мускулистые, набивают друг другу морды.

Каждый раз, когда один из них наносит удар, зал взрывается возгласами и аплодисментами. Помещение переполнило не менее трехсот зрителей, жаждущих крови. Худшая часть всего этого является то, что я слышу ужасные звуки растрескивания костей, и волосы на моих руках стоят дыбом от страха. В любую минуту один из них упадет и больше никогда не встанет снова.

— Брук! — Мелани, моя лучшая подруга, с визгом обняла меня. — Ты выглядишь так, словно тебя сейчас вырвет, ты все-таки не создана для этого!

Я реально готова её убить.

Как только перестану наблюдать за этими мужчинами и буду убеждена, что они оба дышат; когда закончат раунд, я убью мою лучшую подругу без всякой пощады. А потом и себя за то, что согласилась приехать сюда в первую очередь.

Но у моей бедной дорогой Мелани появилось новое страстное увлечение, и как только она узнала, что объект её ночных фантазий был в городе и принимал участие в этих "частных" и очень "опасных" играх подземного бойцовского клуба, она умоляла меня идти вместе с ней наблюдать за ним. Очень трудно отказать Мелани. Она бурная и настойчивая, и теперь она прыгает от радости.

— Он следующий, — зашипела она, не обращая внимание на то, кто выиграл последний раунд, если вообще кто-то выжил. Но, по-видимому, они оба живы, слава Богу. — Приготовься к реально привлекательному зрелищу, Бруки!

Публика затихла, и диктор объявляет: — Дамы и господа, а сейчаас... момент, которого вы все ждали, человек, ради которого вы все здесь. Лучший из лучших, представляю, неповторимый Ремингтон 'Разрывной' Тэйт!

По моей спине прошла дрожь от того, что толпа словно сошла с ума, услышав это имя, особенно женщины, они орали все громче, стараясь быть громче других.

— Реми! Я люблю тебя, Реми!

— Я тебя удовлетворю, Реми!

— РЕМИ, ВОЗЬМИ МЕНЯ, РЕМИ!

— Ремингтон, я хочу тебя, Разрывного!

Все повернули головы, когда человек в накидке с красным капюшоном взобрался на ринг. Сегодня бойцы, видимо не одевают перчатки, и я посмотрела на его длинные пальцы, согнутые в кулаки, и огромные загорелые руки.

Напротив меня, по ту сторону ринга, женщина гордо размахивала плакатом с надписью "РЕМИ #1, СУКА" и она выкрикивала это со всей мощи в его сторону — думаю, это в случае если он не умеет читать или не замечает неоновых розовых букв, или яркого блеска.

Я была поражена, только теперь понимая, что моя сумасшедшая лучшая подруга не

единственная женщина в Сиэтле, которая, вероятно, потеряла голову от этого парня, и я почувствовала, что она сжала мою руку:

— Попробуй посмотреть на него и сказать, что ты не сделаешь чего угодно для этого мужчины.

— Я не сделаю чего угодно для этого мужчины, — сразу повторила я.

— Ты не смотришь! — завизжала она. — Взгляни на него. Глянь.

Она схватила моё лицо и повернула в сторону ринга, в ответ я засмеялась. Мелани любит мужчин. Любит с ними спать, преследовать их, восхищаться ими, но все же, когда они попадают в её сети, она никогда не может их удержать. А я, наоборот, не заинтересована в вовлечении с кем-нибудь.

Не тогда, когда моя младшая романтическая сестра, Нора, имела достаточно парней, и драм для нас обоих.

Я посмотрела вверх, когда парень откинул красную атласную накидку с надписью "РАЗРЫВНОЙ" на спине, и зрители начали аплодировать и кричать стоя, когда он медленно поворачивался, чтобы выразить признательность всем им. И вдруг его лицо передо мной, освещенное огнями, и я тупо пялюсь на него, как идиотка.

Боже мой.

О мой.

Бог.

Ямочки.

Чёткие черты лица.

Мальчишеская улыбка. Мужское тело.

Умопомрачительный загар.

Я беспомощно упивалась этим, и по моей спине проходила дрожь, казалось все здесь плятятся на него.

Его чёрные волосы были сексуально взъерошены, как будто только что какая-то женщина запускала в них свои пальцы. Скулы такие же крупные, как его лоб. Как сувенир на поход на ринг, у него на скуле есть красная помада от пухлых губ. Я посмотрела на него с головы до ног, на его стройное тело и меня посетило дикое и горячее чувство.

Он совершенный, и это завораживает, а еще он невероятно мощный. Начиная с его стройных бедер и узкой талии к его широким плечам, все в нём превосходно. И эти шесть кубиков пресса. Нет. Восемь кубиков. Сексуальный вырез в форме V, атлас, который покрывает косые мышцы живота, тёмно-синие шорты, облегающие его мускулистые сильные ноги. Я вижу его великолепно подтянутые квадрицепсы, трицепсы, грудные мышцы и бицепсы. Кельтские татуировки покрывают обе его руки, именно там, где накачанные бицепсы встречаются с жесткими мышцами плеч.

— Реми! Реми! — Приставив руки ко рту, Мел истерически кричит около меня. — Ты так чертовски горяч, Реми!

Его голова повернулась на звук, и, посмотрев на нас, он сексуально улыбнулся, показывая одну ямочку. По мне прошла нервная дрожь, и не потому, что он чрезвычайно превосходно смотрится и, безусловно, так и есть, Боже, и это действительно правда — но больше потому, что он смотрит прямо на меня.

Одна бровь приподнялась, и в его восхитительных голубых глазах виднелся проблеск развлечения. Также что-то теплое в его взгляде. Как будто он подумал, что это я кричала. Вот дерьмо.

Он подмигнул мне, и я ошеломленно наблюдала за тем, как его улыбка исчезает, образуя при этом другую, слишком интимную.

У меня закипела кровь.

Мое тело возбудилось, и я ненавижу то, что он выглядит так, как будто знает это.

Как я понимаю, он думает, что является совершенным созданием, и кажется, он считает каждую женщину здесь своей Евой, созданной из его ребра для его наслаждения. Я одновременно возбуждена и в ярости, и еще никогда в жизни у меня не было такого запутанного чувства.

Его губы искривились, и он повернулся, когда объявили его противника со словами:

— Кирк Дирквуд, Молот, здесь для всех вас сегодня вечером!

— Мел, ты маленькая шлюха! — Придя в себя, я игриво толкнула её. — Зачем ты это выкрикнула? Теперь он думает, что я психопатка.

— О, Боже мой! Он не на самом деле только что тебе подмигнул, — сказала Мелани, явно ошеломленная.

Боже мой, он это сделал. Разве нет? Он подмигнул.

Я настолько поражена, что проиграла еще раз этот момент у себя в голове, и я собираюсь мучить этим Мелани, потому что она этого заслуживает, маленькая распутница.

— Он подмигнул мне, — наконец признала я, хмуро глядя на нее. — Мы телепатически общались, и он сказал мне, что хочет забрать меня домой и завести шесть потрясающих детей.

— Как будто ты собираешься спать с таким, как он. Ты и твое ОКР! — смеясь, говорит она и поворачивает голову, когда противник Ремингтона снимает накидку. Мужчина с мощными мускулами, но и грамм его не может конкурировать с чистым мужским очарованием "Разрывного".

Ремингтон сгибает руки в локтях, пальцы сжимает в кулаки, и подпрыгивает, напрягая свои икры. Это крупный мускулистый мужчина, но на удивление владеет легкостью в ногах, что как я знаю — потому что старалась овладеть этим на пробежке — значит, что он невероятно сильный для того, чтобы сохранять свое тело в воздухе с таким незначительным стуком ноги по полу.

Молот делает первый удар. Ремингтон быстро уклоняется, и со всей силы ударяет лицо Молота. Я внутренне вздрогнула от такого мощного удара; мое тело замирает от вида того, как его мышцы напрягаются и сокращаются с каждым наносящим ударом.

Толпа с восторгом наблюдает за боем, и от этих ужасных звуков треска у меня мурашки по коже. Но меня беспокоит что-то еще. Тот факт, что у меня внезапно появились капли пота на лбу, в зоне декольте. Во время боя мои соски напряглись и затвердели, и это стало весьма заметно сквозь шелковые ткани моего топа. Каким — то бразом наблюдение за тем, как Ремингтон Тэйт наносит удары человеку, которого они называют "Молот" заставляет меня что — то чувствовать внизу живота и это мне не нравится и тем более я такого не ожидала.

То, как он качается, движется, рычит...

Вдруг, все вокруг хором начали, "РЕМИ... РЕМИ... РЕМИ."

Я поворачиваюсь и вижу подпрыгивающую Мелани, которая при этом произносит: — О Боже, ударь его, Реми! Просто стукни его до смерти, ты сексуальный зверь! — Она кричит, когда его противник с громким звуком падает на землю. Мои трусики намокли, и пульс неистово бьется. Я никогда не одобряла насилие. Это не я, и я в оцепенении хлопаю

ресницами от ощущений, которые проходят во мне. Похоть, чистая, бело-горячая похоть проходит сквозь мои нервные окончания.

Судья поднял руку Ремингтона в знак победы, и как только он выпрямился после своего нокаутирующего удара, его взгляд метнулся в мою сторону и остановился на мне. Пронзительно голубые глаза встретились с моими, и что-то запорхало в моём животе. Его потная грудь поднимается и опускается с каждым глубоким вздохом, на губах у него кровь. Но, несмотря на все это, его глаза приклеены ко мне.

Под моей кожей распространяется тепло, и я вся горю. Я никогда не признаюсь в этом Мелани, и даже себе вслух, но я не думаю, что когда-либо встречала более горячего мужчину в своей жизни. То, как он смотрит на меня — возбуждающе. То, как он стоит, с поднятой рукой, с потными мускулами, и с тем властным видом, о котором мне говорила Мел в машине.

В его взгляде нет ни капли извинения. То, как он игнорирует всех, кто кричит его имя и смотрит на меня с таким сексуальным взглядом, что я почти чувствую, что он взял меня прямо здесь. На меня нахлынуло ужасное осознание того, каким взглядом я смотрю на него.

Мои длинные, прямые волосы коричнево-красного цвета спадают мне на плечи. На мне белая рубашка на пуговицах без рукавов, но она закрывает мою шею кружевом, подол рубашки красиво скрывается за весьма презентабельными черными штанами с завышенной талией. Маленькие золотые сережки — колечка отлично подчеркивают мои глаза цвета медового виски. Но, несмотря на мой консервативный выбор одежды, я чувствую себя совершенно голой.

У меня затряслись ноги, и было явное ощущение, что этот парень хочет со мной переспать. С его "достоинством". Пожалуйста, Господи, я ведь не думаю об этом как Мелани. Но меня огорчает другое — странное чувство внизу живота.

"РЕМИ! РЕМИ! РЕМИ! РЕМИ!" произносили люди все громче и громче.

— Вы хотите больше Реми? — человек с микрофоном спросил толпу, и все вокруг нас зашумели. — Ну что ж! Давайте сегодня подберём достойного соперника для Ремингтона Разрывного Тэйта!

Другой мужчина взобрался на ринг, и я больше не могу это выносить. Это выше моих сил. Вероятно, вот почему не стоило забывать о сексе на протяжении стольких лет. Я едва могу сейчас говорить или двигать своими ногами, что мне пришлось постараться, чтобы повернуться к Мелани и сказать, что я иду в туалет.

Я кинулась по широкому пути между стендами, и сквозь динамики громко заорал голос: — И сейчас, бросает вызов нашему чемпиону, дамы и господа, приветствуем, Паркер "Сорвиголова" Дрейк!

Толпа оживает, и вдруг, я точно слышу звук очень сильного удара.

Это меня взволновало, но сопротивляясь желанию оглянуться, я завернула за угол и направилась прямо к уборной, когда динамики взорвались с новой силой: — Мамочки, это было быстро! У нас нокаут! Да, дамы и господа! Нокаут! И в рекордное время, победу опять получаешь ты, Разрывной! Разрывной, который сейчас спрыгивает с ринга и — куда, черт возьми, ты идешь?

Толпа, словно сумасшедшая, на пути в коридор, зовёт, "Разрывной! Разрывной!" и потом они моментально замолкают, как будто что-то произошло.

Я удивилась этой жуткой тишине, и затем услышала за спиной звуки шагов. Теплая рука взяла мою, и от этого прикосновения сквозь меня прошла нервная дрожь, я развернулась с

удивительной скоростью.

— Что за... — я открыла рот в замешательстве и уставилась на потную мужскую грудь, затем в насыщенные голубые глаза. Я потеряла рассудок. Он так близко и на меня нахлынул его запах, все это, как выстрел адреналина.

— Твое имя, — зарычал он, тяжело дыша, смотря на меня дикими глазами.

— Э — э, Брук.

— Брук как? — сразу выдал он, его ноздри раздулись.

Он настолько привлекательный, что думаю от этого, у меня пропал голос. Он вторгся в мое личное пространство, поглощая его, поглощая меня, дыша моим кислородом, и я не могу понять ни биения своего сердца, ни того, как я стою здесь, пылая от жара, все мое тело сосредоточено именно на том, как его рука обняла меня.

Дрожащими попытками я освободила свою руку и с ужасом взглянула на Мел, которая пришла за ним, широко распахнув глаза.

— Брук Дюма, — сказала она, и затем с радостью выпалила мой номер телефона. К моему огорчению.

Его губы изогнулись, и он встретился со мной взглядом.

— Брук Дюма, — Он, как будто трахал моё имя прямо передо мной. И прямо перед Мел.

И я как бы чувствую, как его язык извивается под эти два слова, как будто это то, что вы жаждете съесть, но понимаете, что нельзя, и между ног у меня нарастает желание. Его возбужденные глаза становятся почти собственническими, когда он смотрит на меня. Я еще никогда не видела ничего подобного.

Он делает шаг вперед, и его влажные руки скользнули к задней части моей шеи. Мой пульс участился, когда он опустил голову, чтобы оставить на моих губах лёгкий поцелуй. Такое ощущение, что он ставит на мне метку. Как будто он готовит меня к чему-то великому. Это может, как изменить, так и разрушить мою жизнь.

— Брук, — мягко произнёс он, многозначительно улыбаясь мне в губы. — Меня зовут Ремингтон.

По дороге домой я, все еще чувствую его руки. Я чувствую его губы на своих. Мягкость его поцелуя. Боже, я даже не могу нормально дышать, свернувшись на заднем сидении такси, тупо уставившись в окно на проносящиеся мимо городские огни, отчаявшись дать выход всем тем чувствам, что бурлят в моём теле. К сожалению, кроме Мел, у меня нет другой отдушины.

— Это было настолько чувственно, — затаив дыхание, сказала Мел в мою сторону.

Я покачала головой:

— Какого чёрта только что произошло, Мел? Парень только что меня поцеловал на глазах у всех! Ты понимаешь, что там были люди, которые снимали нас на свои телефоны?

— Брук, просто он так горяч. Каждый хочет его фотографию. Даже мои внутренности гудят от того, как он пошел за тобой, а ведь он даже не меня поцеловал. Я никогда не видела, чтобы мужчина ухаживал женщиной таким образом. Срань господня, это как порно с романтикой.

— Мел, заткнись, — я застонала. — Должна быть причина, из-за чего ему запрещено заниматься этим видом спорта. Очевидно, что он опасен или сумасшедший, или и то и другое.

Мое тело завелось с возбуждением. Его глаза, я чувствую их на себе, такие грубые и голодные. Я мгновенно почувствовала себя грязной. Я чувствую покалывание на затылке,

там, где он коснулся своей потной ладонью. Я потираю это место, но покалывание не прекратится, мое тело не успокоится, я не успокоюсь.

— Ладно, серьезно, тебе нужно больше узнать. Может у Ремингтона Тэйта и плохая репутация, но он больше сексуальный, чем грешный, Брук. Да, ему запрещено за плохое поведение, потому что он непослушный хулиган. Посмотри, кто знает, какое дерьмо происходило в его личной жизни? Все, что я знаю — это было что-то ужасное, и даже вспоминалось в нескольких заголовках, но сейчас это никого не волнует. Он — фаворит Подземной Лиги, и все виды бойцовских клубов его обожают. Они переполнены девушками, когда он участвует в боях.

Какая-то часть меня даже не может поверить в то, как парень на меня смотрел, выделяя меня из толпы кричащих женщин, он просто смотрел на меня, и это заводит меня еще больше, когда я об этом думаю. Он смотрел на меня сумасшедшими горящими глазами, и я не хочу сумасшедших горящих глаз. Я не хочу его, или кого-то другого, и точка. Все, чего я хочу — это работа. Я только закончила стажировку в местной средней школе и проходила собеседование в лучшей компании спортивной реабилитации в городе. Но прошло уже две недели, и никто не позвонил.

Я не сдвинулась с мертвой точки, и начинаю внутренне бояться, что никто так и не позвонит.

Это меня расстроило.

— Мелани, посмотри на меня, — потребовала я. — На твой взгляд, я выгляжу, как шлюха?

— Нет, милая. Ты, несомненно, была там самой элегантной леди.

— Если бы я оделась соответственно к такому месту, меня бы не заметил такой тип, как он.

— Может тебе стоит начать одеваться, как шлюха, и слиться с толпой? — Она ухмыльнулась, и я сразу нахмурилась.

— Я тебя ненавижу. И я больше никогда в жизни не пойду с тобой на нечто подобное.

— Ты не ненавидишь меня. Дай я тебя обниму. — Я склонилась в её объятия, и слегка обняла её, перед тем, как вспомнить её предательство.

— Как ты могла дать ему мой номер? Что ты вообще знаешь об этом человеке, Мел? Ты что, хочешь, чтобы в конечном итоге меня убили в тёмном переулке, а части моего тела выбросили в мусорной бак?

— Этого никогда не случится с тем, кто брал столько уроков самообороны, как ты.

Я вздохнула и покачала головой, но она улыбнулась мне своей очаровательной улыбкой. Я никогда не умела долго злиться.

— Ну же, Брук. Тебе нужно измениться, — прошептала Мел, прекрасно зная меня. — Новая и улучшенная Брук должна заниматься сексом сейчас и потом. Тебе это нравилось, когда ты соревновалась.

В моей голове появился образ голого Ремингтона, и это настолько возбуждающе, что я заёрзала на сидении и сердито посмотрела в окно, качая головой, но на этот раз более решительно. Что меня больше всего возмущает, так это те чувства, что пробуждаются во мне от одной лишь мысли о нем. Я чувствую... возбуждение.

Нет, я вообще-то не против секса, но отношения — всегда сложная штука, и прямо сейчас я эмоционально не готова иметь дело ни с тем, ни с тем. Я все еще немного сломлена после моего падения, и я пытаюсь построить новую карьеру. На сайте YouTube.com есть

отвратительное видео под названием "Дюма, ее жизнь закончилась!", снятое каким-то любителем во время моего первого Олимпийского испытания, и оно набрало весьма большое количество просмотров — как и все видео об униженных людях. Это именно тот момент, когда жизнь рухнула вокруг меня, и он был отлично увековечен на камеру, и теперь его можно воспроизвести и проигрывать, снова и снова, чтобы весь мир мог с удовольствием наблюдать за этим. Он показывает именно ту секунду, когда мои мышцы под коленом стянулись, и я спотыкаюсь, миг, когда моя ПКС — передняя крестообразная связка колена — сдаёт, и мои слёзы.

Оно длится около четырёх минут, это очаровательное небольшое видео. На самом деле, мой анонимный папарацци держал камеру исключительно на мне, и ни на ком больше. Вы даже можете услышать её голос, "Чёрт, её жизнь закончилась, " на заднем фоне. Который, очевидно, был вдохновением для названия ролика.

Так что, в этом фильме из реальной жизни есть я, прихрамывающая из-за ужасной боли, с плачем. Но плач не от боли в колене, а от боли моей собственной неудачи. И я просто хочу, чтобы мир поглотил меня, и я хочу умереть потому, что я знаю, знаю, знаю, что именно в эту секунду все мои тренировки пошли насмарку. Но вместо того, чтобы меня приняла земля, меня записали на плёнку.

Множество комментариев под видео до сих пор свежи в моей памяти. Одни люди желали мне добра в других начинаниях и говорили, что это была настоящая досада. Но другие смеялись и шутили по этому поводу, как будто я сама виновата в том, что так произошло.

Эти самые комментарии преследуют меня, днём и ночью, много лет, поскольку я проигрываю оба дня и размышляю над тем, что пошло не так. И я говорю оба потому, что разрыв моей ПКС случился не один раз, во второй раз это случилось, когда я, отказываясь верить в то, что "моя жизнь закончилась", решительно сделала еще одну попытку. Ни в одном из этих случаев я так и не знаю, что сделала не так, но сейчас я физически не способна попытаться снова.

Так что теперь я просто очень стараюсь жить дальше, как будто я никогда не была намерена соревноваться в Олимпийских играх, и последнее, что мне сейчас нужно — это человек, отнимающий мое время, которое я могла бы посвятить строительству будущего в моей новой профессии, которую я выбрала.

Моя сестра, Нора, романтическая, и самая страстная натура. Несмотря на то, что ей едва исполнился двадцать один год, и она на три года младше меня, она путешествует по свету, и присылает мне открытки из разных мест, и жалуется маме, папе и мне на своих "любовников".

Что на счёт меня? Я посвятила свои молодые годы обучая её, имея одну и единственную мечту — получить золотую медаль. Но мое тело сдалось задолго до того, как я захотела это воплотить, и я даже не сделала этого на мировом соревновании.

Когда вы должны принять тот факт, что ваше тело иногда не может делать то, что вы хотите, это ранит еще сильнее, чем физическая боль от полученной травмы. Вот почему я люблю спортивную реабилитацию. Я до сих пор могу быть подавленной и злой на то, что не получила той помощи, что мне была нужна. Вот почему я хочу попытаться помочь молодым спортсменам сделать это, когда сама не смогла. И поэтому я хочу устроиться на работу, чтобы чувствовать себя, наверное, хоть в чем-то успешной.

Но странно то, что уснуть ночью мне не дают не мысли о сестре или о новой карьере,

или даже об ужасном дне, когда Олимпийские игры стали для меня недоступными.

Единственное, о чем я думаю сегодня — это голубоглазый парень, который прикоснулся к моим губам своими.

* * *

На следующее утро, Мелани и я пошли на пробежку в тенистый парк неподалеку от нас, мы так делали каждый будний день, независимо от погоды. Каждая из нас всегда носит повязку с айподом, но сегодня, кажется, мы будем слушать только друг друга.

— Ты сделала твиттер, ты, распутница. Это должна была быть я. — Она покликнула на своем сотовом, и я нахмурила брови, пытаюсь всмотреться в то, что она читала.

— Тогда ты должна была дать ему свой номер мобильного, а не мой.

— Он уже звонил?

— "Городское управление в одиннадцать. Оставь свою сумасшедшую лучшую подружку дома", это все, что он сказал.

— Ха-ха! — сказала она, схватив мой телефон и вручив мне свой, ввела мой пароль, чтобы зайти в мои сообщения.

Я сузила глаза потому, что эта маленькая хитрая кошка знает все мои пароли, и вероятно, даже если бы я захотела, все равно не смогла бы держать от нее в секрете. Я молилась, чтобы она не увидела моей истории поиска Google, а то она узнает, что я искала его. Честно говоря, я даже не хочу принять тот факт, что я вводила его имя в поиск больше раз, чем могла рассчитывать. К счастью, Мел просто проверяет мои пропущенные звонки, и конечно же, нет ни единого звонка от него.

Судя по статьям, которые я читала прошлой ночью, Ремингтон Тэйт частично является богом, богом секса, но в основном богом. И нарушителем общественного правопорядка. В эту самую секунду, он, вероятней всего, пьяный в компании с голыми девицами, которые его удовлетворяют в его постели, и размышляет, "Брук, кто?"

Мелани выхватила свой телефон обратно, прочистила горло и читает новости в твиттере:

— Хорошо, есть пару новых комментариев, которые ты должна услышать. "Беспрецедентно! Вы видели, как Разрывной целовал зрителя? Черт возьми, какой напор! Я слышала, завязалась драка, когда он попытался пойти за ней и толкнул мужчину! Драка вне ринга является незаконной, и Рему могут запретить заниматься борьбой до конца сезона или навсегда. Да, именно поэтому его выгнали из профи! Ну, тогда меня не будет, если Рем не будет драться". Все эти многочисленные комментаторы, — Мелани объясняет, когда опускает свой телефон и усмехается. — Мне нравится, что они называют его Рем. Пусть его противникам земля будет пухом. Понимаешь? Во всяком случае, если он будет драться, то только в субботу, перед тем как бой перейдет в следующий город. Собираемся ли мы или мы идем?

— Это он и хотел бы узнать, когда позвонил.

— Брук! Он звонил или не звонил?

— Как ты думаешь, Мел? Сколько у него подписчиков в тви, миллион?

— На самом деле у него 2, 3 миллиона.

— Ну, вот тебе и чертов ответ. — Теперь я просто злая, и я даже не знаю почему.

— Но я была уверена, что у него было реально сильное желание для шалости с Бруки прошлой ночью.

— Кто-то уже позаботился об этом, Мел. Вот как у этих ребят делается.

— Все же мы должны пойти в субботу, — приказала Мелани с сердитым хмурым взглядом, что сделало ее красивое лицо едва не смешным. Она просто не относится к тому типу людей, чтобы когда-нибудь на кого-то злиться. — И ты должна одеться так, чтобы у него глаза выпучились, и чтобы он пожалел, что не позвонил тебе. Вы могли бы провести одну шикарную ночь, и я действительно имею ввиду шикарную.

— Мисс Дюма?

Мы вернулись к моей квартире, и я всмотрелась сквозь утреннее солнечное светло на высокую, лет сорока, женщину со светлыми волосами, собранными в пучок, стоящую на ступеньках моего дома. Ее улыбка теплая и почти смущенная, когда она протянула мне конверт с написанным на нем моим именем:

— Ремингтон Тэйт хотел, чтобы я лично доставила это вам.

Как только это имя слетело с ее губ, у меня замерло сердце, и вдруг, оно начало биться намного быстрее, чем во время моей утренней пробежки. Моя рука задрожала, когда я открыла конверт и достала оттуда огромный синий с желтым пропуск. Это пропуск за кулисы в Подземный клуб с прикрепленными к нему билетами на субботу. Это передние сиденья по центру, и здесь их четыре. Мои внутренности делают смешные вещи, когда я замечаю, что на пропуске есть мое имя, написанное мужским небрежным почерком, и я подозреваю, что это его.

У меня перехватило дыхание.

— Ничего себе, — прошептала я в потрясении. Маленький пузырь волнения растет в моей груди, и я почти чувствую, что мне нужно пробежать дополнительно пару миль только для того, чтобы лопнуть его.

Улыбка женщины стала шире: — Сказать ему, что вы ответили "да"?

— Да. — Слово вылетело из меня, прежде чем я смогла подумать об этом. Прежде, чем я смогу больше поразмышлять обо всех тех заголовках, о нем, которые я вчера читала, большинство из них выделяли слова "плохой парень", "пьяный", "драка в баре", и "проститутки".

Потому что это ведь только борьба, не так ли?

Больше я ни на что не соглашаюсь.

Правда?

Я еще раз посмотрела с недоверием на билеты, и Мелани с изумлением смотрит на мой профиль, когда женщина взобралась на заднее сиденье черной Эскалады. Когда машина загудела далеко, она игриво ударила мое плечо:

— Ты шлюха. Ты же хочешь его, разве нет? Это должна была быть моя фантазия, ты, дурочка!

Я, смеясь, вручила ей три билета, у меня не укладывался в голове тот факт, что он действительно установил какой-то контакт сегодня.

— Я думаю, что мы пойдем, в конце концов. Поможешь мне собрать компанию, не так ли?

Мелани схватила меня за плечи и прошептала на ухо, управляя мной вверх по ступеньках моего дома:

— Скажи мне, что это не заставило тебя чувствовать легкую дрожь.

— Это не заставило меня чувствовать легкую дрожь, — я автоматически ответила, и прежде чем зайти в свою квартиру, я добавила, — Это заставило меня чувствовать сильную дрожь.

Мелани завизжала и потребовала, чтобы она пришла и выбрала для меня наряд на субботу, и я сказала ей, что когда захочу выглядеть как шлюха, я дам ей знать. В конце концов, Мел махнула рукой на мой гардероб, и сказала, что в нем нет ничего даже отдаленно сексуального и ей нужно работать, так что она оставит меня в покое остальную часть дня. Но легкая дрожь не проходит так просто. Я чувствовала ее, когда принимала душ, когда одевалась, и когда проверяла свою электронную почту на наличие новых вакансий.

Я не могу объяснить, почему я так нервничаю при мысли о встрече с ним.

Я думаю, что он нравится мне, и мне не нравится, что я так думаю.

Я думаю, что я хочу его, и я ненавижу себя за это.

Я думаю, что он действительно идеально подходит для того, чтобы провести с ним одну ночь, и я также не могу поверить, что начинаю задумываться об этом.

* * *

Естественно, как и любая женщина с рабочим циклом гормонов, в субботу я в абсолютно другой точке моего ежемесячного цикла, и я уже пожалела более дюжины раз о том, что согласилась пойти на бой. Приходится утешать себя тем, что, по крайней мере, компания в восторге от этого.

Мелани позвала Пандору и Кайла пойти с нами. Пандора работает с Мелани в фирме дизайна интерьера. Она является резидентом, самым современным готом, с которым каждый мужчина хочет приукрасить свои холостяцкие покои. Кайл все еще учится на стоматолога, и он мой сосед, давний друг, и друг Мел еще со средней школы. Он наш брат, которого у нас никогда не было, и он такой милый и застенчивый с другими женщинами, что он фактически должен заплатить какому-то профессионалу, чтобы лишить его девственности в двадцать один год.

— Я так рада, что ты нас подводишь, Кайл, — сказала Мелани, сидя со мной на заднем сидении.

— Клянусь, что вы, ребята, для этого меня и позвали, — сказал он, но смеясь, несомненно, запаленный мыслью о борьбе.

Толпа в Подземелье сегодня, по крайней мере, вдвое больше, чем тогда, когда мы были здесь в последний раз, и мы ждали около двадцати минут, чтобы зайти в лифт, который опустит нас к арене.

Когда Мелани с ребятами пошли занимать свои места, я завязала пропуск за кулисы вокруг шеи и сказала ей:

— Я собираюсь где-то спихнуть свои визитные карточки, чтобы заметили боксёры.

Я должна быть сумасшедшей, чтобы упустить эту возможность. Эти спортсмены являются крупными, мускулистыми разрушителями органов, с одним смертельным ударом против другого, и если есть шанс проделать некоторую реабилитационную работу, то полагаю это можно сделать здесь.

Когда я ждала в очереди, чтобы получить доступ к запретной части, запах пива и пота пропитал воздух. Я заметила Кайла, машущего с наших мест в самом центре справа от ринга,

и я была поражена от того, насколько близко будут бойцы. Кажется, Кайл может дотронуться к возведенному полу ринга, если сделает шаг вперед и протянет руку.

Вы на самом деле можете посмотреть бой с дальнего конца арены, не заплатив ни копейки, за исключением разве что чаевых вышибале, но сидячие места стоят от пятидесяти до пятисот долларов, а те, что нам прислал Ремингтон Тэйт стоят больше пятисот долларов. Будучи безработной две недели с момента моего окончания, я должна экономить свои сбережения много лет, в противном случае я бы не смогла позволить себе билеты. Мои друзья, которые являются выпускниками, также не могли бы их себе позволить. Они пошли практически на любую работу, которую могли получить на этом дерьмовом рынке труда.

Протиснувшись сквозь толпу, я, наконец, сверкнула своим пропуском с легкая счастливой улыбкой, и мне позволили спуститься по длинному коридору с несколькими открытыми комнатами с одной стороны.

В каждой комнате есть скамейки и ряды шкафчиков, и я заметила несколько бойцов в разных углах комнаты, разговаривающих с их командами. Я заглянула в третью комнату, и по мне прошла нервная дрожь.

Он, совершенно расслабленный, сидит, сторбившись на длинной красной скамейке, наблюдай за тем, как мужчина с блестящей лысой головой забинтовывает одну его руку. Его другая рука уже перевязана, вся покрытая бинтом кремового цвета, за исключением костяшек пальцев. Его лицо задумчивое и поразительно мальчишеское, что заставляет меня задаться вопросом, сколько ему лет. Он поднял свою темную голову, как будто почувствовав мое присутствие, и сразу меня заметил. Его глаза странно вспыхнули и в них появились мощные искры, и это пронеслось по моему телу, как молния. Я придушила свою реакцию и заметила, что его тренер что-то ему говорит.

Ремингтон не смог оторвать от меня глаз. Его рука все еще не перевязана, и, кажется, он забыл о тренере, который продолжает бинтовать и выдавать ему инструкции.

— Так, так, так...

Я обернулась на голос справа от меня, и я почувствовала в животе укол страха. Огромный боец стоял всего лишь в шаге от меня, пристально разглядывая меня своими запугивающими глазами, как будто я являюсь десертом, а у него в распоряжении есть идеальная для этого ложка.

Я увидела Ремингтона, который схватил бинты в своего тренера и отбросил их в сторону, а затем медленно направился в мою сторону. Когда он остановился позади меня, немножко правее, осознание близости его тела к моему просочилось в каждую мою пору.

Когда он столкнулся с моим поклонником, его мягкий голос над моим ухом заставил меня дрожать:

— Просто уйди, — сказал он мягко другому мужчине.

Мужчина, которого я опознала, как Молот, больше не смотрел на меня. Вместо этого, он смотрел над моей головой немного в сторону. И мне показалось, что рядом с Ремингтоном, он больше не выглядит таким большим.

— Она твоя? — спросил он, прищурив свои глаза-бусинки.

Мои бедра стали влажными, когда отвечающий голос прошелся по оболочке моего уха, одновременно бархатный и жутко решительный:

— Могу гарантировать, что она не твоя.

Молот удалился, и долгое время Ремингтон стоял, его мускулы почти касались меня, тепло его тела обволакивало меня. Я опустила голову и пробормотала:

— Спасибо, — и быстро ушла, и я хочу умереть потому, что клянусь Богом, он наклонил голову просто, чтобы почувствовать мой запах.

Глава 2

Внезапно

Он только собирается взобраться на ринг, как толпа начинает сходить с ума, и его имя уже звучит из микрофона: — Еще раз, дамы и господа, Разрывной!

Я еще под впечатлением от того, что он стоял так близко, и в моей крови пронеслось что-то странное, кипящее и горячее. В тот момент, когда он пробежал трусцой по широкому залу между стендами в этой красной накидке с капюшоном, мой пульс участился, желудок сжался, и появилось ужасное отчаянное желание убежать домой.

В парне просто слишком. Слишком много мужчины. В нем слишком много мужественности и чисто грубого животного. Взять все вместе, и он просто как секс на палочке, и каждая женщина здесь кричит во все легкие, как она хочет его лизнуть.

Ремингтон поднялся на ринг и ушел в свой угол. Он снимает с себя накидку, обнажая при этом все свои изгибы мышц, и передает ее молодому блондину, который, кажется, является помощником его лысого тренера.

— И сейчас, я представляю вам, Молот!

Молот отправился занять свое место на ринге, и Ремингтон лениво улыбнулся сам себе. Его взгляд метнулся прямо ко мне, и я поняла, что он знает точно место, где я сижу сегодня. Все еще улыбаясь я-весь-такой улыбкой, он ткнул пальцем на Молота, и потом указал на меня, как будто говоря, "это для тебя".

У меня упал желудок.

— Дерьмо, он меня убивает. Каково вообще он так делает? Он такой чертовски властный, я его терпеть не могу!

— Мелани, возьми себя в руки! — зашипела я, и затем села, сложа руки, в свое кресло, потому что меня он тоже убивает. Я не знаю, чего он от меня хочет, но у меня связаны руки потому, что я никогда не ожидала, что тоже захочу чего-то очень сексуального и очень личного от него.

Вихрь памяти о его близости ко мне всего минуту назад нахлынул на меня, но раздался гонг начала борьбы, который выдернул меня из этих воспоминаний. Бойцы шли нога в ногу, и Реми направлял удары в одну сторону, в то время, как Молот тупо уклонялся, следуя за издевательским движением. Как только сторона Молота кажется открытой, Ремингтон нападает на него с левой, ударяя его в по ребрам.

Они отскакивали друг от друга, и Ремингтон действовал дерзко и хитро, раздражая Молота. Он повернулся ко мне, указал на Молота, и потом опять на меня, прежде чем ударить его так сильно, что парень отлетел на тента позади него, упал на колени и встряхнул головой, чтобы встать снова. Мышцы между моими бедрами сжимались каждый раз, когда он ударял своего противника, и сердце подскакивало каждый раз, когда противник отвечал на удар.

В течении ночи он дерется с несколькими боксёрами таким же образом. Каждый раз, когда его объявляют победителем, он смотрит на меня с такой самодовольной улыбкой, будто он хочет, чтобы я поняла, кто здесь доминирует. Мое тело дрожит, когда я смотрю на то, как он двигается, и не могу перестать фантазировать. Я представляю его бедра надо мной, его тело в моем, эти большие руки, касающиеся меня, плоть к плоти. В течение последних несколько раундов его лицо приобрело сконцентрированный вид, и грудь

напряженно вздымается и блестит от пота.

Внезапно я поняла, что ничего не хотела так сильно в своей жизни.

Мне хотелось сходить с ума. Прыжки банджи. Бег на короткой дистанции, даже если только в буквальном смысле. У меня никогда не было всех этих свиданий потому, что я тренировалась для того, чему не суждено было случиться. Я никогда не ездила верхом из-за страха сломать кость, которую сломала бы в любом случае. Никогда не выпивала. Старалась улучшать свои показатели, чтобы я смогла пробежать дистанцию. Ремингтон Тэйт является всем тем, чего я никогда в жизни не делала; у меня в сумке есть презерватив, и внезапно я точно поняла, зачем его туда положила. Этот парень — боксёр. Я хочу дотронуться до красивой груди и поцеловать эти губы. Я хочу, чтобы его руки были на мне. Когда представляю эти руки на мне, вероятно, начинаю представлять то, как он входит в меня.

Это наиболее насыщенная прелюдия, которую я когда-либо чувствовала, и внезапно захотелось большего. Я захотела, чтобы это случилось сегодня.

Когда он выиграл в десятый и последний раз, я опять почувствовала его взгляд на себе, и могла только и сделать, что смотреть на него в ответ, желая, чтобы он узнал, чего я хочу. Он улыбался мне, весь потный и самоуверенный, сверкая своими голубыми глазами и показывая свои ямочки. Схватив верхний трос ринга, он легко передвинулся через него и изящно опустился в проходе передо мной.

Мелани замерла при виде того, как ко мне приблизилось его прекрасно сформированное загорелое тело.

Не было никаких сомнений, куда он направлялся.

Затаив дыхание до такой степени, что показалось мои легкие, лопнут, я стояла на дрожащих ногах потому, что я действительно не знала, что еще мне делать. Толпа заревела, и женщины позади меня начали кричать:

— Поцелуй его до потери сознания, женщина!

— Ты не заслуживаешь его, сука!

— Вперед, девочка!

Он сверкнул своими ямочками, и когда он наклонился, я продолжала ожидать его рук. Я почти чувствую то, как ощущала его руки в прошлый раз: большие, незнакомые, и немного изумительные, когда они практически охватили мое лицо. Я уже умираю. Умираю от желания. От безрассудства. От предвкушения.

Вместо этого он склонил голову к моему виску и, касаясь меня своим тёплым дыханием, прошептал грубым голосом мне на ухо:

— Никуда не уходи, я пришлю кого-нибудь за тобой.

Толпа продолжала кричать, когда он улыбнулся, отступил и взобрался назад на ринг, оставляя меня газетью на него. Одна женщина возле меня целую минуту тряслась и учащенно дышала:

— О, боже мой, о, боже мой, обожебожебожебоже, его локоть коснулся меня, его локоть коснулся меня!

— УВАЖАЕМЫЕ ЗРИТЕЛИ, РАЗРЫВНОЙ! — раздался голос диктора.

Мои колени обмякли, и я упала на место, невесомая как взбитые сливки, держа руки вместе и скрывая дрожь. Мой мозг как будто расплавился, да так, что я не могу больше ни о чем думать, кроме того, как он спрыгнул с ринга и прошептал мне на ухо своим невыносимо сексуальным голосом, что придет кого-то за мной. Сама мысль об этом заставляет мои пальцы на ногах поджиматься. Мелани в шоке замолчала, Пандора и Кайл смотрели на меня,

как будто я являлась неким святым существом, посадившем дикое животное на колени.

— Какого черта он сказал? — промямлил Кайл.

— Иисус, Мария и Иосиф, — завизжала Мелани, обнимая меня. — Брук, этот парень горяч для тебя.

Женщина возле меня коснулась моего плеча своей дрожащей рукой:

— Ты с ним знакома?

Я покачала головой, даже не зная, как ответить. Все, что я знаю — это то, что начиная от вчера до сегодня не было ни секунды, чтобы я о нем не думала. Все, что я знаю — я ненавижу и люблю то, как он заставляет меня чувствовать себя и то, как он смотрит на меня, наполняя желанием.

— Мисс Дюма, — я услышала чей-то голос и подняла голову на двух мужчин в черном, стоявших между мной и рингом. Оба являлись высокими и худыми; один — блондин, а у другого — вьющиеся каштановые волосы. — Я Пит, личный агент Мистера Тэйта, — сказал каштановый кудряшка. — А это Райли. Он помощник тренера. Следуйте за нами, пожалуйста, Мистер Тэйт хочет поговорить с вами в своем гостиничном номере.

Сначала я даже не смогла уловить, кто такой Мистер Тэйт. Но затем понимание нахлынуло на меня, и жарко-красная вспышка молнии прошла сквозь меня. Он хочет тебя в своем отелем номере. Ты хочешь его? Ты хочешь сделать это? Какая-то часть меня в уме уже делает это с ним десятью способами до самого воскресенья, в то время как другая часть меня не сдвинется с этого дурацкого стула.

— Твои друзья могут пойти с нами, — добавил блондин непринуждённым голосом и подал знак ошеломленной троице.

Я почувствовала облегчение. Я так думаю. Тьфу, я даже не знаю, что чувствую.

— Брук, пойдём, это Ремингтон Тэйт! — Мелани потянула меня силой и настоятельно призывала следовать за мужчинами, мои мысли понеслись на полной скорости: что мне делать, когда увижу его? Сердце качало адреналин, как сумасшедшее, когда нас вели из Подземелья к отелю через улицу, затем мы поднимались на лифте к «П».

Когда послышался звон лифта на верхнем этаже, на меня накатила всплеск нервозности, и я чувствовала себя именно так, как когда-то на соревнованиях. Когда я представляю его тело внутри меня, это напоминает мне езду на американских горках, и вдруг я становлюсь близка к вершине, где это может стать реальностью. Мой желудок сжимается от мысли о том, насколько возбуждающий может быть спуск. Роман на одну ночь, я иду...

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не собираешься иметь что-то с этим парнем, — сказал мне Кайл, когда двери открылись, его лицо сморщилось от беспокойства. — Это не ты, Брук. На самом деле ты гораздо более ответственна.

Я?

Серьезно?

Потому что сегодня я схожу с ума. Схожу с ума от страсти, адреналина и от двух сексуальных ямочек.

— Я собираюсь просто с ним поговорить, — сказала я своему другу, но на самом деле не понимая, что я делаю.

Мы следовали за двумя мужчинами в первую часть огромного номера «люкс».

— Твои друзья могут подождать здесь, — сказал Райли, показывая на огромный черный гранитный бар. — Пожалуйста, обслужите себя выпивкой сами.

Когда мои друзья потянулись к новым отменным бутылкам алкоголя, Мелани убежала с

явным визгом, Пит показал жестом следовать за ним. Мы пересекли комнату и вошли в спальню, где я увидела его, сидящего на скамье в ногах кровати. У него мокрые волосы и он держит пачку геля в зубах. Зрелище такого примитивного мужского ухода за раной, после того как он неоднократно ломал человека за человеком своими кулаками, кажется мне каким-то невероятно сексуальным.

Две азиатки сидели на коленях за ним, и каждая потирала его плечо. Вокруг его бедер было завернуто белое полотенце. Три пустых бутылок «Гаторада» были брошены на полу, и еще одна была у него в руках. Он поставил пачку геля на стол и опустошил последнюю «Гетораду». Одним большим глотком он выпил голубую, как его глаза, жидкость, а потом отбросил в сторону.

Я была загипнотизированная тем, как его мускулы сжимались и расслаблялись под пальцами женщин. Я знаю, что массаж — это нормально после интенсивных физических нагрузок, но чего я не знаю, и не могу понять, так это то, как наблюдение за этим влияет на меня.

Я осознаю, что значит быть в форме. Я преклоняюсь ей. Это было моей церковью в течении шести лет, когда я решила начать новую карьеру, подходящую мне, и когда поняла, что не буду заниматься бегом на короткой дистанции. И сейчас у меня руки чешутся от желания исследовать его тело, давить и отпускать, погрузиться в каждую мышцу.

— Тебе понравился бой? — он посмотрел на меня с такой самоуверенной улыбкой и мерцающими глазами, как будто он знал, что бой мне очень понравился.

Для меня наблюдение за его борьбой — это то, что я люблю и ненавижу. Но я просто не могу похвалить его, услышав, как пятьсот людей кричали, насколько он хорош, так что я просто пожала плечами:

— Ты делаешь бокс интересным.

— И это все?

— Да.

Он резко дернул плечами, чтобы остановить массажисток, кажется, он был раздражен. Он встал, покрутил своими квадратными плечами, затем хрустнул своей шеей в одну и другую сторону.

— Оставьте меня.

Обе женщины улыбнулись мне, и отошли, мгновение, и я осталась с ним наедине, не могла дышать.

Я осознавала насколько великое событие для меня — находиться здесь, и вдруг я забеспокоилась. Его загорелые руки с длинными пальцами были опущены по бокам, и сквозь меня прошло желание, когда я представляла, как они скользят по моей коже.

У меня участилось сердцебиение, и я с усилием перевела взгляд на его лицо и заметила, что он молча смотрит на меня. Он хрустнул костяшками пальцев на одной руке, затем на другой. Он выглядел возбужденным, как будто не расходовал достаточно энергии, повалив на землю полдюжины мужчин. Как будто он легко мог пройти еще пару раундов.

— Парень, который с вами, — сказал он, согнув пальцы по бокам, как будто для того, чтобы вызвать больший приток крови, при этом, не отрывая глаз от меня. — Он твой парень?

Честно говоря, я не знаю, чего ожидала от приезда сюда, но возможно чего-то, что привело бы меня прямо в его постель. Я так растерялась и беспокоилась больше, чем немножко. Чего он хочет от меня? Чего я хочу от него?

— Нет, он просто друг, — ответила я.

Его глаза метнулись к моему безымянному пальцу и вернулись назад:

— У тебя нет мужа?

Странный легкий трепет прошел по моим венам, прямо в голову, и я думаю, что я опьянела от запаха массажного масла, которым его натирали.

— Я вообще не замужем.

Долгое время он изучал меня, но не видно, чтобы его одолевало воздержание, что лично я, постыдно, чувствую. Он просто оценивает меня со своей полуулыбкой и кажется искренне заинтересованным в том, что я говорю.

— Ты была интерном в частной школе реабилитации молодых спортсменов?

— Ты искал обо мне информацию?

— Вообще-то, это делали мы, — сказали два знакомых голоса мужчин, которые привели меня, и когда они снова вошли в комнату, Пит принес папку и передал его Райли.

— Мисс Дюма. — Пит с вьющимися волосами и мягкими карими глазами опять заговорил со мной. — Я уверен, что вам интересно, почему вы здесь, так что мы просто перейдем к делу. Мы уезжаем из города через два дня, и нет времени что-то менять. Мистер Тэйт хочет вас нанять.

Я остолбенела на мгновение, и честно говоря, смущена до чертиков.

— Чем вы думаете, я занимаюсь на самом деле? — я нахмурила лицо — я не занимаюсь сопровождением.

Оба, Пит и Райли, расхохотались, но Ремингтон тревожно молчал, медленно усаживаясь на скамью.

— Вы нас не правильно поняли, Мисс Дюма. Да, признаю, когда мы путешествуем мы находим удобным иметь одного или нескольких специальных друзей для Мистера Тэйта, чтобы, скажем так, удовлетворить его потребности до или после боя, — смеясь, объяснил Пит.

Моя левая бровь поднялась вверх. На самом деле, я прекрасно понимала, как это влияет на спортсменов.

Когда-то я соревновалась, и знаю, что либо после занятий спортом, либо перед сексом является естественным, и даже здоровым способом снятия стресса, а также способствует увеличению эффективности. Я потеряла девственность во время тех же пробных испытаний, когда ушибла колено к черту, и я потеряла ее с мужчиной-бегуном на короткую дистанцию, который почти также нервничал, как я. Но то, как эти парни говорят о «потребностях» Мистера Тэйта, так мимоходом, кажется вдруг настолько личным, что мои щеки загорели от смущения.

— Как вы уже, наверное, догадались, Мисс Дюма, такой человек, как Ремингтон имеет очень специфические требования, — продолжил Райли, светловолосый мужчина, похожий на сёрфера. — Но он был очень убедительным в том факте, что он больше не нуждается в таких друзьях, которыми мы обеспечивали его во время нашей поездки. Он хочет сосредоточиться на важном, и взамен, он хочет, чтобы вы на него работали.

У меня внутри все сжалось, когда я посмотрела на Райли, потом на Пита, и затем на Ремингтона, скулы которого казались еще более квадратными, чем я помню, как будто сделаны из самого прекрасного, самого бесценного гранита в мире.

Я не знаю, о чем он сейчас думает, но хотя он уже не улыбается, его глаза все еще излучали озорство.

Его лицо слегка опухло с левой стороны, и мои лечебные инстинкты действительно хотели взять пакет геля и приложить к его скуле снова. Черт, в уме я уже приложила мазь на красный шрам на его нижней губе. Меня настолько переполняли такие мысли, что я поняла, что не могу доверять сама себе рядом с таким чрезмерно привлекательным мужчиной. Я до сих пор, все еще взвинчена от того, что нахожусь с ним в одной комнате.

Пит пролистал папку.

— Вы практиковались в Военной Академии Сиэтла в спортивной реабилитации учеников среднего курса, и мы видим, что вы закончили только две недели назад. Мы готовы нанять ваши услуги на протяжении тура, который охватывает восемь городов, и включают работу над хорошей физической формой Мистера Тэйта для будущих соревнований. Мы будем вам хорошо платить. Как правило, это очень престижно работать с таким спортсменом, и это должно быть впечатляющим в любом резюме. Это могло бы даже позволить вам стать свободным агентом, если в будущем вы решите уйти, — сказал Пит.

Я моргнула несколько раз.

Как и сейчас, я беспокоилась о поиске работы, когда мне не перезванивали. Школа, в которой я практиковалась, предложили мне вернуться в августе, когда классы возобновятся, так что, по крайней мере, у меня есть такая возможность. Но, однако, прошли месяцы, и беспокойство о том, что у меня есть диплом и я ничего с этим не делаю, ест меня.

Вдруг я поняла, что все глаза направлены на меня, и я особенно осознаю глаза Ремингтона.

На мне.

От мысли о том, чтобы работать на него после того, как в уме я уже занималась с ним сексом, мне стало не по себе.

— Мне нужно подумать об этом. По правде говоря, я не ищу чего-то в не Сиэтла на длительный срок. — Я нерешительно взглянула на него, затем на остальных мужчин. — И сейчас, если это все, что вы хотели мне сказать, мне лучше уйти. Я оставлю свою визитку на вашем баре. — Я повернулась идти, но повелительный голос Ремингтона меня остановил.

— Ответь мне сейчас, — резко сказал он.

— Что?

Когда я повернулась, он наклонил голову и, удерживая мой взгляд, и проблеск в его глазах уже не был игривым. — Я предложил тебе работу, и я хочу получить ответ.

Наступила тишина. Мы уставились друг на друга, этот голубоглазый дьявол и я, и это был замысловатый обмен взглядами. Я не могу понять, он просто смотрит на меня или это что-то большее. Я что-то чувствую внутри, как будто живое и дышащее, и оно вспыхивает каждый раз, когда я смотрю в его глаза и вижу, как он смотрит на меня этими душераздирающими насыщенными глазами.

Ну что ж, ладно. Придушить дурацкую похоть. Это мне нужно гораздо сильнее.

— Я буду работать с вами три месяца, которые нужны, чтобы совершить поездку, если вы обеспечите мне проживание, питание, дорогу и гарантируйте, что дадите мне рекомендации для приема на следующую мою работу, и позвольте мне использовать тот факт, что я работала с вами, с моими будущими клиентами.

Когда он просто продолжал смотреть, я отвернулась, предполагая, что он хочет подумать об этом. Его голос опять меня остановил.

— Хорошо. — Он кивнул, и у меня закружилась голова от неверия.

Он меня нанял?

Моей первой работой будет — работать на него?

Медленно, поддерживая полотенце на талии, чтобы то ничего не раскрыло, Ремингтон поднялся и посмотрел на мужчин:

— Но я хочу, чтобы на бумаге было написано, что она не уйдет, пока не закончится тур.

Я очень стараюсь не замечать выпуклости его мускул. Он подоткнул полотенце и начал подходить, выглядя коварным и хищным в своей походке, и его самоуверенная улыбка еще больше это подчеркивает. Это та улыбка, которая говорит мне, что он знает, что выбивает меня из колеи. И черт, он выбивает меня из колеи. Я наблюдаю, как подходит более шестифутовая мускулатура в блестящей от масла коже и восемь кубиков пресса, что физически на самом деле невозможно, но как это отрицать, когда он прямо передо мной? Боже.

У меня подскочило сердце, когда он охватил мою руку своей огромной и склонил голову, чтобы посмотреть прямо на меня. Сжимая меня своим сильным рукопожатием, и это касание как электрический ток пронеслось сквозь меня, он прошептал:

— Мы заключили сделку, Брук.

Мне казалось, я потеряю сознание.

Он сделал шаг назад, его улыбка вспыхнула и пронеслась сквозь меня тысячами мегаватт, затем он обратился к своим людям:

— Подготовьте все бумаги завтра, и удостоверьтесь, чтоб она благополучно добралась домой.

* * *

Мелани вскочила из бара, как только заметила меня, ее глаза были расширены от любопытства. Мне показалось, я только что поймала ее за тем, как она впихивала миниатюрную бутылку рома в свой клатч.

— Что? Это был быстрый секс? Я думала, этот парень будет более выносливым, — сказала она с чистым раздражением.

— Народ, он же только что выбил десять человек размером проклятых гризли. Конечно, он изнуренный, — сказал Кайл, единственный из троих без выпивки в руках.

— Ребята, расслабьтесь. Ничего не было. — Я покачала головой, почти смеясь над жалким выражением на лице Мел. — Но я устроилась на работу на лето.

— Чтоооооо?

Я даже не успела объяснить все друзьям, как оба мужчины Ремингтона подошли возле меня.

— Мисс Дюма, вы готовы?

— Называйте меня Брук. — Я чувствую себя нелепо, когда меня называют «Мисс Дюма». Мои друзья, вероятно, не перестанут меня подкалывать этим позже. — По правде говоря, я не одна. Так что нет причины следовать за мною куда бы то ни было.

Райли потрянул своей светлой головой и криво улыбнулся.

— Поверьте мне, ни Пит, ни я, не будем спокойно спать сегодня, если не будем, уверены, что вы безопасно добрались домой.

— Ну что ж, привет, не думаю, что нас должным образом представили, — сказала Мел мягким голосом, сверкая глазами на Райли, с расширенными зрачками и так далее. Затем

она продолжает использовать свое очарование на Пита. — И кто ты такой?

Я со стоном представила их, затем захватив каждую из девушек за руки. Мое сердце все еще неистово билось в грудной клетке, когда мы прошли к лифту и затем к машине Кайла.

Они все были чересчур сентиментальными, кроме Кайла, который хмурясь, сел за руль.

— Это было одно дурацкое собеседование. В гребанном гостиничном номере?

— Будешь мне рассказывать. — Мою женскую гордость укололи потому, что где-нибудь, в конечном счете, я была убеждена, что парень хотел переспать со мной. Вместо этого, он предложил мне работу? Неплохо, но совершенно неожиданно, это точно.

Кажется, мои рецепторы потеряли чувствительность и в этом, вероятно, также можно винить его.

— Я чувствую себя такой важной, когда вижу, как они едут за нами, — минуту спустя сообщила нам Мел, и быстро взяла телефон и сделала фото.

— Что ты делаешь? — Да, я просто спросила, и не была уверена, что хотела это знать.

— Пишу в твиттере об этом.

— Напомни мне никогда больше не брать тебя с собой, — застонала я, но я была настолько возбужденной, что терпеть себя не могла. Голубые глаза. Ямочки. Плечи шириной в ярд. Гладкая, блестящая бронзовая кожа. Но никакого секса... определенно никакого секса с ним сейчас.

— Как ты думаешь, кто эти ребята? — хотела узнать Мел.

— Я не знаю. Райли, блондин, которого ты хочешь, является помощником тренера, а Пит — это его личный агент, я так думаю.

— Вообще-то я хочу их обоих. Пит милый с таким взглядом хорошего мальчика, но ему нужно немного подкачаться. И Райли кажется простым и веселым. Они оба, определенно жаркие, находясь на грани довольно горячих. Как думаешь, сколько им лет? Тридцать?

Я пожала плечами.

— Ремингтону двадцать шесть, — сказала она. — Я думаю, они немного старше. Реми определенно моложе. Как, думаете, они встретились?

— Это ты всегда все хочешь знать, так что же ты на меня смотришь? Я не провожу весь день, ища людей на гугле. — Только его. Черт.

— Брук, расскажи нам о своей новой работе, — прервал нас Кайл с водительского сидения. — Ты же не серьезно рассматриваешь возможность отъезда с парнем с такой репутацией?

Мне потребовалось некоторое время, чтоб ответить, потому что я все еще потрясена, что у меня есть работа, даже если это только временно.

Когда я была младше, я всегда говорила, что рождена, чтобы бегать, и когда я ушиблась, чувствовала, что ничего не добились долгими днями — нет, не днями — месяцами. Спортивная реабилитация исцелила меня так, как я бы никогда не исцелилась, и сейчас чем больше я думаю об этом, тем больше мне хочется помочь такому агрессивному человеку, как Ремингтон, жестоко избивающее тело, которого наверняка требует серьезную нежную любящую заботу.

— Все серьезно, Кайл. Если все пойдет хорошо, и их условия контракта не сумасшедшие, я еду в воскресенье. Я обещаю тебе, что смогу о себе позаботиться, спрости у моего учителя по самообороне. Я надрала ему задницу несколько раз. Я буду путешествовать, и это будет весело, могу получить шанс стать свободным агентом, если получу хорошие рекомендации. Если это произойдет, то мне не придется больше терпеть

никаких собеседований.

— Этот парень может уложить слона, Брук. Разве ты его не видела? Пандора, безусловно, видела его.

— Чувак, там не было на что смотреть, кроме него. Этот парень может уложить долбаный поезд слонов, — сказала Пандора с переднего сидения. Она курила электронную сигарету и выпускала пар в воздух, это первая неделя ее «бросания» настоящих сигарет.

— Интересно, что парни будут делать, если мы остановимся в проезде Джек-из-коробочки, сделаем большой заказ и скажем, что они заплатят, — сказала Мелани.

— Мелани, — сказала я, предостерегающе. — Сколько ты выпила? — я заметила у нее в руке маленькую бутылку водки и сразу сделала вывод, что это та, которую она стащила из бара Ремингтона. Я закупорила ее крышкой и засунула в свою сумку. — Я собираюсь работать с этими парнями три месяца, так что, пожалуйста, держи себя в руках.

— Просто посмотрим, что они будут делать, девочка, давай, — умоляла Пандора.

Смеясь, Кайл свернул направо, остановился возле сервиса «на ходу» и начал заказывать всего понемногу. Я схватила свой кошелек с одиноким презервативом и кредитной карточкой. — Ты член, — сказала я, бросая в него презерватив. — Ребята, вы инфантильны. Остановись возле проклятого окна. Вы съедите все, что вы заказали.

Когда Кайл остановился возле следующего окна Макдоналдса, я была по-настоящему рассерженной. Я заставила их ждать, чтобы оплатить заказ, и затем вышла из машины и пошла к Эскаладе. У меня в руках были два Хеппи-мила с двумя яблочными пирогами. — Вот. Извините за это. Я говорила, что нет необходимости следовать за мной. Я, кажется, разъезжаю с детьми. Но я безопасно вернусь домой, пожалуйста, просто езжайте назад в отель.

— Нальзя, — сказал Пит из-за руля, а Райли зарылся в картошку фри.

— Это самые лучшие фри, — пробормотал он.

— Да, спасибо, Мисс Дюма, — добавил Пит, его лицо приобрело искренне приятный вид, когда он смотрел на меня с изумлением.

— Брук. Пожалуйста. — Я взглянула на своих друзей, сидящих в машине с включенными аварийными огнями с повернутыми лицами в мою сторону, и вздохнула. — Вы что, всегда следуете его указаниям в точности до каждой буквы?

— К букве Т. — Пит вышел из машины, подошел к машине Альтима Кайла, и открыл заднюю дверь для меня, мы отправились по домам.

— Мне кажется это таким возбуждающим, что он хочет, чтобы ты безопасно добралась домой.

— Мелани, и сейчас тебе кажется Макдоналдс возбуждающим, ты же блевала после просмотра фильма «Двойная порция» и запретила себе это до сих пор. Твое дыхание воняет водкой и двойным гамбургером.

— Ну, Брук, если бы ты выпила со мной, то была бы не в состоянии чувствовать мой запах. Больше никаких оправданий. Больше никаких «У меня завтра соревнование». Ты должна выпить и сделать Ремингтону всех детей, каких он захочет.

— Он хочет близнецов, но я уже сказала, что подожду до свадьбы в Вегасе. — Я дала ей немного витамина В и С в комплексе жевательной таблетки. Вот, прими это. Я знаю, что это не то, чего ты хочешь, но это выведет алкоголь из твоего организма раньше.

— Спасибо, доктор. Я буду скучать по тебе. Но наступила пора, чтобы не только маленькая Нора получала все самое интересное. Это лажа, что твоя младшая сестра имеет

лучшую сексуальную жизнь, чем ты, в то время, когда ты гораздо красивее, Бруки. Пожалуйста, пожааалуйста пообещай мне писать каждый день.

Улыбаясь, я обняла ее и пожелала, чтобы она не была такой пьяной, чтоб я могла нормально с ней поговорить. Я понятия не имею, что наделала, но я взволнована. Все что я знаю наверняка, так это то, что я не могу отказаться от своего же соглашения. Мои мама и папа будут в восторге, когда узнают, что в жизни я движусь в новом направлении, и я буду только больше рада, когда в воскресенье утром на их постоянное приветствие «Есть предложения работы?» я, наконец, отвечу «да».

Ладно, это только на три месяца, но это будет много значить для моей карьеры. Кроме того, приятно чувствовать себя нужной в профессиональном смысле после такой подготовки. — Я буду, Мел. Каждый день, — сказала я, слушая, как она жует таблетку.

— Когда он поцелует тебя, ты должна написать мне в ту же секунду.

— Мел, он нанял меня, как специалиста. Не будет никаких поцелуев, здесь все на профессиональном уровне.

— К черту профессиональность, — запротестовала она.

— Оставайся профессионалом, Брук, — сказал Кайл предостерегающе. — В противном случае я приеду и поговорю с ним.

— Я рада, что ты сказал «поговорю», Кайл, потому, что такому человеку как ты это может сойти с рук, когда предстанешь лицом к лицу с Ремингтоном Тэйтом. — сказала ему Пандора, прежде чем расхохотаться.

Я улынулась, потому что представление Кайла, стоящего напротив Ремингтона, действительно является смешным. Последний образ вспыхнул у меня в голове, и я вижу его, как только что видела, смотрящего на меня непростительно сексуально, и мне стало интересно, что я почувствую, когда дотронусь до него руками.

Моя работа является очень тактильной. Нет способов помочь моим клиентам, не имея какого-то контакта. Я реабилитировала учеников в средней школе, ухаживая за травмами, как делала это со своим коленом, но я никогда не касалась мужчины, которого на самом деле хотела, как сейчас. Каждый раз, когда он тренируется, после этого ему нужна будет растяжка, и это как раз моя работа. Теперь, моей единственной целью будет убедиться, что Ремингтон Тэйт продолжает бороться как чемпион. Внезапно я не могу дождаться, чтобы вернуться в команду, даже если нахожусь на другой стороне.

Глава 3

В Атланту

Частный самолет огромен, и Пит показал мне знаками подняться на борт перед ним. Он забрал меня из дома меньше часа назад и выглядел очень круто в костюме как у Людей в Черном. Поднимаясь по трапу, я поняла, что в этом самолете можно выпрямиться в полный рост, как в большом авиалайнере. Однако ни у одного самолета из тех, на которых я летала, не было и доли той роскоши, которая была в этом. Замша, кожа, красное дерево, золотая отделка и современные экраны украшали интерьер. Полная коллекция расточительности в этой большой прекрасной игрушке для богатеньких мальчиков.

Места были разделены на секции, напоминающие небольшие гостиные, и в первой такой секции стояли четыре роскошных кресла из кожи цвета слоновой кости, размерами больше чем в первом классе. В них уже расположился улыбающийся Райли (который встал, чтобы со мной поздороваться), так же как и два других члена команды Ремингтона — его персональный тренер Люп (лысый мужчина лет сорока похожий на папочку Варбакса из фильма «Энни») и личный повар — диетолог Диана (которой оказалась женщина, доставившая мне билеты).

— Приятно с вами познакомиться, мисс Дюма, — сказал тренер Люп, и хотя он выглядел угрюмо, я решила, что это его естественное выражение лица.

— Взаимно, сэр, — ответила я, пожав ему руку.

— Ну, вот еще. Зови меня Тренер. Меня так все называют.

— И снова здравствуйте, — Диана мягко пожимает мне руку. — Я Диана Вернер, персональный повар, слэш диетолог, слэш посыльная, доставляющая билеты.

Я засмеялась.

— Приятно познакомиться, Диана.

Рядом с ними на самом деле открытая и искренняя атмосфера, и меня охватывает волнение при мысли о становлении частью команды. На самом деле, что делает меня невероятно счастливой и довольной как профессионала, это то, что теперь Ремингтон Тейт будет летать как лента на ринге, но при этом с силой дюжины быков. Мне очень нравится осознавать, что я теперь работаю с другими специалистами над общей целью.

— Брук. — Пит позвал меня в заднюю часть самолета. И внизу длинного прохода, покрытого коврами, минуя другую секцию из четырех сидений и проходя мимо плазменного экрана и огромного бара с деревянными панелями, находилась кожаная скамья, похожая на диван. Посредине нее в наушниках сидел темноволосый Ремингтон Тейт. Сто восемьдесят с лишним сантиметров чистого тестостерона.

При первом же взгляде на него в дневном свете в моей крови пронеслось неожиданное тепло. На нем была обтягивающая мускулы черная футболка и низко сидящие потертые джинсы. Но, не смотря на травмы на теле, он раскинулся на кожаной скамейке с изяществом модели с обложки журнала.

Мое сердце сделало бешеный толчок, потому что он выглядел также невероятно сексуально, как и всегда, и мне действительно захотелось не замечать этого. Но я думаю, что просто невозможно скрыть такую явную сексуальность.

— Он хочет, чтобы вы были здесь, — сказал мне Пит. И я не смогла не заметить его почти извиняющегося тона.

Слотнув, я прошла вниз по проходу, и когда он поднял глаза, наши взгляды встретились. Мне казалось, его глаза зажглись, но я не смогла ничего прочитать по его выражению лица, когда он пристально смотрел на моё приближение.

Его взгляд заставляет меня так нервничать, что внутри я опять задрожала.

Он самый сильный человек, которого я когда-либо видела в своей жизни, и я знаю, что иметь здоровых детей — это естественное желание для моих ген и ДНК, а с этим и отчаянное желание спарится с тем, кого я посчитаю главным самцом моего вида. Я никогда в жизни не встречала мужчину, который бы так пробуждал во мне сумасшедшие инстинкты спаривания, как он. От его близости у меня все горит. Это нереально. Эта реакция. Это притяжение. Если бы мне объясняла Мелани, я бы никогда не поверила этому и не чувствовала бы это, как будто у меня под кожей все кипит.

Как мне от этого избавиться?

Когда я остановилась перед ним на расстоянии вытянутой руки, он стянул наушники, и уголки его губ дрогнули, будто он мысленно ухмылялся над чем-то. Рок заиграл в тишине, и он резко выключил плеер. Он указал направо от себя, и я села, отчаянно пытаюсь заблокировать производимое им на меня влияние.

Шок и удивление, будто столкнулся в обычной жизни с кинозвездой, и его харизма сбивала с ног. У него была аура чистой грубой мощи, каждый сантиметр его плоского и мускулистого тела производил впечатление сильного взрослого мужчины, но очаровательное игривое выражение лица делало его молодым и игривым.

До меня вдруг дошло, что мы были моложе всех в этом самолете, а сидя рядом с ним, я вообще превращалась в подростка. Он ухмыльнулся и вальяжно откинулся назад, я никогда в жизни не встречала более уверенного в себе человека, от его взгляда ничего не могло укрыться.

— Ты уже познакомилась с остальной командой? — спросил он.

Я улыбнулась.

— Да.

На его щеках появились ямочки, и он уставился на меня оценивающе. Солнечный свет падал на его лицо как раз под таким углом, что засветились крапинки в глазах, густые черные ресницы обрамляли бездонные голубые колодца, в которые меня так и засасывало.

Все это сработает, только если я начну вести себя профессионально, так что я пристегнула ремень безопасности и приступила к делу.

— Ты нанял меня из-за конкретной спортивной травмы или скорее ради профилактики? — спросила я.

— Профилактики.

От его грубого голоса у меня по рукам побежали мурашки, а по тому, как он развернул свое большое тело ко мне, я поняла, что он не считает необходимым пристегивать ремень безопасности в собственном самолете.

Кивнув я позволила своему взгляду пройтись по его мощной груди и рукам, но потом поняла, что слишком нагло пялюсь.

— Как твои плечи? Локти? Ты бы хотел, чтобы я поработала над чем-то перед Атлантой? Пит предупредил меня, что полет займет пару часов.

Не отвечая, он просто протянул мне свою огромную руку со свежими шрамами на костяшках. Я уставилась на нее, пока до меня не дошел смысл жеста, и тогда я обхватила его руку двумя ладонями. Дрожь волнения и настороженности перешла от него ко мне. Его глаза

потемнели, когда я начала потирать его ладонь большими пальцами в поисках узелков и уплотнений. Контакт кожи к коже оказался поразительно мощным, и я поспешила заполнить тишину, которая мертвым грузом повисла в воздухе.

— Я не привыкла к таким большим рукам. Руки моих студентов обычно легче массажировать.

Что-то его ямочек не видно. Может он не услышал меня. Кажется, будто очень увлечен, рассматривая мои пальцы.

— У тебя хорошо, получается, — ответил он низким голосом.

Меня зачаровал рельеф его ладоней, каждая из дюжины его мозолей.

— Сколько часов в день ты тренируешься? — я спросила и едва осознала, что мы уже в воздухе, так мягко взлетел самолет.

— Обычно по восемь часов. Четыре и четыре, — он продолжал смотреть на мои пальцы через прикрытые веки.

— Я бы хотела заняться твоей растяжкой после тренировки. Обычно это твои ребята делают? — спросила я.

Он кивает, но все еще не смотрит на меня. И вдруг он резко поднимает глаза.

— А что насчет тебя? Кто хлопочет над твоей травмой? — он указывает на перевязку на моем колене, которую стало видно из-под юбки, когда я села.

— Уже никто. Я покончила с реабилитацией. — При мысли о том, что этот мужчина видел то постыдное видео, меня начинает тошнить.

— Ты тоже меня гуглил? Или тебе сказал кто-то из твоих ребят?

Он высвобождает свою руку из моих ладоней и указывает вниз.

— Давай посмотрим, что там.

— Не на что смотреть.

Но он продолжает тарачиться на мою ногу через эти свои черные ресницы, и я приподнимаю ногу на пару сантиметров, чтобы показать ему перевязку на колене. Он обхватывает мою ногу одной рукой, а другой расстегивает липучки и осматривает мою кожу, поглаживая большим пальцем шрам на коленной чашечке.

В том, как он касается меня, есть что-то... что-то совершенно иное.

Его рука на моем колене, и я могу чувствовать его мозоли на своей коже. Я. Не. Могу. Дышать. Он все всматривается, а я кусаю нижнюю губу и выдыхаю немногочисленный воздух, оставшийся в легких.

— Все еще болит?

Я киваю, но все еще могу думать лишь о его большой руке. Касающейся моего колена.

— Я бегала без наколенника, но теперь понимаю, что не стоило. Не думаю, что когда-нибудь смогу полностью восстановиться.

— Как давно это случилось?

— Шесть лет назад. — Я помедлила, а затем добавила, — И два года... когда это случилось во второй раз.

— О, двойная травма. Все еще тяжело?

— Очень. — Я пожалала плечами. — Думаю, я просто рада, что ко второму разу я уже изучала реабилитацию. Иначе не представляю, что бы я делала.

— Больно от того, что не можешь соревноваться?

Он полностью открыт и смотрит на меня с любопытством, а я даже не могу понять, почему отвечаю. Я ни с кем это не обсуждала. Это причиняет мне боль: моему сердцу, моей

гордости, моей душе.

— Да, так и есть. Ты понимаешь, не так ли? — спрашиваю я тихонько, пока он опускает мою ногу вниз.

Он удерживает мой взгляд, пока большим пальцем легонько постукивает по моему колену, а затем мы переводим взгляд на его прикосновения, будто в равной степени ошеломлены тем, как просто и естественно с его стороны вот так касаться меня, пока мы разговариваем, а мне — позволять это. Он убирает руку, и мы молчим.

Я застегиваю липучки на наколеннике, но под перевязкой чувствую, будто он облил мою кожу бензином, и она готова вспыхнуть в любую секунду, как он коснется меня.

Вот черт.

Это совсем не хорошо, я понятия не имею, что с собой сделать. Я всегда придерживалась неформальных отношений с клиентами. Мы называем друг друга по имени, работаем вместе в довольно тесном контакте, но они никогда не касаются меня. Только я касаюсь их.

— Займись этой.

Говоря это, он протягивает ко мне свою вторую руку, сжатую в кулак, и я вроде как благодарна за возможность свыкнуться с прикосновениями к этому мужчине только в целях работы.

Отодвигаясь на свою сторону, я обхватываю его руку ладонями и разжимаю кулак пальцами. Он откидывается на сидении и выпрямляет свободную руку, ту, что ближе ко мне, прямо на сидении позади меня. Острое осознание того, как эта рука и мощная гладкая ладонь обжигает меня, хоть и не касается, зачаровывает.

Не знаю, почему он уселся на скамью вместо кресла, но вот он так близко, колени согнуты, а ноги широко разведены, Реми занимает место как для двоих, оставляя мне всего одно. Я могу чувствовать каждый его сантиметр.

Четверо других пассажиров смеются, сидя впереди, и он поглядывает на них, а потом опять на меня. Я знаю, что он смотрел на меня, когда разминала большими пальцами его ладонь, сильно надавливая на кожу, пока не почувствовала, что узелок исчез. Я продолжила искать дальше, но не найдя никаких уплотнений, перешла к его запястью.

У него самое широкое и крепкое запястье из всех, что я видела, а его мощное предплечье с толстыми переплетающимися венами прекрасно сложено. Я удерживала его руку, пока стигала запястье, теряясь в движениях суставов. Я прощупала его предплечье, затем взялась за бицепс, который он напряг для меня. Я закрыла глаза и принялась прорабатывать мышцы. Внезапно он поднял руку и коснулся моего затылка. Он наклонился и прошептал:

— Посмотри на меня.

Открыв глаза, я увидела его искрящийся взгляд, его явно забавляло происходящее. Думаю, он понял, что я немного нервничаю. Мне захотелось оттолкнуть его руку и поежиться, но не поддаюсь порыву, а спокойно ее опустила и улыбнулась в ответ.

— Что?

— Ничего, — ответил он, демонстрируя мне свои ямочки на щеках. — Я впечатлен. Ты такая скрупулезная, Брук.

— Да, я такая. Подожди, я еще доберусь до твоих плеч и спины. Возможно, мне даже придется взобраться на тебя.

Он поднял бровь, изображая глубокую задумчивость.

— Сколько же ты можешь весить?

Я подмигнула.

— Может я, и выгляжу худенькой, но я все еще мускулистая.

Он усмехнулся и, с любопытством наклонив голову, потянулся к моей руке, взялся за мой маленький бицепс двумя пальцами. К счастью, бицепс довольно упругий под его прикосновением.

— Хмм, наконец, произносит он, а в глазах так и пляшет веселье.

— Что? И что же это «хм» должно означать? — подстегиваю я.

Он беззастенчиво хватает мою руку и оборачивает мои пальцы вокруг своего с ума сводящего сексуального бицепса. Он даже не напрягается и не сгибает руку, но от его гладкой упругой кожи и твердых мускулов у меня перехватывает дыхание. Он такой... ребенок. Хвастается своими бицепсами. Я замечаю, что он следит за моей реакцией, и его глаза игриво светятся. В ответ я прикусываю нижнюю губу.

Поскольку моя работа подразумевает частые прикосновения к нему, было бы странно отдернуть руку. Так что вместо этого я немного сжала бицепс пальцами. Будто прощупываешь громадный кусок скалы и никакой реакции. В-о-о-б-щ-е.

— Хмм, — выдаю я, включая самое непроницаемое выражение лица, пытаюсь скрыть все эмоции. Я пропала. Разбита вдребезги. Каждая клетка моего тела проснулась и болит от возбуждения. Мои генетически запрограммированные инстинкты спаривания включились на полную и орут во всю мощь.

Он смеется и проводит ладонью по всей длине моей руки, запускает кончики пальцев под рукав моей рубашки на пуговках и скользит прямо к трицепсу, той самой мышце позади руки. В его глазах дьявольские искорки, ведь он понимает, что я попалась. Ведь это худшая часть тела женщины, место, где жирок можно почувствовать, всего лишь ущипнув.

Уж в его-то теле нет и грамма жира. Он, наверное, поглощает по двенадцать тысяч калорий в день, чтобы поддерживать такую мышечную массу, то есть, почти как известный победитель Олимпиады, пловец Майкл Фелпс, в период активных тренировок. Потребляемые им калории более чем в пять раз превышают норму, которая требуется мне для поддержания веса, хотя прямо сейчас мне что-то сложно посчитать точнее. Его пальцы все еще там, под моим рукавом, касаются моей кожи. На его лице игривая улыбка, в глазах озорство, и все же обстановка изменилась, пока я не осознала, что не только мы двое в курсе особенностей наших тел, но и другие люди на борту этого самолета.

— Хмм, — протягивает он тихонько и щипает меня. Теперь мы оба смеемся.

Я прокашлялась и расправила плечи, не в состоянии выносить еще больше прикосновений, я чувствую опасное головокружение, и меня это совсем не радует. Чтобы отвлечься, я достаю айпод и наушники из своей дорожной сумки, и кладу их на колени. Он пристально смотрит на них, после чего выхватывает мой плеер и подсоединяет к нему свои наушники, а потом, пролистывая мою музыку, протягивает мне свой айпод. Я просмотрела его подборку, испытывая отвращение ко всем его песням. Он слушает ТОЛЬКО рок, так что я вытащила свои наушники из его плеера и потянулась к своему.

— Кто может расслабиться под такую музыку?

— А кому нужно расслабление?

— Мне.

— Вот, — он возвращает мне свой айпод.

— Есть у меня парочка легких песен как раз для тебя. Послушай мои, а я послушаю

ТВОИ.

Он выбирает для меня песню на своем плеере, а я — на своем, и я останавливаюсь на песне о девчачьем могуществе под названием «Love Song» от Сары Бареллис, где, по сути, девушка говорит парню, что не станет писать ему любовную песню. Вот ее я и включаю.

Моя одержимость песнями о женской силе уже стала легендарной. Как старые композиции, так и новые. Только их мы с подругами и слушаем. Даже Кайл уже нам подпевает.

И вот я натягиваю наушники, чтобы послушать, что там он выбрал для меня, и что-то странное происходит с моим телом, когда я слышу первую строчку песни Iris от Goo Goo Dolls:

«Я бы отказался от вечности, чтобы только коснуться тебя...»

«Потому что я знаю, что ты чувствуешь меня...»

«Ты ближе к раю, чем я когда-либо был и я не хочу сейчас идти домой...»

Я наклонила голову, чтобы он не увидел, как я покраснела, и я с трудом удержалась, чтобы не поставить песню на паузу, ведь она была настолько интимной.

Слушая эту песню.

Песню, которую он специально выбрал для меня.

Нет, я точно не посмею ее остановить. Даже не смотря на то, что он наклоняется вперед, чтобы рассмотреть мою реакцию. Его колено задевает мое и от этого прикосновения все мое тело вспыхивает огнем, а в голове по-прежнему звучит песня.

«Я не хочу, чтобы мир видел меня, — поется в ней, — но я хочу, чтобы ты знала, кто я...»

Я даже не знаю, в состоянии ли я дышать.

Он тоже слушает выбранную мной песню, а его глаза так близко к моим, когда я смотрю на него, я даже могу пересчитать каждую из его колючих темных ресничек. Клянусь, его радужки синее, чем Карибское море.

На его губах появляется улыбка, и, кажется, он смеется. Я не могу слышать его смех, потому что все еще вслушиваюсь в конец песни «Iris». Песни, которую я впервые услышала в фильме «Город Ангелов», из-за которого я прорыдала несколько дней, не меньше. Парень там буквально отказывается от вечности ради девушки, в которую влюбляется, а потом случается трагедия — прямо как в фильмах по романам Николаса Спаркса.

Когда наступает тишина, я медленно отсоединяю свои наушники и возвращаю ему его айпод.

— Не думала, что у тебя там есть медленные композиции, — пробормотала я, полностью увлеченная своим плеером.

Его голос такой низкий и звучит так близко.

— У меня двенадцать тысяч песен, здесь есть все.

— Быть не может! — отвечаю я на автомате, но тут же убеждаюсь, что так и есть. Мэл считает себя невероятно крутой, потому что у нее на плеере десять тысяч песен, теперь я обязательно расскажу ей, что она ошибается.

Но вот что я никак не возьму в толк — из двенадцати тысяч песен он выбрал для меня именно ту?

— Тебе понравилось? — Он смотрит на меня пронзительным взглядом, и хотя я знаю, что он видит, как я покраснела, ничего не могу с собой поделаться.

Я киваю.

Мой айпод кажется теплее обычного, и я нервно пролистываю песни, отказываясь думать, что это тепло его рук. Его больших, покрытых шрамами, загорелых, красивых, мужественных рук. Мои щеки вспыхивают с новой силой, и я стараюсь затеряться в собственном музыкальном мире.

Иногда, во время полета, он передает мне свои наушники и плеер, включая какую-нибудь песню, а я выбираю песни для него. Не знаю, что со мной творится, но когда он улыбается мне, демонстрируя эти ямочки на щеках, слушая все «да здравствует женская сила!» песни, что я включаю ему (вроде I Will Survive Глории Гейнор), я просто таю. Особенно, когда он, решив поиздеваться надо мной, с дьявольской ухмылкой включает Love Bites в исполнении Def Leppard.

Я погибаю от ощущения мощного звука из его наушников от Dr. Dre, разливающегося в моих ушах от того, как мужской вокал пробирается все глубже в мое тело, а каждое сексуальное слово пульсирует во мне, заводит. Слова настолько дикие и чувственные, они заставляют меня думать о нем, обо мне, как мы касаемся друг друга, целуем, занимаемся любовью... и я в бешенстве, что на какую-то долю секунды я даже поверила, что именно этого он от меня и хотел.

В Атланте мы поселились в одном номере с Дианой, и я в восторге от того, что свою зубную щетку, пасту и прочие девчачьи мелочи она держит в том же порядке, что и я. Она отличная соседка, солнечная и позитивная весь день, а по вечерам мы говорим о полезной еде, развалившись на своих громадных кроватях.

Я узнала, что каждое утро она покупает лучшие свежайшие местные продукты, и кормит Ремингтона только здоровой органической пищей, ежедневно каждые три-четыре по расписанию. Именно поэтому его тренировки проходят по принципу либо 3-2-3 часа, либо 4-4, с более плотным питанием в случае поздней тренировки.

Она добавляет различные специи в его пищу, но это всегда натуральные травы вроде тимьяна, базилика, розмарина, щепотка кайенского перца или чеснока, а еще специальная зубодробильная смесь (состав которой я записала, чтобы попробовать при возвращении домой). Диана развелась в тридцать девять лет, а еще она рассказала мне, что последний бой этого тура будет в Нью-Йорке — городе, который я всегда хотела посетить.

Завтра у Ремингтона первый из двух боев в Атланте, и в обед я околачивалась в арендованном им спортзале, ожидая, пока он закончит тренировку, чтобы устроить ему растяжку. Это наш третий вечер здесь, и до меня уже дошло, что Ремингтон Тейт тренируется как сумасшедший.

Он.

Совершенно.

Безумен.

Сегодня, в особенности, его, просто не остановить.

— Как он только держится на ногах после стольких часов? — спросил Пит у тренера Люпа.

— Эй, Тейт! Хватит уже выделываться перед Брук! — кричит Тренер, и мы слышим смех с другого конца зала, где Ремингтон безжалостно и беспощадно убивает пневмогрушу.

— Не получается вымотать его, — говорит Люп, поворачиваясь к нам. Он потирает свою лысую голову и проверяет что-то вроде таймера, висящего на шее. Выглядит он угрюмее обычного.

— Мы сегодня уже девять часов так тренируемся, а ему хоть бы хны! И не надо на меня

так смотреть, Пит. Мы оба знали, что так случится, после того, как...

Они поворачивают головы в мою сторону, будто мое присутствие мешает им говорить, и я вскидываю брови:

— Что? Хотите, чтобы я ушла?

Люп кивает и возвращается к Ремингтону, все еще терзающему пневмогрушу, которая летает из стороны в сторону, будто летучая мышь, попавшая в западню. Он идеально точно взмахивает руками, каждый раз поражая грушу прямо в центр. Получается ритмичный и быстрый звук, бамбамбамбамбам...

— Девять часов в день — это не слишком, как считаешь? Даже семь часов — это уже безумие, — говорю я Питу. Сегодня мы занимались намного больше его обычной схемы 4 и 4, и я в шоке, что он продолжает в том же духе.

Даже когда я готовилась к Олимпийским играм, я не трудилась настолько усердно и, честно говоря, расписание тренировок Ремингтона меня поражает. За сегодня он успел покачать пресс (будучи подвешенным за ноги, он поднимал туловище к коленям так быстро, как мог), при этом идеально работая пожимом на доску для стирки животом, будто это легкотня. Помимо этого он сделал подтягивания, отжимания, упирался в пол руками и носками, напрягая все тело, а после еще подтягивал колени к груди, меняя ноги по прыжку. Прыгал через скакалку на одной ноге, потом на другой, потом перекрещивал скакалку, перекачивался, крутился, поворачивался, заставляя скакалку летать в воздухе с такой скоростью, что я с трудом ее видела. А после этого он еще боксировал, сам и на ринге с другим парнем, а после того, как его спарринг партнер выдохся, Реми отправился к боксерским мешкам и пневмогруше.

— Ему нравится выматывать себя, — объясняет мне Пит, пока я слежу за Реми. — Если в конце дня он все еще в состоянии поднять руку, то готов откусить Тренеру башку, мол, тот недостаточно хорошо его погонял.

Лишь спустя час он начинает замедляться и, к тому времени как Тренер свистит мне, я уже до смерти устала, просто наблюдая за тренировкой Ремингтона Тейта. Каждое его агрессивное движение кажется мне безумно сексуальным.

Даже не смотря на спортивные штаны и легкую футболку, невозможно не заметить через влажный хлопок напряженные мышцы его торса, а наблюдение за низко сидящими штанами на его узких бедрах делают мою грудь болезненно тяжелой, эй-богу, не представляю, как я когда-нибудь выдержу беременность или кормление грудью.

подавив небольшую дрожь, я заставляю ноги двигаться, направляясь к матам на полу, возле которых, ожидая меня, стоит Ремингтон, уже без футболки. Ручейки пота стекают по его телу, я знаю, что он отлично разогрелся, доведя мышцы до полного истощения. Мышечный гликоген полностью израсходован, уровень глюкозы низкий, стоит мне только начать с ним работать, и он станет как разогретый кренделек. Одна лишь перспектива этого делает меня такой же горячей. Посвятить свою жизнь такой работе — моя мечта, но, учитывая насколько это тактильная работа, с этим парнем мне будет очень не просто. Не только потому, что его мускулы в разы превосходят мои, но и потому, что малейшее прикосновение к его загорелой коже возбуждает меня. Каждая клеточка моего тела просыпается и фокусируется в той части тела, которой я его касаюсь. Ненавижу эту потерю контроля.

Теперь я смотрю, как напрягаются его мускулы, пока он протирает себя полотенцем, а случайно задев влажные волосы, делает их еще более сексуальными и торчащими. Для

удобства на мне кроссовки и обтягивающая одежда для бега, он осматривает меня своими поразительными голубыми глазами, пока я подхожу.

Он тяжело дышит и не улыбается, падает на скамейку, пока я подхожу к нему сзади.

Он постанывает, когда я обхватываю его плечи и начинаю глубокий массаж. При контакте с ним искры возбуждения полыхают у меня внизу живота, но я стараюсь усмирить свою реакцию и сфокусироваться на расслаблении его шеи, трицепсов и бицепсов. Я надавливаю на его грудные мышцы и пресс, изо всех сил стараясь не реагировать, как женщина, на его напряженные мускулы под моими пальцами, на удивительную упругость его кожи под моими прикосновениями.

Мы прорабатываем каждый сустав, заставляя расслабиться, из-за моих действий время от времени он издает низкий мурлыкающий звук. Внизу живота все напрягается, и я пытаюсь расслабиться, но каждый раз от его стоны мои мышцы сжимаются все сильнее и туже.

Ненавижу, что это происходит со мной.

Похоже, процесс расслабления этого мужчины заводит меня по максимуму.

Что ж, теперь я хотя бы не безработная.

Уделяя особое внимание круглой и плотной вершине его плеч, я дышу медленно и глубоко. Я растягиваю и перекаत्याю его плечи, а потом приступаю к надостной мышце — небольшой, но чаще всего травмируемой части из четырех составляющих ротаторную манжету плеча.

Теперь уже не только Тейт тяжело дышит, но и я.

Тренер свистит:

— Отлично, хватит возиться с плечами. Встретимся завтра в 6 утра и будь готов к бою. А теперь иди, ешь. И лучше бы целую чертову корову!

Ремингтон поднимает меня с пола, где мы работали над его спиной, его голубые глаза блестят и он сжимает мои пальцы на секундочку дольше, чем требуется.

— Еще не готова на меня взобраться?

Мне требуется пару секунд, чтобы вспомнить о нашей беседе в самолете, и я ухмыляюсь.

— Пока нет. Но не переживай. Если будешь тренироваться в том же духе, то я вскарабкаюсь на тебя, прежде чем ты опомнишься.

Он смеется, оборачивает полотенце вокруг шеи и направляется к душевым, а спустя пару часов, до меня доходит, что он, наверное, спит как убитый после таких тренировок. Я, в свою очередь, не могу уснуть. С тех пор, как мы приехали, я уже трижды сжимала свои трицепсы, убеждаясь, что я вовсе не толстая, но все равно не могу понять, что же значило его «хмм».

Я думаю про самолет, про его руки на моих руках, про его голубые глаза, смотрящие на мое лицо и про то, как он прошелся по мне взглядом, когда я подходила к нему для растяжки. Я думаю о том, как он дразнил меня и забавлялся эти три дня, и никак не могу взять в толк, почему все это заставляет мои внутренности сжиматься, почему я чувствую эту горячую дрожь.

Мои надпочечники взорвутся, если так будет и дальше.

Я стараюсь думать о чем-нибудь другом, но мои ноги под простынями ходят ходуном, а необходимость выбраться отсюда и устроить пробежку убивает меня. Хотелось бы мне рвануть со всей мочи, почувствовать эндорфины вместо этого непонятного звона в нервных

окончаниях, вместо этого странного желания, которое расцветает во мне каждый раз, когда я вижу Ремингтона Тейта. Хотя я и не призналась в этом Мелани, я была уверена, что в ту первую ночь в Сиэтле Ремингтон хотел меня, просто не понимаю, как так вышло, что в результате я получила работу, а не его.

Но ведь я этого хотела, не так ли? Работу.

Да вот только в качестве расплаты за новую работу я подвергаюсь сексуальным пыткам. Не проблема. Завтра буду сильнее стараться выбросить его из головы. С таким решением я схватила с прикроватной тумбочки свой плеер, заставляя себя слушать любые песни, кроме тех, что он включал для меня.

Глава 4

Пробежка

— Реми! Вызовите уже Реми! РЕМИНГТОООООН!

Кучка женщин, сидящих позади меня орут, что есть сил.

Так что, вы можете понять, как на самом деле трудно не думать о человеке, ведь все вокруг меня настойчиво требуют его, особенно, когда мое тело переполнено адреналином из-за грядущего боя.

Это очень знакомое чувство, фактически, кипит во мне, как только я села посреди зрителей в Подземелье в Атланте, ожидая, когда Ремингтон взойдет на ринг. У меня такое чувство, будто это я соревнуюсь, и мое тело совершенно готово. Внутри меня проносится горячая кровь, мой организм переполнен гормонами, и разум кажется таким ясным, как очищенный кристалл. Мои ноги неподвижны, и такие же руки, но это просто обман. Подготовительная тишина. Когда внешне все спокойные, а внутри пылает огонь. Это та минута, когда все затихает и собирается внутри так, что когда придет время взорваться, это будет с усиленной точностью, так что ваша энергия высвобождается в отлично спланированном взрыве.

Даже сейчас, я помню мою идеальную позицию на корточках на стартовой линии, то, как все мои чувства, казалось, заострены на звук стартового выстрела, где всё — и я имею в виду всё — пробуждается от этого звука, и в доли секунды твоя стойка превращается в очень быстрый бег.

Сейчас, кажется, все, чего я жду — это услышать, как объявляют его имя, и когда наконец я слышу:

— РЕМИНГТОН ТЕЙТ, РАААААЗРЫВНОЙ! — новые ощущения охватывают меня, мне некуда бежать, и нет спасения от того, что творится с моим телом, осталась только невероятно сильная жажда, питающаяся теми самыми гормонами, что производит мое тело, и которых я не в силах остановить.

Я встаю со своего места, как и все остальные зрители, и это все, что могу сделать, видя, как он идет на ринг только ему известной манерой. Мгновенно толпа обалдевает от него, и я также схожу с ума. Вот он, делающий самоуверенный поворот — это живая женская, дышащая фантазия. Торчащие черные волосы, загорелая грудь, улыбка с ямочками, убийственная улыбка — это все в арсенале Ремингтона Тейта. Он — само совершенство, и меня охватывает новый всплеск гормонов, когда я делаю так, как вся толпа и стаю его зрителем. Он так откровенен в этих низких шортах для бокса и так поразительно сексуален, что становится центром моего внимания.

Центром. Моего. Мира.

С тех пор, как я перестала соревноваться, я набрала лишних килограмм, и сейчас их больше на целых восемнадцать процентов. Я круглее, чем когда-либо была, с небольшим прибавлением к моему задку, и с хорошим дополнением к моей груди. Но я еще никогда так не чувствовала свое тело, все его внутренние и внешние части, как, когда общаюсь с этим мужчиной. Я просто даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь к этому привыкнуть, остановить такое его влияние на меня, сказать самой себе: «Да, этот мужчина выводит мое тело из-под контроля».

— И сейчас, известный и знаменитый Оуэн Уилкс, «Ирландская Саранча»!

В то время как его вздорный красноволосый противник идет на ринг, голубые глаза Ремингтона проносятся над толпой, пока не замечают меня. Наши взгляды встретились, и у меня перехватило дыхание. У него появились ямочки, формируя идеальную улыбку, которая захватывает меня, возбуждая все мои нервные окончания.

Когда прозвучал гонг, я все еще улыбалась, как идиотка, и хоть я и не хотела этого, но все же я задержала дыхание во время просмотра. Ремингтон выглядел почти как скучавший ротвейлер, в то время как его противник, «Саранча», кажется, прыгал вокруг него по рингу, как дитя кенгуру.

Он быстро его нокаутировал, и из-за того, что он выигрывает, он борется с новыми соперниками, одним за другим. Пит сказал мне, что только последние восемь финалистов в каждом городе будут соревноваться в следующем назначенном месте, и это все будет идти к большому поединку в конце тура, в Нью-Йорке, где только лучшие двое мужчин будут участвовать в долгом 16-раундовом бою, вместо горстки 3-раундовых боев.

Сейчас Ремингтон сражается с женщиной, больше похожим на борца, чем на боксера. Его брюшные мышцы отвислые и огромные, и он почти в два раза шире Тейта. Меня охватило ужасное чувство, и я вскочила на ноги с тихим «нет!» на мгновение, когда мужчина, которого называют «Мясник» наносит удар в грудную клетку Реми. Это был очень сильный удар, и я услышала, как у Реми вырвался вздох.

Даже когда он легко восстанавливается, меня все равно охватывает страх, и мое сердце не перестает колотиться в груди. Закусив губу, я наблюдаю, как он наносит Мяснику несколько совершенных ударов. Он так плавно движется, каждая часть его тела гибкая и сильная, он просто завораживает меня своими движениями, и поэтому я иногда даже забываю, что он борется против кого-то.

Я люблю наблюдать за этими сильными ногами с толстыми мышцами, как они балансируют и движутся мощно и ловко. Я люблю каждый изгиб его квадрицепсов, плеч, бицепсов, его тагуировку, окружающую руки как виноградная лоза, при этом только подчеркивая превосходство формирования его плеч и бицепсов.

— Буу! Буу-уууу! — начинает кричать толпа после того, как Реми получает еще один удар в верхнюю часть торса. Я вздрагиваю, когда Мясник, не останавливаясь, наносит прямой удар по губам Реми. Он откинул голову, и я увидела, как брызнула кровь у его ног, и услышала, как я опять сама себе мягко сказала: «нет». Он снова выпрямляется, и встает в свою позицию, облизывая кровь с поврежденной губы. Но я не понимаю, почему он не ставит блок.

Похоже, он не защищается, и даже Тренер и Райли в замешательстве нахмурились, наблюдая за боем в углу ринга, Ремингтон всегда отлично наносит удары, но странно давая доступ Мяснику к верхней части его груди. Я поражена и обеспокоена, чем это закончится, но все, что я знаю — это то, что я чувствую каждый удар, наносящий ему этим ужасным человеком, как будто внутри меня проводят ножом.

Когда Мясник наносит в его сторону еще один удар, и Реми падает на одно колено, мне захотелось умереть.

— Нет! — Из меня вырвался крик.

И когда женщина рядом со мной услышала меня, она приставила руки ко рту и закричала,

— Поднимайся, Реми! ВСТАВАЙ! Выбей из него дерьмо!

Я с облегчением вздохнула, когда он поднялся и вытер кровь с губ, но его глаза

метнулись в мою сторону и он получил еще один удар кулаком, от чего отскакивает на канаты ринга.

У меня не выдерживают нервы, и мне приходится наклонить голову, чтобы не смотреть хотя бы минуту. В моем горле, в буквальном смысле, стоит огненный комок, и я даже не могу сглотнуть. Когда я смотрю, как он получает удары, то начинаю чувствовать себя так же беспомощно, как когда сломала колено, и я не могу с этим ничего поделать. Это бездействие — просто не мое. Меня пожирает безумное желание либо подняться туда и тоже драться с этим чёртовым толстяком, либо просто сбежать отсюда. Драться или смыться. Но вместо этого, я просто сижу здесь, и это ужасно.

Внезапно, толпа начинает говорить хором:

— РЕМИ... РЕМИ... РЕМИ.

И что — то случается, когда я не смотрю потому, что в Подземелье развивается хаос, и люди начинают кричать:

— Да. РЕМИ, РЕМИ, РЕМИ!

Голос диктора разрывается в динамиках.

— Наш победитель, дамы и господа! РАЗРЫВНОЙ! Рааааазрывноооооой! Да, вы голодные дамы, присутствующие здесь кричите со всей силы за самого плохого парня, какого этот ринг еще не видел! Рааааазрывноооооой!

Я вскочила, и с удивлением подняла голову, когда мои глаза метнулись назад на ринг. Толстяк покидает ринг с помощью медиков, и мне кажется, что Ремингтон сломал ему ребра.

Но наш парень уже не на ринге.

И у него тоже может быть сломано ребро.

Боже мой, что, черт возьми, только что произошло?

Насколько быстро позволяет толпа, я прорываюсь за кулисы, мое сердце все еще колотится как бешеное, а тело ноет от боли. Я вижу, что Люп горячо спорит с Райли из-за «сукина сына, играющего с огнем». Они замечают меня, Тренер отворачивается, а Райли щелкает пальцами, указывая наверх, достает из заднего кармана джинсов ключ от номера Реми и протягивает его мне. Я забираю его и направляюсь к отелю, который, к счастью, прямо за углом.

Я нахожу Ремингтона сидящим на скамье у подножья кровати, его колючие темные волосы как всегда взъерошены и прекрасны, его дыхание все еще немного неравномерное. Волна облегчения накрывает меня, когда он поднимает голову и усмехается мне, демонстрируя ямочку на щеке.

— Понравился бой? — спрашивает он грубым от обезвоживания голосом.

Не могу сказать «нет», но и «да» тут не к месту. Даже не знаю, почему мне так тяжело это далось.

— Последнему ты сломал ребро, — говорю я ему.

Он вскидывает бровь, осушает последнюю бутылку Gatorade и бросает ее на пол.

— Так ты волновалась за него или за меня?

— За него, ведь это он не сможет завтра встать на ноги. — Я сказала это шутливо, но хоть Ремингтон и хмыкнул, улыбка на его лице не появилась.

Мы наедине друг с другом.

Внезапно я осознаю это каждой клеткой тела.

У меня немного дрожат руки, я выдавливаю немного мази и, становясь на колени между

его ног, легонько мажу его разбитые губы. Кровь больше не идет, но заметная трещина проходит прямо посередине его нижней губы. Время останавливается, когда я прикасаюсь к нему, а он смотрит за мной через прикрытые веки.

— За тебя, — шепчу я, — я волновалась за тебя.

Четкий ритм его дыхания накрывает и гипнотизирует меня. Я так близко, что будто вдыхаю воздух, который он выдыхает, его аромат внутри меня. Он пахнет так приятно, соленым и чистым океаном, и я не могу перестать реагировать на него. У меня кружится голова. Я представляю, как наклоняю голову к его влажной шее и слизываю капли пота с его кожи.

Хмурясь от собственных мыслей, я закрываю баночку с мазью, но остаюсь стоящей на коленях, решив начать с его ног, раз уж я здесь.

— Брук, я повредил правое плечо.

От звука моего имени у меня волосы на макушке встают дыбом, и то, как он его произносит, влияет на меня, но я стараюсь это скрыть усмешкой и скучающим видом.

— Учитывая, что ты как бульдозер, было бы глупо надеяться, что ты переживешь эту ночь лишь с рассеченной губой.

— Ты собираешься исправить это?

— Конечно. Кто-то же должен. — Поднявшись, я забралась на кровать и принялась за его плечи. Я уже не удивляюсь, что каждая клеточка моего тела отзывается на прикосновения к нему. Я лишь закрываю глаза и позволяю себе насладиться моментом, пока работаю, но его тело напряженнее обычного. Я сильнее мну его плечо и шепчу:

— Этот уродливый ублюдок крепко сюда врезал. Да и вообще крепко прошелся по тебе. Сильно болит?

— Нет.

Мне послышалась насмешка в его голосе, но я не уверена. Я сфокусировалась на его мышцах, подергивающимся и сопротивляющимся моим пальцам, и я точно знаю, это от боли. Должно быть.

— Я натру тебя лечебной мазью, а потом проведем криотерапию.

Пока я втираю масло в его кожу, он сидит совершенно неподвижно, и, заглядывая ему в лицо, я замечаю, что его глаза плотно зажмурены.

— Больно? — бормочу я.

— Нет.

— Ты всегда говоришь «нет», но в этот раз я уверена в обратном.

— В других местах болит сильнее.

— Какого черта?

Двери люкса с грохотом захлопываются, и Пит врывается в спальню, злее, чем я когда-либо его видела. Сегодня он не выглядит мальчиком из церковного хора или ангелом, даже его кудри выглядят угрожающе.

— Какого. Черта?! — повторяет он.

Тело Ремингтона под моими пальцами превращается в кирпичную стену.

— Тренер вне себя, — добавляет Райли, заходя следом, и даже он сегодня выглядит сердитым. — Все мы хотим знать, какого хрена ты позволил надрать себе задницу?

Странная беспокойная атмосфера повисает в воздухе, и я моментально убираю руки с плеч Ремингтона.

— Да или нет, ты намеренно позволил добраться до себя? — Райли бросает на него

зловещий враждебный взгляд.

Ремингтон не отвечает, но его тело напряглось.

— Тебе нужно потрахаться? — спрашивает Пит требовательным тоном, указывая на него. — Не так ли?

Мои внутренности сжимаются, мне не хочется оставаться здесь и выслушивать, как эти ребята организуют Ремингтону сексуальные договоренности, так что я промямлила (больше самой себе, ведь никто не обращал на меня внимания) что-то про помощь Диане на кухне, и вышла из комнаты.

Пока я шла по холлу, я услышала, как Пит говорил:

— Парень, ты не можешь позволять им делать это с тобой только для того, чтобы она к тебе прикоснулась. Послушай, мы можем привести пару девчонок. Что бы ты ни задумал, ты не можешь играть в эти проклятые игры как обычный человек. Ты мучаешь себя, Рэм. То, что ты с ней делаешь — опасно.

Я почти остановилась, и мне казалось, что легкие превратились в камни. Эти ребята говорят обо мне?

— В этом году ты поставил все деньги на себя, ты помнишь об этом? — добавил Пит. — Теперь ты обязан разгромить Скорпиона в финале, не смотря ни на что. Даже на нее.

Тембр Ремингтона ниже, чем у остальных, но, каким-то образом, это тихое рычание несравненно более угрожающе. — Скорпион, мать его, покойник, так что отвали.

— Ты платишь нам, чтобы мы не допускали подобного дерьма, Реми, — спорит Пит, но это заставляет Ремингтона только сильнее понижать голос.

— У меня. Все. Под контролем.

Последующая за убийственным шепотом тишина заставляет меня двигаться, я иду на кухню, где Диана как раз достает маленькую органическую индейку из духовки. От запаха розмарина и лимона рот наполняется слюной, но сердце все еще колотится.

— Из-за чего там ребята разорались? — спрашивает Диана, раскладывая еду и хмурясь, что индейка не уместается на выбранной тарелке.

— Реми сегодня побили, — отвечаю я. Ведь дело в этом, не так ли.

Диана кивает и клацает языком.

— Клянусь, у этого мужчины самая красная кнопка саморазрушения из всех, что я видела.

Она замолкает, когда позади меня распахиваются двери и большая рука берет меня за локоть и поворачивает вокруг.

— Хочешь пробежаться со мной?

Ледяные голубые глаза Ремингтона яростно сверкнули на меня, и я могу чувствовать его разочарование. Оно вращается вокруг него, как черный вихрь, и вдруг он кажется на пределе, и больше, чем немного угрожающим.

— Реми, тебе нужно поесть, — проворчала Диана с угла.

Усмехнувшись, он схватил бутылку органического молока со стойки и принялся опустошать ее, пока оно все не оказалось у него в желудке, затем он швырнул ее вниз и вытер губы тыльной стороной ладони, со словами,

— Спасибо за ужин. — Потом он выгнул бровь, ожидая моего ответа. — Брук? — подтолкнул он.

Сквозь меня проходит дрожь.

Мне не нравится, что мое имя, слетевшее с его уст, нарушает все правильные замечания.

Как в романтическом фильме.

Хмурясь от своей реакции, я посмотрела на его грудь, размышляя хорошая ли это идея — засунуть его в ванну со льдом. Кажется, не стоит сегодня испытывать его терпение.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я, внимательно его изучая.

— Готовым к бегу, — он не сводил с меня пристальных глаз. — А ты?

Его вопрос смутил меня. Только бегуны понимают, насколько это не просто — бегать с кем-то.

Это. Очень. Не просто.

Особенно, если привык тренироваться в одиночку. Как Ремингтон. И, помимо Мелани, я тоже ни с кем не бегала. Бег был «временем для меня и только». Время для размышлений. Время, чтобы сосредоточиться. Но я кивнула. Думаю, ему это и правда, нужно, а уж мне тем более.

— Позволь мне только захватить кроссовки и надеть бандаж на колено.

Десять минут спустя мы уже были на ближайшей у отеля беговой дорожке, извилистой и пыльной тропинке с парочкой деревьев, но хотя бы хорошо освещенной. Ремингтон надел худи и футболку, а во время бега боксировал, в то время как я просто наслаждалась холодным ветерком на коже, стараясь поддерживать темп. Для бега я выбрала специальные шорты, топ с короткими рукавами и любимую пару кроссовок фирмы Asics, в то время как Ремингтон бегал в крутых Рибоках, в отличие от обычных кроссовок с высоким голенищем.

— Так что случилось с Питом и Райли?

— Ушли на поиски шлюх.

— Для тебя?

Он бьет в воздухе одним кулаком, затем другим.

— Возможно. Кому какое дело.

К моему разочарованию, я утратила выносливость и, спустя полчаса в выбранном нами темпе, мои легкие напряжены, а я сильно потею, не смотря на прохладный ночной ветерок. Я останавливаюсь и упираюсь руками в колени, показывая ему продолжать без меня.

— Продолжай, я только восстановлю дыхание и дождусь, пока уймется спазм.

Он останавливается рядом и подпрыгивает, напрягая икры, чтобы тело не остывало, затем достает упаковку энергетического геля из кармана толстовки. Он протягивает его мне и оказывается так близко, что меня обдувает его ароматом. Запах мыла, пота и Ремингтона Тейта. Голова начинает немного кружиться. Может быть спазм, который я почувствовала внизу живота, вовсе и не спазм. Может, это мои внутренности охватывают конвульсии каждый раз, как его плечо случайно касается моего.

Он отклоняется назад и продолжает боксировать, наблюдая, как я открываю упаковку геля и выдавливаю немного себе на язык.

Кровь бешено пульсирует в венах, есть что-то безумно интимное в том, как его голубые глаза наблюдают за мной, облизывающий пакетик геля, принадлежащий ему.

Он перестает подпрыгивать.

— Осталось что-то? — спрашивает он, тяжело дыша.

Я немедленно вытаскиваю пакетик изо рта и протягиваю ему, и когда он обхватывает губами пакетик так же, как я, мои соски становятся тверже алмазов, и я с трудом могу думать о чем-либо, кроме его губ там же, где были мои. Я дрожу от безрассудного желания провести языком по его треснутой губе, выхватить у него эту пачку геля и прижаться губами к его губам, чтобы единственным, что он будет оближивать, была я.

— Это правда? То, что Пит сказал. Ты, правда, сделал это нарочно?

Он не отвечает, я вспоминаю про «кнопку самоуничтожения», о которой упоминала Диана, и моя тревога усиливается.

— Реми, иногда ты можешь сломать что-то, и больше не оправится. Никогда не вернуться в форму. — Я говорю с напором, после чего перевожу взгляд на улицу вдалеке и проезжающие машины, испугавшись, что по голосу он поймет мои эмоции. Из-за него я уже на грани, мне необходимо вернуть над собой контроль.

— Мне жаль, что так получилось с твоим коленом, — говорит он мягко, бросает пакет в ближайшую мусорную корзину, возобновляет удары в воздухе вправо — влево, и мы снова начинаем бежать.

— Дело не в моем колене. Дело в том, чтобы ты не принимал свое тело как должное. Не позволяй кому — либо причинять тебе боль, не смей, Реми.

Он качает головой, хмурится, низко опустив брови, и бросает взгляд в моем направлении.

— Я не позволяю, Брук. Я всего лишь подпускаю их поближе, чтобы поймать. Небольшая жертва ради победы. Пара ударов придает им уверенность, они начинают думать, что со мной все ясно, что я не такой крутой, как они слышали, что они легко могут навалить Ремингтону Тейту, это опьяняет их. И вот тут я берусь за дело.

— Ладно. Так мне больше нравится.

Мы бегаем еще полчаса, и спустя восемь километров я задыхаюсь, как старенькая собака, только что родившая двенадцать маленьких щенят или вроде того. Моя гордость изранена, как и мое травмированное колено.

— Думаю, мне пора. Завтра все будет болеть, лучше мне пойти спать сейчас, прежде чем потребуется, чтобы ты нес меня в отель.

— Я был бы не прочь, — говорит он, посмеиваясь, потом со щелчком наклоняет голову то к правому, то к левому плечу, и бежит обратно со мной.

В Лифте отеля в кабину к нам заходит несколько человек, и Ремингтон натягивает капюшон, опуская голову, его профиль просвечивается через ткань. Я заметила, что он делает это, чтобы его не узнали, и улыбаюсь.

Молодая парочка кричит нам из холла отеля: «Придержите лифт!» и я нажимаю кнопку «Открыть двери», ожидая, пока они заскочат внутрь. Мое сердце подсакивает, когда Ремингтон хватает меня за бедро и притягивает ближе к себе. Я едва не умираю, когда он наклоняет голову ко мне и делает глубокий вдох. О боже, он обнюхивает меня. Внизу живота все сжимается. Меня обжигает желание повернуться, уткнуться носом ему в шею и облизать его влажную кожу.

— Ты чувствуешь себя получше? — Спрашиваю я, немного развернувшись к нему.

— Ага. — Он наклоняет голову еще ближе, и я чувствую его горячее дыхание на своем виске. — А ты?

Его феромоны действуют на меня как наркотик, мое горло болит, и я могу только кивнуть. Его руки сжимаются на моем бедре, а вместе с ними сжимается и моя матка, да так сильно, что от боли я едва не застонала.

Я забегаю в душ сразу, как оказываюсь в своей комнате, включаю его на максимальный холод, зубы стучат, но тело все еще сжато в узел из-за него. Из-за. Него.

Рухнув в кровать, я слышу, как Диана бормочет: «Привет», продолжая читать кулинарную книгу, а я только и могу, что сказать: «Спокойной ночи» и закрыть глаза,

стараясь, притворится, что тело не горит под кожей.

Все тело жутко болит, и я ворочаюсь под простынями, загнанная в угол мыслями о том, что Пит, сказал Ремингтону. Мыслями о его пухлом, сексуальном рте со свежим рассечением на нижней губе, обхватывающем пакет с гелем, пока его язык выдавливает остатки геля. Я думаю, какого это быть этим пакетом с гелем, чувствовать его губы на своем языке, нежные посасывания, и от этих мыслей у меня между бедер становится влажно как в бассейне.

Я отчаялась получить какое-то облегчение от этого продолжительного, изнуряющего гормонального буйства. Словно радиация, и хотя должна быть возможность защититься от этого, но я не могу понять, как. Его лицо, его запах; это сводит меня с ума. Он мой клиент, но помимо этого он...вроде друга. И мне необходимо прикоснуться к нему. Знаю, что поцеловать его прямо в пухлый рот я не могу, но хотя бы я могу помогать ему с растяжкой.

Он должно быть еще не остыл после нашего бега и устал после боя, и жажда его тела похожа на наркотическую зависимость. Прежде чем я понимаю, что делаю, я надеваю вельветовый костюм и, подойдя к его люксу, стучу в дверь.

Не знаю, что скажу ему. Ничего не знаю, кроме того, что не смогу уснуть ни на мгновение, пока его не увижу и хотя бы не предложу ему приложить лед к растяжениям, или натереть его противовоспалительным, или... ну не знаю.

Почему он предложил пробежаться с ним?

Почему Пит решил, что он специально получил травмы, чтобы я к нему прикасалась?

Ему и правда, так сильно этого хотелось?

Райли открывает дверь и, позади его плеча я замечаю женщину в прозрачном белье сексуально танцующую на кофейном столике посреди гостиной, в то время как на заднем плане я слышу женский голос, говорящий: «...ходят слухи, что ты хотел поиграть с нами, Реми...»

— Да? — Райли вопросительно смотрит на меня, а я плююсь как идиотка, внутренности сводит, ведь это, конечно же, те проститутки, которые... Я наклоняю голову и лихорадочно думаю, что сказать.

— Я, кажется, оставила свой телефо... вот черт, он здесь. — Я смотрю на телефон в своей руке и закатываю глаза, вроде «какая же я идиотка».

Потому что, так и есть.

Черт, самая, что ни есть, идиотка.

— Не обращай внимание. Спокойной ночи, Райли.

Я слышу низкий голос Ремингтона, спрашивающего: «Кто это?»

Я бегу к себе в комнату и захлопываю дверь, чувствуя онемение внутри. В этот раз, ложась в постель, я уверена, что все возбуждение и желание покинуло мое тело, но все еще не могу уснуть. Потому что женщина, которую жадно целует Ремингтон своим прекрасным ртом, женщина, облизывающая порез на его губе, на который я накладывала мазь, эта женщина, к сожалению, не я.

Сегодня Реми проводит спарринг так, как Тренер хотел бы, чтобы он вчера дрался.

Хотя он уложил обоих своих спарринг-партнеров, и Тренер опять вне себя.

— Это твои спарринг-партнеры, Тейт. Если бы ты перестал выбивать из них дух и просто отрабатывал движения, тебе было бы с кем тренироваться сейчас... а так больше никого не осталось.

— Тогда перестань мне подсовывать этих слабаков, Тренер. — Говорит он, сплевывая

на ринг. — Пришли Райли ко мне.

— Ха! Ни за что, даже если бы он захотел стать самоубийцей. Завтра он нужен мне в сознании.

— Эй, я умею работать в спарринге, — говорю я Райли, пока мы стоим рядом с рингом. Он поворачивает ко мне свою блондинистую голову и выглядит пораженным.

— Мне показалось, что ты только что сказала, что хочешь выступить на ринге против этого парня!

— Тебе не показалось. Я могу показать ему парочку движений, каких он не видел, — хвастаюсь я. Честно говоря, мне просто хочется получить возможность выбить дерьмо из Ремингтона за то, что он такой тупоголовый бабник, и заставляет меня фантазировать о нем дни и ночи напролет. И за то, что облизывал тот пакет с гелем после меня. Никчемный флиртующий кретин.

— Хорошо, Рем, у меня для тебя кое-что есть, — кричит Райли, хлопая в ладоши, привлекая его внимание. — Я уверен, что этого партнера он не нокаутирует, Тренер, — кричит он Люпу в другой угол ринга, смеясь, указывая на меня.

Ремингтон видит меня и бросает на пол свой боксерский шлем, пока я залажу на ринг в своем обтягивающем черном сдельном костюме. Он осматривает меня, как делает это всегда. Он такой мужлан, не может не заценить меня каждый раз, стоит мне только пройти мимо. Пока я приближаюсь, его глаза поблескивают от веселья и медленно на его лице появляется улыбка, от чего раздражение во мне только растет.

Он сегодня угрюмый, насколько я и его спарринг-партнеры можем судить. Но и я раздражена до предела. Этим утром даже кофе не помогло мне взбодриться, а уж это должно сработать. Даже если я проиграю, мне хочется жестко подраться с кем-то.

— Не стоит так усмехаться, я могу уложить тебя одной ногой, — предупреждаю я.

— Это не кикбоксинг. Или ты еще и кусаться собираешься?

Я делаю высокий выпад ногой, прямо как в настоящем кикбоксинге, а он аккуратно защищается, и вскидывает бровь.

Я пробую еще раз, он защищается, и тут я замечаю, что он стоит прямо по центру ринга, пока я бегаю вокруг него. Я знаю, что не в состоянии тягаться с ним в силе, но планирую заставить его голову кружиться, а потом, воспользовавшись моментом, попытаться выбить из него спесь. Райли называет это «плаваньем». По сути это означает вращаться и крутиться вокруг своего оппонента, чтобы он промазал. Так я и плаваю, явно заставляя его веселиться, так что я делаю пробный удар. Он с легкостью ловит мою руку и опускает вниз.

— Нет, — он мягко отчитывает меня, берет мою ладонь в свою и показывает, как правильно сжимать пальцы в кулак. — Когда бьешь, ты должна выровнять обе нижние кости руки — локтевую и лучевую — в уровень с запястьем. Запястье не должно быть вялым, держи его идеально прямо. Теперь начни удар, держа руку прижатой к лицу, напряги пальцы, а когда бьешь, поверни руку, чтобы локтевая, лучевая и запястье были словно цельная кость. Попробуй.

Я попробовала и он кивнул.

— А теперь используй вторую руку для защиты.

Я держала одну руку, прикрывая лицо, а второй атаковала, снова и снова, замечая, что он только защищается, не нападает в ответ.

Адреналин опьяняюще бушевал в моем теле, и я не знаю, из-за этого подобия боя или этих голубых глаз, сосредоточенных на мне, но внезапно я ощутила себя полной сил.

— Покажи мне еще какие-нибудь движения, которые я не знаю, — сказала я и затаила дыхания, удивляясь, что получаю от этого больше удовольствия, чем ожидала.

Он потянулся к обеим моим рукам и согнул их, чтобы я защищала кулаками лицо.

— Хорошо, давай попробуем удары «раз-два». Всегда прикрывай лицо ладонями, а тело руками, даже когда наносишь удары. Бей сначала левой, — он вытянул мою руку по направлению к своей челюсти, — затем смени баланс на ногах, чтобы со всей силы ударить правой. Ноги должно хорошо работать. Сила для удара должна идти отсюда, — он тыкает пальцем в центр моей грудины, после чего проводит ладонью вдоль моей руки до кулака, — и прямо до костяшек.

Он демонстрирует двойной удар, так идеально и плавно, а маленькие капли пота появляются у меня в районе декольте. Теперь моя очередь попробовать. Бью левой, приседаю, меняю ноги и сильнее бью правой.

Его глаза восхищенно заблестели.

— Попробуй еще раз. Во время второго удара бей меня в разные места, а не одно и то же.

Он становится в стойку, его ладони раскрыты, чтобы поймать мои удары.

Выполняя указания, я использую первую руку, чтобы нанести быстрый удар по его левой ладони, который он легко ловит, потом правой я наношу более сильный удар по другой ладони. Мои удары идеальны, но мне кажется, что нужно добавить больше силы.

— Двойной удар левой, — говорит он и смещает ладонь, чтобы поймать мой удар.

— Теперь правой, — говорит он, и первым ударом я бью в его ладонь кулаком — пфф. Потом я решаю удивить его и пробиваю сильный удар правой ему в живот, который автоматически напрягается, стоит мне лишь коснуться его, отчего костяшки на пальцах начинаю ныть. Но он удивлен, что я смогла достать его этим ударом.

— Как же я хороша, — издеваюсь я над ним, отходя и подпрыгивая, напрягая икры, как это обычно делает он, и игриво показывая ему язык.

ОН этого не видит, потому что очень увлечен, наблюдая за моей подпрыгивающей грудью.

— Очень хороша, — говорит он, возвращаясь в стойку. Его глаза темнеют, отчего внутри меня все вспыхивает, и я решаю, что он достаточно отвлечен, рассматривая мою грудь.

Я делаю выпад вперед, как меня научили на курсах самообороны. Ноги — самая сильная часть женского тела, тем более у бывших спринтеров. Я целюсь ему в ахилл подъемом ноги, чтобы сразить наповал его большое тело и необъятное эго.

Но он смещается в ту же секунду, как я делаю выпад, из-за чего задеваю только его кроссовок. Мою лодыжку охватывает боль. Он быстро подхватывает меня и поднимает за руку, хмуро сводя брови на переносице.

— И что это было?

— Ты должен был упасть, — говорю я угрюмо.

Он просто смотрит на меня, несколько мгновений его лицо ничего не выражает.

— Ты смеешься надо мной, да?

— Я опрокидывала мужчин намного тяжелее тебя!

— Чертово дерево легче опрокинуть, чем Реми, Брук, — кричит Райли.

— Ну, теперь-то я вижу, — ворчу я. — Спасибо за предупреждение, Райли!

Ругаясь себе под нос, Реми держит меня за руку и ведет меня, скачущую на одной ноге,

в угол, где садится на стул. Так как стул всего один, он тянет меня за собой, усаживая себе на колени, и осматривает мою лодыжку.

— Допрыгалась? — спрашивает он и это впервые, когда в разговоре со мной он такой... раздраженный.

— Я просто неправильно перенесла вес на лодыжку, — неохотно признала я.

— Почему ты вообще меня ударила? Ты злишься на меня?

Я нахмурилась.

— С чего бы мне на тебя злиться?

Он пристально посмотрел на меня, выглядя пугающе серьезно и определенно рассерженно.

— Это ты мне скажи.

Наклонив голову, я уставилась на свою лодыжку, отказываясь излить душу кому-либо кроме Мелани.

— Эй, можно нам немного воды сюда? — кричит он, и недовольство остро ощущается в его словах. Райли приносит бутылку Gatorade и простую бутылку воды, и ставит обе на пол ринга рядом с моей ногой.

— Мы сворачиваемся, — говорит он нам, а потом с беспокойством спрашивает у меня, — Ты в порядке, Би?

— Все классно. Обязательно позови меня завтра. Не могу дождаться возвращения на ринг с этим парнем.

Райли смеется, но Ремингтон не разделяет его веселья.

Его грудь пропитана потом, а темноволосая голова низко опущена, пока он осматривает мою лодыжку, его пальцы надавливают вокруг кости.

— Так больно, Брук?

Мне кажется, он обеспокоен. Неожиданная нежность, с которой он говорит, заставляет мое горло сжаться, и я не знаю почему. Как когда ты падаешь и хотя не чувствуешь боли, ты плачешь от обиды. Но у меня были падения и похуже, на глазах у всего мира, и я бы очень хотела не рыдать так отчаянно тогда, как и не хотела бы сломаться на глазах самого сильного человека в мире.

Хмурясь вместо этого, я тянусь к лодыжке, но он не убирает руку и внезапно наши пальцы переплетаются вокруг моей ноги, и все, что я могу чувствовать это его рука на моей коже.

— Ты весь целую тонну! — Жалуюсь я, будто это его вина, что я идиотка. — Если бы ты весил немного меньше, я бы повалила тебя. Я даже смогла сбить с ног своего инструктора.

Он поднимает глаза, хмурясь.

— Что тут скажешь?

— Что тебе жаль! Ради спасения моей гордости.

Он качает головой, явно все еще сердится, а я насмешливо улыбаюсь и тянусь за бутылкой Gatorade, откручиваю крышку.

Его взгляд падает на мои губы, пока я делаю глоток, и вдруг я чувствую что — то недвусмысленное у себя под попой. Пока холодный напиток стекает по моему горлу, я понимаю, что все остальное тело лихорадочно горячее и становится все горячее.

— А мне можно? — говорит он странно хриплым голосом и указывает на мой напиток.

Когда я кивнула, он схватил бутылку своей огромной рукой и наклонил ее ко рту, мои гормоны взорвались от вида его губ, касающихся горлышка.

Прямо в том месте, где только что были мои губы.

Его горло напрягалось от питья, потом он опустил бутылку, его губы были влажными и, когда он протянул бутылку мне, наши пальцы соприкоснулись. Молнии пронеслись по моим венам. Я зачарована его расширившимися зрачками и тем, как он смотрит мне в глаза. Когда я на автомате, лишь бы прикрыть нервозность, делаю еще один глоток, он смотрит на меня слишком пристально, его губы без тени усмешки. Прекрасного розового цвета. Рассечение на губе все еще заживает. На той самой губе, которую мне хочется лизнуть. Глубоко внутри меня растет вождление. И это довольно болезненно. Я сижу у него на коленях и понимаю, что одна из его сильных рук обхватывает мою талию, я никогда не была так близка к нему. Близка достаточно, чтобы коснуться его, поцеловать его, обхватить его всем телом. Внезапно я чувствую, как умираю и лечу. Я больше не могу притворяться, что это пустяки и ничего не значит. Я хочу его. Я хочу его так сильно, что не могу нормально мыслить. Это не пустяк. Это очень многое значит.

Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Я знаю, что это сумасшествие, и что это никогда не случится, но я ничего не могу с собой поделать. Он словно моя Олимпийская медаль, что-то, чего у меня никогда не будет, но чего я страстно желаю всем своим существом. И я испытываю отвращение от мысли, что его рука держала одну, а может и двух женщин менее суток назад, ведь мне так хотелось быть на их месте.

Обдумывая все это еще и еще раз, я осторожно постаралась встать. Он отставил бутылку в сторону и схватил из корзины два полотенца — одно обернул вокруг своей шеи, а второе накинул мне на плечи, при этом продолжая держать меня за талию.

— Я помогу тебе приложить лед.

Он спустил меня с ринга, будто я весила не больше облачка, и мне пришлось опираться на него, держа руку на его широкой талии.

— Да все в порядке, — пыталась я убедить его.

— Хватит спорить, — ответил он.

В лифте он продолжал удерживать меня близко к себе, наклонив ко мне голову так, что я чувствовала его дыхание. Я отлично осознаю, насколько он огромен, тем более в сравнении со мной, чувствую его пятерню на своей талии и мгновение, когда он прижимает нос к моему уху. Мне щекотно от его дыхания, он так близко, что его губы коснутся моего уха, если он начнет говорить. Я слышу его глубокий вдох, и в низу живота все яростно сжимается, мне до боли хочется повернуться и уткнуться носом в его кожу, вдохнуть полной грудью. Но, конечно, я этого не делаю.

Он отводит меня в мою комнату, а мое тело в таком состоянии, что мозг не может придумать тему для общения, чтобы избавиться от сопровождающей нас напряженной тишины.

— Эй, парень, готов к бою? — Человек в форме работника отеля, похожий на фаната, спрашивает из другого конца холла.

Улыбаясь, Ремингтон поднимает большие пальцы, после чего поворачивается ко мне и прижимает подбородок к моим волосам позади уха.

— Ключ, — говорит он гортанным шепотом, от которого у меня появляются мурашки на коже. Он открывает дверь и заводит меня внутрь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дианы нет, скорее всего, она готовит ему очередной супер-ужин. Он сажает меня на

край громадной кровати. Думаю, он догадался, что эта принадлежит мне, потому что у столика рядом со второй кроватью стоит фотография двух детей Дианы.

— Я принесу тебе льда, — говорит он, хватая ведро.

— Все в порядке, Реми, я позже...

Дверь захлопывается прежде, чем я заканчиваю предложение, и я наклоняюсь прощупать лодыжку, чтобы оценить нанесенный самой себе ущерб.

Он оставил дверь не запертой, так что не стучит, и я замираю, когда, вернувшись, он хлопает дверью. Он включает воду в ванной и возвращается, весь такой громадный и властный, ставя ведро на ковер.

Он становится на колени у моих ног, и от взгляда на его мощное тело и темноволосую голову, склоняющихся ко мне с заботой, волна желания проходит сквозь меня с такой силой, что я смотрю вниз на лед, мечтая окунуть голову в ведро.

Он стягивает мой кроссовок, потом носок, затем бережно удерживая мою ногу за икру, опускает ногу в ведро.

— Когда починим тебя, я покажу тебе, как меня повалить, — шепчет он.

Когда я не отвечаю, целиком поглощенная его прикосновением, он смотрит на меня нежно.

— Холодно?

В отличие от остального тела, кончики пальцев в оде начинают замерзать.

— Ага.

Он погружает мою ногу глубже, и я напрягаюсь от холода. Он останавливается и спрашивает:

— Продолжать?

Я качаю головой и упорно погружаю ногу глубже, думая: «Без боли нет результата». Мои легкие сжимаются, пока тело привыкает к холоду.

— Вот черт!

Он замечает мою гримасу и, вытянув мою ногу, шокирует меня, прижимая мою ледяную ступню к своему животу, чтобы согреть меня. Его пресс напрягается под моими пальцами, а его глаза удерживают мой взгляд, и кажется, будто я тону.

Меня охватывает напряжение. Его большая, теплая, мозолистая рука обхватывает мою голень, прижимая мою ногу к животу так крепко. Хотелось бы, чтобы на месте ноги были мои руки, чтобы ощутить его твердый пресс под пальцами. Каждый его изгиб плотно прижимается к моей ноге и онемение полностью проходит.

— Не знала, что ты увлекаешься педикюром, Реми, — говорю я, не понимаю, почему голос звучит так слабо.

— Такой уж у меня фетиш.

Он ухмыляется, давая понять, что шутит, тянется свободной рукой к ведру и достает один кубик льда. Он легонько прикладывает его к моей лодыжке и водит по нежной коже, осторожно следя за тем, что делает. Мгновенно и яростно мое тело сжимается, сосредотачиваясь на нем.

Сердцебиение отдаёт в голову. Боже, этот парень работает руками лучше меня. Будто подтверждая мои мысли, рука, прижимающая мою ногу к его животу, смещается, и он начинает массажировать мои пальцы и подъем ноги, пока кубиком льда натирает кожу на лодыжке. Внизу живота начинает покалывать, и я боюсь, что через минуту уже не смогу контролировать свое тело.

Мой голос дрожит, как и мое тело.

— Ты и маникюр умеешь делать?

Он поднимает на меня взгляд, и мое сердце подпрыгивает от эффекта, производимого его голубыми глазами.

— Давай я сначала закончу с ногой, а потом займусь всем остальным.

Он медленно улыбается, и у меня перехватывает дыхание. Внизу живота начинает пульсировать, пока лед продолжает медленно разжигать растущий внутри меня пожар.

Я зачарована тем, как он наблюдает за ледышкой на моей бледной коже, тишина наполняется электричеством. Растерянно я легонько переставляю ногу на его животе, чувствуя кубики пресса. Он поднимает глаза, и настойчивость в его взгляде охватывает меня, заставляя задышаться и тонуть.

— Уже лучше? — бормочет он, вскидывая темные брови, и я не могу поверить, что его голос так влияет на меня, что его прикосновения влияют на меня, и его запах, сам факт, что другой человек имеет такое сильное влияние на меня. Не могу этого допустить.

Я.

Не могу.

Допустить этого.

Я напоминаю себе, что желая мужчине, ты контролируешь, что дать ему. Контролируешь, что позволить ему взять. Но я не могу перестать представлять его, себя, нас. Меня, срывающей с него одежду, и его, прижимающего меня к себе. Представлять его губы на моих, нас, безрассудно падающих на кровать. Из-за него мне будто снова восемнадцать. Девственна и распутна. Думаю только о мальчишках... хотя он заставляет меня думать лишь об одном. Он такой мужественный. Настоящий мужчина. Но при этом игривый, как мальчишка.

Большой, плохой мальчишка, который прошлой ночью веселился с проститутками прямо на кофейном столике...

Это внезапное грубое воспоминание остужает меня, как прыжок в ледяные воды Аляски.

— Да, уже намного лучше. Спасибо тебе. — Отвечаю я холодным, как тающий лед, голосом, пытаюсь освободить ногу из его хватки.

У меня почти, получается, освободиться, когда дверь открывается и в комнату входит Диана.

— Вот ты где. Я должна накормить тебя, чтобы ты восстановил силы до завтра!

Посмотрев на меня, будто удивлен изменениями в моем поведении, Ремингтон нахмуривается и бросает растаявший лед в ведро, ставит мою ногу на пол и встает.

— Мне жаль, что так вышло с твоей лодыжкой, — говорит он мне, выпрямляясь, он выглядит растерянным и почти уязвленным.

— Не волнуйся, если не сможет прийти на бой.

— Нет. Это не твоя вина. Я буду в порядке, — быстро отвечаю я.

— Я скажу Питу найти для тебя какие-нибудь костыли.

— Я буду в порядке. Так мне и надо, буду знать, как наезжать на деревья.

Он останавливается на пороге, оглядывается на меня, сидящую на краю кровати, выражение его лица невозможно прочесть.

— Удачи, Реми, — говорю я.

Он смотрит на меня, потом на Диану, проводит рукой по волосам и уходит, выглядя при

этом... кажется, взволнованным.

Диана уставилась на меня в полнейшем недоумении.

— Я пришла не вовремя?

— Нет, — я качаю головой. — Ты пришла как раз вовремя, чтобы я не выставила себя полнейшей дурочкой.

Можно подумать, пытаться свалить с ног мужчину вроде него — умный ход.

Глава 5

Танцы под музыку

Пит, Тренер и Райли хотят, чтобы я вышла из-за кулис.

— Ему необходимо сосредоточиться, иди и сядь на свое место, а то ты нафиг отвлекаешь его, — сказал мне Пит, и хотя я считала его самым спокойным мужчиной в команде, сегодня он определенно раздражен. Может из-за того, что у него день рождение, ему исполнилось тридцать два, и он предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

— Вот. Возьми этот билет, иди и знакомься с девушками возле тебя. Они милые, и сегодня они с нами. Позже мы все идем праздновать.

Несколько минут спустя оказывается, что обе девушки выглядят как конкурсантки на "Мисс Вселенная" и как те девушки, что проходят по рингу в бикини. Но они искренне улыбаются, стоит мне подойти, и я не могу не заметить их одобрительные взгляды, пристально осматривающие мою маленькую черную юбку и блестящий топ с короткими рукавами.

— Приветик! Я Фрайди, а это Дебби, — говорит рыжая, которая недавно танцевала на кофейном столике Ремингтона, и указывает на блондинку, Дебби.

— Привет. Меня зовут Брук.

— О! Это же ты заходила в номер прошлой ночью, — говорит Фрайди.

— Никуда я не заходила, — расстраиваясь, что они узнали. Получается, Райли сказал им, что это я была у дверей?

Как стыдно.

Фрайди наклоняется и шепчет мне на ухо,

— Я думаю, что Реми хочет тебя трахнуть.

Ощущение, как будто из меня выбили воздух; я заняла свое кресло, и затем вторая девушка, Дебби, также наклонилась ко мне.

— Реми действительно хочет трахнуть тебя. Он так возбудился, когда ты пришла в комнату и говорила с Райли. Я почувствовала это, когда была у него на коленях. Он только услышал твой голос и бух, у него сразу встал.

— Слишком много информации! Seriously! — крикнула я, качая головой с нервным смехом. Теперь я полностью покраснела, борясь с тысячью и одной эмоцией, сразу со всеми.

— Я даже предложила ему позаботиться об этом, — добавила Дебби, — но он был, как "просто оставь это, я в норме", и ушел, говоря нам заняться его друзьями, и затем он ушел в свою комнату и заперся. Пит хочет убедиться, что это не повторится сегодня.

Я уставилась на свои колени и неодолимое чувство собственности, которое я никогда не знала, что могу чувствовать, проносится через меня.

— Почему он должен каждую ночь заниматься сексом? — я спрашиваю их, не в силах скрыть раздражение.

— Ты что, шутишь? Это же Реми. Он, вроде как, привык получать много этого. Ежедневно.

Усмехнувшись, я махаю рукой и поворачиваюсь к пустому рингу, совсем не желая думать о том, сколько "этого" Ремингтон привык получать, но представление того, как его красивое тело переплетается с кем-то другим, заставляет мой желудок сжаться так сильно,

что если бы я недавно что-то съела, то возникла бы опасность это вернуть обратно.

Десять минут спустя, я слышу, как его имя звучит в динамиках,

— И сейчаааас, дамы и господа, приветствуем: неповторимый, Ремингтон Тейт, РАЗЗЗЗЗРЫВНОООООЙ!

Поток ощущений прошел через мое тело, когда он выбежал трусцой, и я сразу же почувствовала жаркую влагу в трусиках. Боже, я ненавижу, сколько раз на день я смотрю на него и хочу сделать его своим. Я хочу прикоснуться к нему, изучить его.

Он поднимается на ринг в этой яркой одежде, контрастирующей с его совершенной мужественностью, и в тот момент, когда он снимает накидку, вся толпа начинает кричать. И также мое сердце, когда я осматриваю его, словно мне нужна моя доза. Его темные волосы сегодня в совершенном беспорядке, эти загорелые мышцы сгибаются, когда он протягивает вперед руки и немного поворачивается. И вот здесь я, мое дыхание задерживается между моими легкими и моими губами, когда он оборачивается вокруг и изучает толпу. Как только он замечает меня, его глаза оживают, они становятся такими оживленными, как и я себя начинаю чувствовать, когда он улыбается мне. Ремингтон задерживает мой взгляд, показывая свои ямочки, и я клянусь, что то, как он смотрит на меня, заставляет меня чувствовать единственной женщиной здесь. Все время, что он на ринге, он в своей роли. И его глаза просто... пожирают меня. Я знаю, что это не правда. Я знаю, что вижу только то, что хочу видеть.

Но я просто хочу сидеть в этом дурацком кресле и верить, что существует такого рода волшебство между двумя людьми, будто я могу быть этим призом этому сексуальному, грубому и первобытному мужчине, являющемуся таким сильным, таинственным, и игривым, покоряющем меня, как ничто и никогда не покоряло в жизни.

Я не могу перестать думать о том, что он не стал спать с девушками, которых привели, Пит и Райли. Только об этом я и думаю, пока смотрю, как он побеждает первого противника, радуя тем самым не только меня, но и сотни других женщин, не сводящих глаз с его мощного, грациозного, идеального тренированного тела.

Задержав дыхание, я наблюдаю, как он побеждает второго, и третьего противника, и каждый раз, как его объявляют победителем, я чувствую прилив гордости. Он так тяжело трудится, так много тренируется и теперь, поднаторев в боксерских правилах, я понимаю, что он делает. Я вижу его удары "раз-два". Его джэбы. Его хуки. Вот он неожиданно левой рукой блокирует силовой удар справа, делает шаг вперед, пробивает левым хуком противнику по ребрам, а правым кроссом окончательно его нокаутирует. Противник пытается подняться, но падает, измотанный и окровавленный.

Зрители ревут, стоит ведущему объявить его имя.

"RRRRRRRAAAAAАЗРЫВНОООООЙ!"

Боже мой. Он бьется как настоящий чемпион, и заслуживает стать чемпионом в финале. Мое сердце бешено колотится, я наблюдаю, как судья на ринге направляется к Ремингтону, чтобы поднять его руку. Меня охватывает странная смесь тревоги и ожидания объявления его победы, потому что я знаю — в тот же момент он посмотрит на меня, как это уже случилось после каждого его боя, начиная с того, самого первого.

— Наш победитель, леди и джентльмены. Разрывнооой!!!

Как только ярко-голубые глаза находят меня в толпе, мое сердце начинает яростно пульсировать в висках, а внутренности сводит от эмоций. Он смотрит прямо на меня, его глаза принадлежат мне, его улыбка только моя, и на долю мгновения только это имеет

значение.

Сегодня вечером Мелани особенно не хватает. Мелани, которая бы стояла рядом со мной и кричала, говоря ему все, что я хочу сказать, но трушу. Мысленно я слышу ее, скучаю и мечтаю, чтобы она приехала, и я могла кричать, могла сказать Ремингтону Тейту, что я с ума схожу от того, насколько он чертовски горяч.

Спустя час мы забираемся в машину, а Райли и Пит, похоже, едут на другой машине вместе с Фрайди и Дебби, в то время как шофер из отеля везет Ремингтона и меня в черном Линкольне. Не знаю, кто устроил все, таким образом, мне было сказано ждать в черной машине, и вот он проскальзывает на заднее сидение рядом со мной, у меня перехватывает дыхание от нервов и волнения. Он принял душ после боя и переоделся в обалденные черные джинсы и черную рубашку на пуговицах с закатанными рукавами, а от аромата его мыла у меня защемило в груди.

Не смотря на просторные сидения, пока мы вливаемся в трафик, я понимаю, что Ремингтон сидит совсем близко ко мне. Я чувствую рукой его руку. Наверное, стоило бы отодвинуться, но я не шевелюсь. Вместо этого, пока мы подъезжаем к клубу, я смотрю в окно на огни ночного города, хотя на самом деле ничего не вижу. Мое тело зависло в момент, когда мы соприкоснулись.

Почему он прикасается ко мне?

Думаю, он следит за мной, оценивая мою реакцию, пока большим пальцем водит по моей ладони.

Мне хочется задрожать. Закрывать глаза. Сосредоточиться на его прикосновениях. Не могу выбросить из головы слова девушек, и небольшой проблеск надежды, который они зажгли, сейчас полыхает во мне как факел. Мне необходимо знать. Знать, хочет ли он меня.

Он безумно красив и мои внутренности трепещут с новой силой.

— Тебе понравился бой? — спрашивает он низким и хриплым голосом, пристально изучая мой профиль.

Он всегда задает мне этот вопрос после боя. Как будто мое мнение имеет для него значение.

— Нет, мне не понравилось, — отвечаю я, поворачиваясь к нему, усмехаясь, когда он хмурится. — Ты был великолепен! Я в восторге!

Тейт смеется и неожиданно, заставляя меня вздрогнуть, хватая меня за руку своей теплой ладонью. Я перестаю дышать, пока он медленно трет губами о мои костяшки, я чувствую его мягкий рот и почти заживший шрамик на нижней губе. Вибрации проносятся по моему телу, пока он, не отрываясь, удерживает мой взгляд. От этих глаз под темными густыми ресницами мои соски твердеют.

— Хорошо, — шепчет он, и я чувствую горячее и влажное дыхание на своей коже. Когда он опускает мою руку на сидение и медленно разжимает пальцы, я складываю ладони на коленях, сцепляя их в замок, просто чтобы не чувствовать пустоты.

Выбранный на вечер клуб забит под завязку, толпы людей стоят в очередях снаружи, но стоит Ремингтону выйти из машины и подвести меня к вышибале, как нас мгновенно пропускают внутрь, где Райли и Пит, ждут нас в отдельной комнате.

— Я заказал Питу танец на коленях, — говорит Райли Ремингтону. — Ты же не против, это вроде как подарок на день рожденья?

Через открытую дверь нам видно как женщина в блестящем серебряном бикини подходит к улыбающемуся Питу, сидящему на диване у дальней стены. Мне настолько

неловко, что я, кажется, поежилась, что не укрылось от взгляда Райли, вскинувшего бровь.

— Тебя это смущает, Брук? — удивленно спрашивает он.

Мое сердце замирает, когда я понимаю, что Ремингтон тоже смотрит на меня. Он пристально смотрит мне в глаза, на секунду взглянув на мои губы, затем вновь в глаза. Его рука неожиданно обхватывает мою, и он шепчет:

— Хочешь понаблюдать?

Я отрицательно машу головой, и он отводит меня к бару и танцполу. Здесь нереально шумно, танцпол пульсирует от музыки и жара танцующих тел.

— О, обожаю эту песню! — кричу я, замечая Дебби, прыгающую по центру сцены. Она замечает меня и тащит за собой на танцпол.

— Реми! — Фрайди толкает его в толпу, пока Дебби визжит и притягивает меня ближе к себе, обхватывает мои бедра, начинает тереться и покачивать тазом. Я смеюсь и оборачиваюсь, скидываю руки, пока песня *Scream* в исполнении *Usher* наполняет комнату. В шаге от себя я замечаю Ремингтона, возвышающегося над толпой.

Он не танцует.

Вообще-то, он даже не двигается.

Он смотрит на меня, улыбается, глаза блестят, и вдруг он хватает меня и притягивает к себе, наклоняясь к моей шее. Он убирает мои волосы в сторону, прижимается телом к моей спине и делает такой глубокий вдох, что я чувствую, как расширяется его грудь. Мой желудок сжимается в ответ, и я чувствую его губы на своем затылке. Он покусывал мою шею зубами, а потом вдруг пытается лизнуть меня.

Мое тело электризуется. Я тянусь к нему позади себя и притягиваю его за голову, двигая бедрами. Люди вокруг нас танцуют, жара нарастает. Он держит мои бедра руками, сжимает и притягивает ближе к себе, и попой я чувствую, насколько он возбужден. Он хочет, чтобы я знала, как сильно он меня желает. Его язык прокладывает путь по моей шее до уха. Я вздрагиваю, когда он кладет мне руку на живот и разворачивает лицом к себе.

Наши глаза встречаются. Все замирает. Музыка пульсирует по мне, от желания низ живота сжимается и горит огнем, я обнимаю его и притягиваю к себе, поднимая голову к его губам.

Мне необходимо знать, какой он на вкус. Почувствовать его. Он не спал с теми проститутками. В тот день он возбудился из-за меня. Он не смотрел на других женщин весь вечер. Ни во время боя, ни здесь. Он не смотрел ни на кого, кроме меня.

И я не смотрела ни на кого другого, ни на что, кроме этого отпадного шикарного мужчины, стоящего передо мной, того, кто выбирал для меня песни, бегал со мной, учил меня боксировать и прикладывал лед к моей травме. Голубые глаза горят от желания из-под прикрытых темных ресниц, пока он смотрит на мои глаза, мой рот, и вот он кладет ладонь, прижимая мое лицо к своему, ухо к уху, и делает глубокий вдох, он зажмуривается, прижимаясь ко мне.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — спрашивает он хриплым голосом, тяжело дыша. — Понимаешь, Брук?

Я не могу ответить, и он хватает меня за зад и притягивает к себе, почти-почти прижимаясь ртом к моему рту. Он сводит меня с ума. Я хочу его. Я хочу, чтобы это случилось. Я провожу пальцами по его груди, запуская ладони в его шелковистые волосы.

— Да. — Мое сердце бьется, оглушает, пока я приподнимаюсь на носочках, тяну его за загибок, когда кто-то толкает меня в спину. Я спотыкаюсь и лечу вперед. Ремингтон ловит

меня одной рукой и прижимает, защищая, к своему боку.

— Неужто это Разрывной и его новая телочка.

У меня кружится голова, и я понимаю, что кто бы ни толкнул меня, это была не случайность. Четверо мужчин обступают нас, и все они громадные. У одного из них на правой щеке вытатуирован черный скорпион, а сам он даже крупнее остальных.

Ремингтон бросает такой взгляд, будто они не больше кучки мух, и, обхватив меня рукой, уводит с танцпола.

— Как зовут твою новую подружку? Чье имя она выкрикивает, когда ты трахаешь ее, а?

Реми молча ведет меня к бару, но его пальцы на моей спине сжимаются в кулак, пока он подталкивает меня вперед. Мужчины следуют за нами, но Ремингтон продолжает игнорировать их. Он отворачивает меня и блокирует мне обзор своей мощной грудью.

— Возвращайся к Райли и скажи ему отвезти тебя в отель, — шепчет он.

Сигнал тревоги звенит у меня в голове, когда я понимаю, что это простая провокация соперников, с целью втянуть Ремингтона в неприятности. Я уже достаточно давно с командой, чтобы знать — стоит Реми затеять драку вне ринга, и он окажется в тюрьме и вылетит с соревнований.

— Тебе нельзя драться, Реми, — предупреждаю я, когда один из четверки повышает голос, перекрикивая музыку.

— Мы говорим с тобой, мудила.

— Я тебя слышал, ублюдок, просто мне плевать, — огрызнулся Реми в ответ.

Его друг занес руку для удара, но Ремингтон быстро пригнулся и толкнул его назад с такой силой, что верзила споткнулся и упал. Тут до меня дошла их тактика. Друзья Скорпиона собираются избить Реми, чтобы у него не оставалось выбора, кроме как ответить, выбив из них дерьмо, после чего его вышибут из лиги, а может даже посадят в тюрьму, в то время как Скорпион ничего и не сделал.

А если этот мужчина — тот самый Скорпион, которого Реми должен победить в финале, то он, скорее всего, надеется все уладить до матча. Чертов подонок!

Стоящий рядом со мной Реми закипает от ярости, хватая одного из мужчин за рубашку и шипит:

— Пошел на хер отсюда или я отрежу тебе яйца и скормлю их твоей маме!

Он отталкивает его и тут же, хватая двух других, отшвыривает их. Он выглядит таким взбешенным, что я начинаю нервничать. Вены вздулись на его ладонях, руках, шее, и когда третий мужчина приближается к нему сзади, Ремингтон локтем пробивает точно бедняге в лицо.

— Прости, чувак, моя вина, — извиняется он, пока мужчина бормочет проклятья, зажимая кровоточащий нос.

Тем временем, я замечаю парня с татуировкой скорпиона, радостно скалящегося и наблюдающего за происходящим.

Не тут-то было, говнюк!

Желание ввязаться в драку заводит меня на полную катушку. В голове гудит, а кровь бежит быстрее. Я так и чувствую, как она наполняет мои мускулы, мое сердце бешено бьется. Я бегу к бару, тянусь и хватаю две бутылки, возвращаюсь и разбиваю их об головы двух ублюдков. Осколки равномерно разлетаются по полу.

Я хватаю еще одну бутылку и бегом возвращаюсь обратно, когда замечаю Реми, который смотрит на меня с ужасом, а его лицо багровеет. Он выхватывает бутылку из моей руки, с

грохотом ставит ее на барную стойку, после чего закидывает меня на плечо как мешок с картошкой и проталкивается сквозь толпу к Питу.

— Ремингтон! — возмущаюсь я, вырываясь и хлопая его по спине кулаками. Уровень моих гормонов взлетает как ракета, когда я понимаю, что его руки находятся на моей заднице. Я слышу, как он что-то шепчет Питу, и наконец, кровь возвращается на место, когда он опускает меня на сиденье машины. Адреналин бушует во мне. Я еще никогда не дралась. Невероятные ощущения. Сногсшибательные!

Наш шофер садится за руль и выезжает на дорогу, а я замечаю, как тяжело и быстро дышит сидящий рядом со мной Ремингтон.

Так же, как и я.

Наши взгляды встречаются в темном салоне машины, его глаза подозрительно темные, а лицо напряжено от ярости.

— Какого черта ты там вытворяла? — взрывается он.

Его сжатые в кулаки ладони лежат на бедрах, и на секунду мне кажется, что он собирается врезать по спинке переднего сидения. Он смотрит на меня яростным и странным взглядом. Почти животным. С видом... собственника. Это вызывает во мне странную дрожь.

Я была готова поцеловать его. Я сцепляю руки в замок, в попытке успокоиться.

Но, боже, я так возбуждена, я ни о чем не могу думать, пока смотрю на него. Никаких мыслей, сломленная внутри от болезненного желания быть с ним. Его пальцы сжимаются в кулаки все сильнее, а мне так хочется схватить его за руку, положить ее себе на грудь и умолять его прикоснуться ко мне.

— Я только что спасла твою задницу и чувствую себя превосходно, — говорю я, и новая волна адреналина пронесется сквозь меня при одном только воспоминании.

Реми, кажется, висит на волоске, пока растирает лицо ладонями, уперев локти в колени, наклонившись вперед, потирает шею руками, которые, как я теперь заметила, ужасно дрожат. Его дыхание так и не восстановилось.

— Твою мать, во имя всего святого, никогда, никогда не смей делать этого вновь. НИКОГДА. Если бы хоть один из них поднял на тебя руку, я бы убил их всех на хрен, и я класть хотел на то, что кто-то наблюдает за мной!

Дрожь от волнения пронесется во мне, когда он откидывается на сиденье и смотрит на меня с ума сводящим взглядом, полным желания и страсти. Он хватает меня за запястье и сжимает так сильно, что я ахаю. Он опускает взгляд на мою руку и отпускает меня.

— Я серьезно. Никогда не смей так делать.

— Ну, конечно же, я буду так делать. Я не позволю тебе вляпаться в неприятности.

— Черт, ты серьезно? — Я никогда не видела его настолько взбешенным, он потирает лицо и мрачно смотрит в окно, его тело дрожит от злости.

— Ты как взрывчатка, ты в курсе?

Яжимаю плечами и легонько киваю, чувствуя себя такой же раздраженной.

Пока мы поднимаемся в лифте, мы одни в кабине, но, не смотря на это, он стоит максимально далеко напротив меня.

Он напряжен. Очень. Его глаза смотрят куда угодно, только не на меня. Он хрустит костяшками пальцев, затем шеей.

— Все в порядке, — говорю я, осторожно касаясь его плеча, и он замирает, уставившись на мою руку на своем плече, будто я ударила его током. Я отхожу в свой угол, и мы смотрим друг на друга. Воздух между нами потрескивает, как в гром. Кажется, будто он

одновременно хочет прыгнуть на меня и убежать подальше. Он вытягивает руки вдоль туловища и говорит более спокойным голосом, пока мы идем по коридору к нашим комнатам, но при этом все еще кажется грубым и на эмоциях.

— Мне жаль, что тебе пришлось столкнуться с этими ублюдками, — бормочет он. Он явно пытается успокоиться, проводя рукой по колючим волосам. — Я собираюсь сломать к чертовой матери все кости Скорпиона и вырвать его глаза, как только представится такая возможность.

Я киваю, чтобы успокоить его, потому что уверена — он и правда хочет причинить Скорпиону боль. Но я настолько возбуждена, я не представляю, что сейчас буду делать одна в своей комнате. Я никак не могу пристроить руки, мысли, энергия внутри меня ходит по кругу, без выхода наружу.

— Могу я побыть в твоей комнате, пока ребята не вернуться?

Он колеблется, затем кивает, и я следую за ним в его номер. Мы усаживаемся на диван в гостиной, и он включает телевизор на первом попавшемся канале.

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Нет, отвечаю я. — Я никогда не пью за день до полета, иначе буду вдвойне обезвожена.

Он кивает и приносит две бутылки воды из бара.

Он усаживается рядом со мной.

Его бедра оказываются так близко, что я могу чувствовать его квадрицепс. Мое сердце все еще колотится как ненормальное. Я вспоминаю, как мы танцевали, и моя кожа снова вспыхивает.

— Почему у тебя были проблемы, когда ты участвовал в профессиональных боях? — спрашиваю я его.

— Я ввязывался в драки, вроде той, которую ты предотвратила.

Он смотрит на экран, его челюсть напрягается, и я словно загипнотизированная не могу отвести взгляда от игры тени и света на его лице.

С обманчивым спокойствием он вытягивает правую руку на диване позади меня, но ощущаю напряжение, исходящее от его тела, и неожиданно чувствую, как мое сердце ускорило от волнующего ожидания. Странные звуки из телевизора доносятся до меня, и тут я понимаю, что парочка на экране целуется. Желудок сводит. Я раньше не видела этот фильм, но по фоновой музыке становится ясно, что все идет к сцене бурного секса.

На секунду в его взгляде отражается мучение, он вырубает телевизор и, отбросив пульт, опускает руку на мой затылок. Он осторожно обхватывает сильными и теплыми пальцами мою шею, четыре пальца с одной стороны и большой палец с другой. Мягко водит рукой по моей коже, он поворачивается ко мне.

От этого прикосновения я чувствую себя пьяной, будто под кайфом.

— Почему ты сделала это для меня? — Его голос так невыносимо близко, он смотрит на меня в полумраке.

— Потому что.

Мы смотрим, друг на друга пристально, как никогда до этого, я абсолютно сосредоточена на каждом прикосновении. Его бедро рядом с моим. Его рука, осторожно сжимающая мой затылок.

— Почему? Кто-то сказал тебе, что я не могу о себе позаботиться?

— Нет.

Он смотрит на мои губы, затем мне в глаза, затем он закрывает глаза и упирается своим лбом в мой, а все, что я могу, это вдыхать его запах, как наркоман, я вся опьянена его ароматом. Я ни разу в жизни не чувствовала такого приятного запаха. Он, принявший душ. Он, вспотевший. Просто он.

Я слышу, как глубоко он дышит и понимаю, что касаюсь его губ своим пальцем. Его губы такие мягкие и упругие, но, в то же время, нежные. Я чувствую как быстро, лишь мелькнув на секунду, он облизывает мой палец языком. Дрожь проносится по моей спине. Он стонет, втягивает мой палец в рот и, закрыв глаза, посасывает его.

— Ремингтон... — Выдыхаю я.

— Дорогая, я дома!

Мы отскакиваем друг от друга, услышав звук захлопывающейся двери и насмешливый голос Пита.

— Просто хотел убедиться, что вы, ребята, нормально добрались. У Скорпиона определенно стояк при мысли о тебе за решеткой.

Зажигается свет и Ремингтон выпускает мой палец, будто это заряженный пистолет. Он встает и идет к окну, тяжело дыша. Так же тяжело, как я.

Внезапно я тоже оказываюсь стоящей на ногах.

— Мне лучше уйти.

Пит стоит с беспристрастным лицом, и не говорит ни слова, пока я стремительно проношусь по комнате к выходу.

— Я просто подожду тебя здесь, Рэм, — говорит Пит невозмутимо.

Реми не отвечает, но следует за мной к моему номеру.

Вставляя ключ в отверстие, я чувствую его тепло на своей спине. Я слышу, как он дышит, все еще немного не ровно. Я хочу его, но уже сейчас через раскрытую дверь я вижу ноги Дианы на одной из громадных кроватей.

Мои соски в лифчике как два жестких указателя, трусики мокрые от ночи, полной возбуждения. Я хочу его, так сильно, что чувствую, как внутренности затягиваются в узел, а от разочарования, что я не могу получить его, в горле ком. Как бы все изменилось, если бы мы переступили черту? Ничего не выйдет. Ничего не получится. Я его подчиненная и это лишь временно, и секс на одну ночь не выход. Не так ли? Он мне слишком сильно нравится. О, боже. Он мне нравится. Слишком. Сильно.

— Спокойной ночи, — шепчу я, заставляя себя поднять глаза и посмотреть на его красивое лицо.

Неудержимая нежность в его взгляде проникает в каждую клетку моего тела, он хватается меня и целует, быстро и мимолетно, но из-за этого внутри меня вспыхивает жгучее желание, как во время первого нашего поцелуя в Сиэтле.

— Ты красивая, — шепчет он. Он с отчаянием проводит пальцем по моему подбородку, приподнимает его и еще раз быстро целует меня в губы.

— Чертовски красивая, я весь вечер не могу отвести от тебя глаз.

После этого он уходит, и вот я снова в своей комнате, слышу, как он называет меня красивой, такой красивой, а меня потряхивает, будто я голая и одинокая посреди урагана.

Я укрываюсь всеми одеялами и прижимаю кулак к губам, будто стараюсь удержать там его поцелуй, и, целую вечность спустя, я все еще не могу уснуть, все еще дрожу.

Я не знаю, что я буду делать, но я хочу его сильнее, чем что-либо в жизни.

Даже сильнее, чем медаль Олимпийских игр.

Глава 6

В Майами не так жарко

Сегодня мы летим в Майами.

Сидящие в самолете на передних сидениях говорят про Скорпиона и вчерашнюю потасовку. Я сижу с Ремингтоном в конце, что уже стало привычкой, мы достаем свои наушники. Он держит плеер в ладони и просматривает свои песни, а я — свои, но я не уверена, кто в результате будет слушать выбранную мной песню.

В машине по дороге сюда он протянул мне свою руку и прошептал:

— Поработай над моим запястьем.

У него самое широкое запястье из всех, что я видела, и, стоило мне начать его разрабатывать, как я поняла, что это был всего лишь предлог, чтобы я к нему прикоснулась. От воспоминаний, насколько подвижные и ловкие у него руки, внизу живота все сжалось. Он и правда жаждет моих прикосновений так же сильно, как я — его?

— Выбери песню для меня, — шепчет он. Удивительно, но от одного его взгляда мое сердце подпрыгивает в груди.

Я киваю, но колеблюсь, какую же песню выбрать. Он просматривает свои записи, но я вижу, что он тоже раздумывает над выбором.

Ни один из нас больше не улыбается. Ни один из нас не улыбался со вчерашнего дня. С того момента, как мы чуть было не совершили кое-что сумасшедшее... и чудесное.

Я все еще выбираю песню, когда он протягивает мне свой айпод. Я подключаю свои наушники, и в них звучит песня группы Survivor “High on You.” Услышав, о чем идет речь в тексте песни, я мгновенно переносюсь к его первому бою.

Ребята поют эту песню весело, оптимистично и радостно, напоминая мне о том, как я наблюдала за боем, и затем, как вокруг нас скопилась толпа и как его рука коснулась меня, и как между нами прошел электрический ток...

Я немного разочарована и, в то же время, настроена игриво. Мне хочется посмотреть, что он будет делать, если я устрою что-нибудь безумное, так что я ищу очень веселую старую песенку, которую недавно слышала в перепевке Glee — “Anyway You Want It” от Journey, и передаю плеер ему.

Улыбаясь, он начинает слушать, а когда понимает, что в припеве фактически поется, что он может получить «это» когда угодно, он поднимает глаза на меня. В его глазах застыл вопрос, а взгляд беспокойно прыгает между моими глазами и губами, глазами и губами, пока не останавливается на моих губах. Я облизываю их и замечаю, что его глаза расширяются.

— Рем, — окликает его Пит с переднего сидения.

— Он в наушниках и не слышит тебя, — отвечаю я, услышав Пита, потому что моя песня уже закончилась.

— Боже, хватит уже заводить его, Брук. Тем более, если ты не собираешься...

У меня вырывается смешок, а Реми, не понимая, о чем говорит Пит, кажется, полностью поглощен мной и музыкой. Не знаю, что означает этот его взгляд, но он наклоняет голову ближе.

— Включи еще одну, — приказывает он грубо, пристально наблюдая за мной мрачными голубыми глазами.

На мгновение я замираю в нерешительности, но внутри меня закипает жажда и игривое

желание, так что я выбираю еще одну старую песенку, которая кажется к месту — All I Wanna Do Is Make Love To You в исполнении Heart.

В тот момент, когда начинается припев, я вижу, что его зрачки дико расширились. У меня перехватывает дыхание, я понимаю, что, включив эту песню, я, в общем-то, прошу мужчину заняться со мной любовью, сказать, что он согласен...

Опасаясь хищного выражения его лица, я отодвинулась чуть дальше на сидении, а он наклонился вперед. Опустив ниже свою темноволосую голову он, словно гипнотизируя меня, удерживал мой взгляд.

Он скользнул рукой по моей талии и притянул меня немного ближе, а потом наклонил голову и прижался губами к моему уху. Кажется, он только что поцеловал меня в ухо. Мои нервные окончания завибрировали, когда он взял плеер, чтобы включить для меня песню. Он снова выбрал “Iris”, наблюдая, как я замираю, реагируя на музыку, а от слов так и хочется разрыдаться.

Пока играла песня, охваченная возбуждением, я смотрела в его глаза, пылкие и завораживающие, как и звучащие слова. Когда песня закончилась, он стянул с меня наушники и снял свои, тяжело и прерывисто дыша, он наклонился и снова поцеловал меня в ухо.

— Ты хочешь меня? — спросил он низким голосом, от которого у меня волосы на теле стали дыбом.

Я отчаянно киваю, и его руки обхватывают мои бедра. Он наклоняется к моей шее и делает вдох. Дрожь охватывает мое тело, и я задыхаюсь, понимая, что вечером, сегодня вечером после первого боя в Майами, Ремингтон собирается заняться со мной любовью.

До конца полета он удерживает руку на моих плечах, прижимая к себе, продолжая ласкать мое ухо — единственное укромное место, где другие не увидят, что он делает со мной. Он покусывает меня за мочку уха, касается языком ушной раковины, совершенно забыв про музыку. Я уже влажная, дрожу, пялясь на его джинсы, лопающиеся от нарастающей эрекции. Она настолько велика, что у меня чешутся руки, от желания прикоснуться, я хочу попробовать его на вкус, облизать, низ живота сжимается в отчаянном желании.

Мы прибываем в пятизвездочный отель и пьянящее сочетание ожидания и возбуждения, с которым я боролась, поглощает меня с головой, когда я осознаю, что Реми забронировал двухкомнатный президентский люкс для меня с ним. Когда нам выдают ключи, другие, кажется, это тоже заметили.

— Я искренне надеюсь надеюсь, что ты знаешь, во что ввязываешься, — обеспокоенным тоном шепчет Пит, встревожено выгнув бровь.

Когда Диана тянет меня в фойе, ее глаза едва не наполняются слезами.

— О, Брук, пожалуйста, давай опять поселимся в одном номере?

Подойдя, Райли смотрит на меня со всей открытостью и похлопывает по плечу, будто провожая на войну.

— Би, никогда не видел, чтобы он так напрягался ради кого-то, как он старается ради тебя.

Их поведение не особо удивляет меня.

Я знаю, они беспокоятся, что все закончится плохо. Я работаю на Ремингтона, да и то временно, а его плохая репутация подкреплена уймой доказательств. Очевидно, что у него тот еще нрав и вынести его не так-то просто. Но, не смотря на всю его силу, инстинкты

говорят мне, что он никогда не причинит мне боли, и он ни разу не дал мне повода усомниться в этом. Остальное сейчас не важно. Для меня это совершенно не важно. Я хочу его. Так сильно, как не хотела чего-либо уже шесть лет. И я собираюсь его заполучить.

Может у меня тоже есть эта красная кнопка самоуничтожения?

Пока мы идем в наш номер, чтобы подготовиться к бою, мысли о том, что сегодня произойдет, сводят меня с ума. Я отчаянно нуждаюсь в Мелани, прошла уже пора дней, как я с ней связывалась, так что я достаю телефон из сумочки и пишу ей.

Брук: Как там моя лучшая подруженькаааааа?

Мелани: Сскчлс! Но я прошу тебя, если ты скажешь, что уже заполучила кусочек этой сексуальной попки!

Брук: Да ладно...

Мелани: Что? Так и есть???

Брук: Мэл

Мелани: Что?? Что??

Брук: Кажется, я влюбляюсь в него.

Он расправился с Майами как ураган.

Я все еще едва дышу от радостного волнения, когда мы возвращаемся после первого боя. Противники почти не задели Реми. Он был заряжен на полную, его тело двигалось так точно и мощно, что не понадобилась много ударов, чтобы нокаутировать противников. Он сметал каждого, словно это была прогулка по парку, к концу вечера толпа кричала от восторга и даже ринг-анонсер выдохся.

— Да пребудет земля пухом этим несчастным, Боже мой, этот парень умеет бить! Вперед, Разрывной! Взорви их бошки, сукин сын! Рааазрывной, леди и джентльмены Разрывнооооой!

Даже Райли был настолько возбужден, что прямо в углу из которого мы наблюдали за боем, взобрался на спину Тренеру, поднял вверх кулак и орал во всю глотку. А вот Пит, похоже, оставил себя ответственного в Антанте, потому что, не успели мы выйти из Подземелья, как он заявил:

— Твою мать, мы обязаны это отпраздновать!

Прежде чем Ремингтон понял, что к чему, толпа народу на дюжине машин направлялась к нам в отель. И вот мы уже в президентском люксе с тысячей незнакомцев (что, конечно же, не может быть правдой, но их на самом деле очень много). Пит говорит, что все эти люди уже тусовались с Ремингтоном, так что выходит они только для меня незнакомцы.

Толпа настолько громадная, что весь холл усеян людьми. Они ужасно шумят, нам повезло, что два других президентских люкса на верхнем этаже отеля свободны, иначе пришлось бы искать другое место для ночевки.

Меня расстраивает, что не удалось увидеть его после того, как он покупался и переоделся. Его окружили фаны, а в отель привезли давние друзья из Майами, один из них даже позволил ему сесть за руль недавно купленного Феррари.

В забитом до отказа номере я подумала, не присоединиться ли к всеобщему веселью, оторваться и напиться, когда раздались приветственные аплодисменты, переходящие в овации, которые мог вызвать только один человек. Он зашел в номер, неся на плечах четырех парней. Мое сердце пропустило пару ударов. Не его лице сияла улыбка, нахальнее обычного, Реми был под кайфом от всех сегодняшних побед, а женщины вопили, сходя с ума от него.

— Реми! Ремиииии!

— Вот так-то, кто круче всех? — крикнул он, ударив себя кулаками в грудь. Я засмеялась, потеряв голову, загипнотизированная и зачарованная им. Аура, которую он источает этим вечером, заставляет его сиять как солнце. Мне кажется, если бы он сейчас заявил, что умеет летать, мы бы ему поверили. Все здесь очарованы им, он подобно магниту притягивает нас. Он находит меня, его улыбка смягчается, а глаза светятся странным голодным блеском.

— Брук.

Он направился в мою сторону и поманил меня к себе, а толпа расступилась, чтобы дать мне пройти. Он улыбнулся мне, его игривые голубые глаза удерживали мой взгляд, пока он медленно шел ко мне, встретив посередине пути. Он поднял меня, закружив в сильных объятиях, а потом поцеловал.

Стоило ему коснуться моих губ, как внутри меня взорвались фейерверки.

Все сдерживаемое желание за дни и недели скопилось вместе в этот самый момент, когда все, чем я являюсь и все, чего я хочу сводится к этому. Темноволосая голова Ремингтона Тэйта становится еще ближе ко мне, когда я открываю рот, позволяя ему дать мне все, что он хочет.

От его поцелуя мой желудок превращается в дикий вихрь. Он крепко держит меня за бедра и ловко двигает губами, прикасаясь своим языком к моему. Он издает горловой стон, когда прижимает меня ближе к себе, заставляя меня чувствовать, насколько он возбужден. В это время он действует своим ртом настолько настойчиво, как будто завтра никогда не настанет.

Люди вокруг громко гудят, и когда они говорят ему «Иди, трахни эту кису!», Реми отрывается от меня. Он тяжело дышит через нос, приближаясь своим ртом к моему уху, и шепчет, звуча горячо и грубо:

— Сегодня ты моя.

У меня вырывается лихорадочный стон. Он берет мое лицо в свои большие руки, заставляя меня при этом чувствовать себя хрупкой и крошечной, и он жадно впивается в мой рот. В этот раз он действует медленно, как будто я являюсь чем-то драгоценным и ценным.

— Ты моя сегодня.

Он снова смотрит мне в лицо, его глаза горят от желания. Мне кажется, что я просто кивнула в знак согласия, но я слишком взволнована, чтобы знать наверняка. Меня бросило в жар. Мои ноги не перестают дрожать, и каждая клетка моего тела кричит от желания потому, что я хочу его сейчас. Я хочу его сейчас.

— Реми, я хочу тебя, возьми меня! — кричит какая-то женщина, но он игнорирует ее, он игнорирует все. Кроме меня.

Его глаза темные и полны решимости, он прикасается своими большими мозолистыми пальцами к моему лицу, а затем он проводит ими по моим волосам, целуя меня снова, наши рты горячие и влажные сливаются, жаждущие и желающие. Я хватаю в кулаки мягкую серую ткань его футболки, умирая от ощущений. Мне даже плевать, кто смотрит, и я не обращаю внимания на все те пошлые вещи, что они свистят. И я осознала, насколько сильно я хочу этого, нуждаюсь в этом, когда по мне проходит волна дрожи, и я нахожусь в плене его настойчивых сексуальных губ, когда взгляд его глаз заставляет меня чувствовать себя единственной женщиной в его жизни.

— Забери ее в свой номер, Тэйт! — кто-то кричит. Но, похоже, он поглощен только мной, а я только ним.

Он обнимает меня своими сильными руками, защищая ото всех, гладит мои волосы, пока его губы нежно касаются обнаженного участка моей шеи над воротником. Его пальцы скользят вверх по моей шее, и он опять произносит, словно мантру — «Моя. Сегодня».

— А ты — мой. — Я обхватываю ладонями его лицо, ища глазами его темнеющий взгляд, когда неожиданно четверо парней подхватывают его и начинают подбрасывать в воздух.

«Реми, Реми...» кричат они, дружно подкидывая его. Смех наполняет меня, и счастье рвется наружу. Я счастлива за себя. За него. За этот вечер.

Неподалеку Пит и Райли сдержанно наблюдают за этой сценой с такими мрачными лицами, будто находятся на похоронах.

— Эй, ребята, веселее! — смеясь я подхожу к ним. Вполне возможно, что мои дедули отрываются бодрее этих двух. В ответ они лишь качают головами и продолжают мрачно пялиться вперед.

— Он слишком разогнался, — бормочет Пит, обращаясь к Райли.

— Я знаю, мужик. Черт.

— Да уж. — Пит задумчиво почесал голову. — Я что на самом деле затеял всю эту вечеринку?

— Приготовься к аварийной посадке, — все, что ответил Райли, направившись дальше по гостиной, качая головой.

Я в замешательстве.

— Что случилось? — спрашиваю Пита.

— Ничего. Пока что. — Он взглянул на часы, затем на Реми, которого относили назад к бару. — Но всегда что-то идет не так, и у нас возникают неприятности. Большие. Неприятности.

Оглянувшись, я вижу вокруг только улыбки и смех, в то время, как из динамиков звучит сумасшедшая рок-музыка из айпода Реми. Я, в самом деле, не понимаю, из-за чего эти двое так волнуются. Всем весело, и я еще не встречала человека, который трудился бы так, как Ремингтон. Он заслуживает того, чтобы расслабиться. Да, он немного чересчур энергичен, но, на мой взгляд, это очевидно, что он получает удовольствие от борьбы, и плюс к этому то же самое, что поглощает нас обоих, Ремингтона и меня, чувство как будто свертывают голодные неделями кобры.

Сегодня весь день, в то время, как мы оставили чемоданы в нашей комнате и пошли с командой на обед, и даже когда он готовился перед боем, — каждое мгновение этих моментов наши глаза искали друг друга, и как только наши взгляды встречаются, между нами вспыхивают искры с такой мощностью, что необходимость быть с ним как будто ранит меня ударами плетью. Даже во время боя, когда он повернулся, чтобы посмотреть на меня прежде, чем начать, его голубые глаза с неистовым аппетитом медленно поглощают меня. Я знаю, что он чувствует тот же голод, что и я сейчас, пока жду возбужденная, предвкушая этот вечер. Мое тело гудит от возбуждения, и после такого восхитительного боя, я знаю, тело Ремингтона гудит, как сумасшедшее. Он весь измученный. Заведенный и превосходный.

Сегодня его энергетика была настолько мощной, что накрывала каждую клетку и атом моего тела, его мужская сексуальность окутывала меня.

Я вижу, как он разливает текилу по стопкам, в то время как эффектная блондинка, стоящая рядом, выжимает лимонный сок прямо на свое декольте и, добавив щепотку соли, сжимает рюмку текилы между грудей. Она тянет Реми за запястье, призывая выпить.

Ревность охватывает меня, но быстро проходит, когда Реми хватается ближайшего чувака и, смеясь, подталкивает его к блондинке, после чего хватается две стопки, что он налил и направляется ко мне.

Его взгляд находит меня, а выражение глаз становится диким. Таким томным и диким, как и мои трепещущие внутренности. Кажется, будто для веселья ему нужна только я и больше никто, от этого мои колени слабеют. Я становлюсь такой чувствительной между ногами, мокрой и набухшей.

В одной ладони он несет солонку и лимоны.

— Иди-ка сюда, — в его грубом голосе слышна теплота, он ставит рюмки на пульт у входа. Он посасывает дольку лимона и наклоняет голову, чтобы передать ее мне. Он выжимает лимонный сок между моих губ, выкидывает лимон и засовывает язык мне в рот. Он стонет, я тоже, мы целуемся, ласкаем друг друга языками. Застонав еще раз, он отодвигается и протягивает мне рюмку.

Я ни разу не напивалась и очень рада, что сейчас я с ним. Внутри меня по венам разливается беззаботная радость. Я будто становлюсь порочной и импульсивной, совершая все то, что не делала раньше. Зажав в руке стакан, я залпом его осушаю, ощущая, как алкоголь прожигает путь вниз по горлу, а когда Реми снова протягивает мне лайм, я теряю рассудок от волнения и возбуждения.

Повторяя то, что он делал, я зажимаю дольку лайма губами, а он наклоняется и посасывает его. Стон вырывается из моего горла, когда он отбрасывает лайм, заменяя его своим языком. Желание и страсть проносятся сквозь меня, и я обхватываю его шею руками.

Пустые рюмки падают на пол, когда он хватается меня за зад и усаживает, устраиваясь между моих ног, запуская язык в мой рот.

Он делает толчок бедрами, и я чувствую его твердость, от этого безрассудного движения сквозь мое тело проходят молнии.

— Ты так хорошо пахнешь... — хриплым голосом он сказал мне в ухо. Он тереться своей твердостью об меня, сжимая руками мои бедра. Его рот легкими касаниями прокладывает путь вниз от моего виска к подбородку, и он прошептал мне в губы, быстро и возбужденно:

— Я хочу тебя сейчас. И я не могу ждать, когда уйдут эти люди. Как тебе нравится такое, Брук? Жестко? Быстро?

— Так, как ты захочешь, — пробормотала я, опьяненная от ощущений на мне его рук, его губ, от прикасания его бедер к моим. Думаю, мои слова заставили его вспомнить песню, которую я ему включала, потому что он издает стон и наклоняет голову, слегка покусывая мою нижнюю губу.

— Подожди здесь, маленькая петарда, — сказал он, возвращаясь обратно к бару.

Мы выпиваем по второму заходу, он приносит еще текилы для третьего и после четвертого я окончательно захмелела. Раньше я так крепко не выпивала и не думаю, что мой организм может с этим справиться. Голова начинает кружиться, пока я смотрю, как он с сонной улыбкой на лице в пятый раз уходит за выпивкой. Какие-то мужчины снова хватают его и начинают подбрасывать в воздух, выкрикивая: «Кто круче всех?»

— Не сомневайтесь, что это я, чертовы кретины!

Они ставят его обратно на ноги возле бара и, протягивая бесчисленное количество стаканов с пивом и вскидывая кулаки в воздух, начинают скандировать: «Ре-минг-тон! Ре-минг-тон! Ре-минг-тон!»

— Спокойнее, ребята! — пытается уговорить их подошедший Пит.

— Что это за придурок? — говорит какой — то бородатый парень, Реми хватает его и прижимает к стене с такой легкостью, будто тот весит не больше младенца.

— Он мой братан, ты, жаба. Прояви немного чертова уважения!

— Остынь, чувак, я просто спросил!»

Реми бросает его на пол и возвращается к бару за нашей текилой.

Я знаю, что он собирается вернуться ко мне и принести еще стопки с выпивкой, но люди продолжают задерживать его, а мой желудок начинает издавать какие — то звуки. Я уже не чувствую свой язык и, кажется, меня сейчас стошнит.

Прикрыв рукой рот, я быстро иду в ванную самой маленькой, но ближайшей спальни, игнорируя парочку на кровати, забегаю в ванную, захлопываю и закрываю дверь, откидываю сидишку на унитазе, собираю волосы и с трудом отпускаю крышку, прежде чем все мои внутренности выворачивает наизнанку.

Пять минут спустя я все еще здесь, задыхаюсь на своей собственной жалкой вечеринке. Прямо в ванной.

Боже. Мой желудок. Моя бедная печень. Бедная я. Я так чертовски рада, что в юности я занималась бегом вместо того, чтобы бу-твоюм-ааа-ать! Не верится, что Мелани нравится все это. Тошнота опять подкатывает к горлу, и я отчаянно стону. Еще раз я наклоняю голову над унитазом, пока судороги разрывают и выворачивают меня.

Когда, кажется, что я закончила, все вокруг выглядит размытым, а голова все еще кружится. Я полощу рот и ищу свои витамины в вещах, которые заранее оставила в ванной этой комнаты на случай, если не буду делить ванную комнату с Ремингтоном. Сейчас это кажется отличным планом, так как меня, похоже, будет тошнить всю ночь. Я закидываю в рот красную пилюлю витамина В и таблетку витамина С, и понимаю, что надо выпить воды, чтобы не было обезвоживания, но мне лень идти за водой, так что я смываю унитаз в третий раз, опускаю крышку и ложу на нее голову, на случай, если меня опять начнет тошнить. Я достаю телефон и отправляю Мэл смс:

Чувствую себя куском дряма!@ Бухая встльку! но я трррряхну Реми, если выжииву после чртвой текилы!

А после этого я, кажется, вырубилась.

Когда я пришла в себя, в висках пульсировало, а снаружи в президентском люксе оглушающе шумело. Мне хватило ума и сил прополоскать рот еще раз, пригладить спутавшиеся волосы и помыть руки, потом я выглянула наружу — любовники ушли, так что я потащила в гостиную на звуки шума. Нет. Не шума. Сумасшествия.

Моргая, я осмотрелась кругом, не веря своим глазам. Я не знаю, что здесь произошло, но точно что-то. Определенно. Что-то. Произошло. Все было покрыто перьями из подушек. Осколки хрустели у меня под ногами, пока я шла. Люди толкались и пихались, пьяные и паникующие, пытаюсь спастись от чего-то. И тогда я увидела его.

Ремингтон «Разрывной» Тэйт, самый сексуальный человек из всех живущих, метался кругами, отбрасывая все на своем пути, и кричал во всю мощь легких: «Что, твою мать, ты наплел ей обо мне? Где она?», пока Пит, уже без пиджака и галстука, отчаянно пытался его утихомирить. Реми швырнул хрустальный графин в стену, люди кричали от страха и возбуждения, пока Реми вышвыривал их из номера.

Я мгновенно протрезвела (или, по крайней мере, наполовину) и почти отошла от первого шока. Я протиснулась в толпу и начала проталкивать людей к дверям, «Вон, вон,

вон!» кричала я, словно банши.

Реми услышал мой голос, резко развернулся и увидел меня. В его глазах горело что-то звериное, он бросил лампу, державшую в руках, и она взорвалась, рассыпавшись на осколки позади него, после чего он направился ко мне. Но Пит схватил его, отчаянно хватая за руку.

— Видишь, чувак? Она же подписала контракт, ты помнишь? Тебе не обязательно разрушать весь отель, парень.

Пока Ремингтон смотрел мне в глаза с выражением чистой дикой боли, Пит ткнул чем-то в его шею и его веки задрожали.

Его голова резко заваливается вперед, и я замираю в полнейшем ужасе. Я в замешательстве и не могу поверить, что Пит, нежный милый Пит, только что вколол что-то Реми в яремную вену.

Райли продолжает выпроваживать людей из номера, а Реми оседает на пол и Пит пытается удержать его, прижимая к ближайшей стене. Когда мы наконец-то избавляемся от последнего гостя, Райли подхватил Реми под одну руку, а Пит под другую. Пока они тащили его в хозяйскую спальню, его ноги волочились по полу, а его прекрасный глубокий голос звучал теперь не просто как у пьяного, а как у накаченного наркотой, его низкий тембр был едва слышен.

— Не позволяйте ей увидеть.

— Мы не дадим, Рем.

Его голова упала на грудь, потому что сил держать ее прямо у него не было.

— Только не позволяйте ей увидеть.

— Да, парень, мы поняли.

Ледяной страх растекался по моим внутренностям пока я изумленно, словно лунатик, шла вслед за ними к двери. Я остановилась на пороге, разрываясь между желанием пойти за ними, внутренним недоумением «какого черта происходит?!» и моим ОКР, который умолял меня начать прибираться весь этот бардак, а еще те стопки текилы все еще делали меня пришибленной.

— Что с ним случилось? — Спросила я Пита, когда они вышли из комнаты. Райли пошел к телефону в гостиной.

— Все в порядке, просто ему немного нездоровится. — Пит хватая дверную ручку и закрывает дверь.

И внезапно я слетаю с катушек и хватаю руку Пита, будто это спасательный круг.

— Не пудри мне мозги. Что он не хочет, чтобы я видела?

Мой голос дрожит, но я настолько напугана и пьяна, и сексуально неудовлетворенна, что, если не получу ответ, я пойду и разнесу в клочья то, что уцелело после Ремингтона.

Пит вздыхает и разжимает мою руку, освобождая себя от моего смертельного захвата.

— Он не хочет, чтобы ты видела его.

Ошарашенная я теряю дар речи, но желание убедиться, что с Ремингтоном все в порядке, перевешивает, так что я пытаюсь войти внутрь. Пит быстро и решительно оттаскивает меня в сторону.

— Послушай, он перевозбужден с тех пор как ты здесь, и вот такие вещи случаются, когда он перевозбужден. Все, что ему нужно чтобы почувствовать себя лучше — это немного физического контакта, это поможет прекратить панику, и он скоро будет в норме. Мы знали, что так будет, это был лишь вопрос времени. Это всегда начинается, когда он не может выпустить пар на ринге. А то, что он волочится за тобой как кобель, совсем не помогает,

Брук.

— И кто же дал тебе право делать ему укол с транками, Пит? — я требую ответа, дрожа от ярости, защищая Реми.

— Он и дал. Тысячи разгромленных отельных номеров, Брук. Я с ним уже десять лет, и столько же Райли. Он дороже в обслуживании всех кого ты когда-либо встречала!

Райли возвращается с угрюмым выражением лица.

— Они уже идут.

— Ты заказал двоих? — спрашивает Пит

— Трех. Новых. Посмотрим, может это подогреет его проклятый упертый аппетит.

Когда до меня доходит, о чем они говорят, я загораюсь желанием врезать им обоим.

— Три новых кого? Проститутки?

С новым проблеском беспокойства Пит гладит меня по плечу в успокаивающем жесте.

— Это стандартный протокол, ясно? Они чисты и очень дорогие. Ему плевать на них. Нам не стоило позволять ему так это запускать, особенно учитывая тебя поблизости. Прости за натурализм, но теперь это наша проблема и мы ее решим, он не может драться завтра в таком состоянии. Черт, это будет чудо, если мы вообще сможем вытащить его из койки.

Что — то мрачное и порочное движется внутри меня, яростно скручиваясь в груди.

— Я не желаю, чтобы эти женщины были здесь, — говорю я им обманчиво спокойным голосом.

Может, у меня нет права голоса в этом деле, но я помню поцелуй Реми, как нежно его ладони обнимали мое лицо. Его слова. Ты моя сегодня ночью...

Внезапно, яркая картинка его тела переплетенного с кем-то другим вызывает у меня желание помчаться в туалет и вырвать. Я немного пьяна, а может это уже похмелье. Не знаю. Но голова болит, а желудок сводит при малейшей мысли, что кто-то другой коснется его. И вот уже мне на самом деле приходится прикрывать рот рукой и мчаться в туалет.

Следующие десять минут я провожу здесь, после чего полощу рот, прибираю за собой и быстро иду обратно, как раз вовремя, чтобы застать приехавших вонючих проституток. Райли, кажется, пошел вниз в лобби, чтобы привести их — понятно, что ни один уважающий себя отель не пустит к себе этих женщин — и когда Пит, открывает дверь, чтобы впустить их, воняющих духами и переливающимися от страз и блессток, я замираю и чувствую, как внутри опять все скручивается.

Они такие красивые, я с ужасом понимаю, что принадлежу к тем пьянчужкам, которые начинают кричать на людей, а потом плакать, чувствую, что сейчас я и начну. Я настолько взбешена, что рвусь вперед и останавливаю едва вошедших женщин. Они замерли, увидев мои спутанные волосы и сердитый взгляд.

— Мы больше не нуждаемся в ваших услугах, девушки. Мне жаль потраченного вами времени, вот вам за издержки.

Я выхватываю сто долларов из бумажника Райли, потому что он стоял ближе всех и был тем козлом, который решил позвонить им. Я выпроваживаю женщин в холл и захлопываю дверь перед их лицами. Потом я разворачиваюсь, глядя хмуро.

— Это в последний раз вы позвонили какому-то мусору, пока он в таком состоянии, — говорю я, угрожающе тыкая в них пальцем, мое сердце учащенно бьется от гнева и желания защитить. — Я понимаю, что не в том состоянии, чтобы принимать решения, но он тоже. Он не хочет их! — кричу я.

Мужчины, совершенно трезвые и по обыкновению такие серьезные в своих «похожие-

на-телохранителей» костюмах и галстуках (кроме Пита, потерявшего форму сегодня в потасовке), уставились на меня в крайней степени растерянности, заставляя меня чувствовать себя сумасшедшей.

Что ж.

Я сошла с ума?

Я не уверена. Но в груди болит за этого мужчину в спальне, и я тяжело дышу, борясь, отстаивая свою территорию. Я знаю, о чем эти парни думают. Я знаю, что они хотят знать, какого черта я не пустила сюда тех женщин. Они думают, что я хочу трахнуть Ремингтона, и что я думаю, он и правда хочет меня. Может и так. Я отчаянно этого хочу. Я не только хочу трахнуть его, я возможно испытываю к нему глубокие и запутанные чувства.

Но мысль о ком-то, кто прикоснется к нему, заставляет меня хотеть плевать огнем. Меня не волнует, что он не мой. Меня волнует, что прямо сейчас Пит, вколол ему что-то, его прекрасное тело готово, а его мозги отключены. Если я могу остановить этот кошмар, то я так и сделаю, я так и сделала.

— Я не пьяна сейчас — заявляю я мужчинам, которые так и продолжают пылиться на меня.

Оба зевают.

— Я иду в постель на случай, если он очнется, когда лекарство перестанет действовать, — говорит Райли и направляется к двери.

— Не ходи туда, — предупреждает меня Пит, указывая на дверь спальни. — Поспи в другой комнате. Он, наверное, не вспомнит ничего, что ты ему сейчас скажешь, а если то, что мы вкололи ему отпустит его слишком рано, то с ним станет так сложно, как ты себе даже не представляешь.

— Отлично, — вру я и ухожу в другую спальню за ночнушкой, но я не могу оставить все вот так. Только Реми и я спим в этом номере и, когда дверь за Питом захлопывается, я понимаю, что мы одни.

Петляя по минному полю из стекла и заталкивая поглубже потребность в наведении уборки, я иду в его спальню. Пульс неистово стучит в висках, когда я осматриваюсь. Шторы не плотно задернуты и желание обладать и защищать проносится сквозь меня, когда я замечаю его, отбрасывающего тень от слабого свечения городских огней за окном. Я убеждаю себя, что мне просто нужно убедиться, что он в порядке. Но я так напряжена и обеспокоена, я боюсь, что просто осмотра мне будет недостаточно и потребуется проверить пульс или что-то вроде того.

Тихонько заходя внутрь, я задерживаю дыхание и бесшумно закрываю за собой дверь.

Осторожно скинув туфли, я приближаюсь, мягко ступая по ковру, пока глаза привыкают к темноте. Он лежит лицом вниз на кровати, и, услышав его стон, мое сердце сжимается от боли. Простыни шуршат, а матрас скрипит, когда начинает ворочаться. Я настолько без ума от этого мужчины, так и съела бы его, не говоря уже об уйме других вещей, которые я никогда не хотела сделать ни с кем другим.

Желудок сводит, когда я вспоминаю, как он говорил Питу и Райли, что не хочет, чтобы я видела. Беспокоился ли он о том, что я подумаю о нем? Мне очень хочется сказать ему, что он для меня все так же важен и все тот же. Я хочу сказать ему кучу разных милых слов. Сказать, как круто он дерется. Сказать, что я считаю его самым сексуальным человеком из всех, кого я видела. Сказать, что я на вершине блаженства только от одних его поцелуев. Я знаю, как важно это слышать, потому что это требовалось мне самой, когда мой мир

разлетелся на куски, мое тело было разбито, а дух сломан, и Мэл держала меня за руку и говорила мне, что я все еще ее номер один. Я хочу, чтобы Реми знал, что я тоже бы с гордостью держала плакат с надписью «я твой самый большой фанат!» Но я не могу произнести не слова из-за эмоций, комом стоящих в горле. Я так переживаю, видя его в таком состоянии, это съедает меня. И моя печенка не так уж хорошо справляется, так что я одновременно переживаю тысячу эмоций, не представляя, как со всем этим сейчас справится. Мне кажется, что я просто хочу заботиться и обнимать его, но боюсь, что он вышвырнет меня, если узнает, что я здесь.

Нервною, я наклоняюсь и кладу руку на его большое обнаженное плечо. Его тепло просачивается в меня через его гладкую кожу, и я прижимаюсь к его уху, нежно проводя по нему губами, прямо как он делал тогда в самолете.

Запах его шампуня и аромата, который источает его тело, сводят меня с ума от страстного желания, я не могу остановиться, скользя пальцами вниз по его спине, к округлым изгибам его задницы. Он такой красивый, мое тело тянется узнать его ближе.

Я понимаю этот протокол «выработки» лишней энергии. Во многих проверенных случаях спортсмены соревнуются лучше, если накануне у них был секс. Эти недели с ним и меня держали в напряжении, каждый день я чувствовала все большее отчаяние, и неуравновешенность от боли из-за постоянного сексуального воздержания.

Переполненная сожалением от нашей потерянной ночи, я легонько коснулась изгибов его спины, задрожав от контакта с его теплой кожей, шелковистой и гладкой. Внизу живота все сжимается от тоски по нему, эгоистичная часть меня отчаянно желает, чтобы он открыл глаза, увидел меня и притянул к себе сильными руками и продолжал до тех пор, пока мы оба не будем задыхаться, истощенные.

Но другая часть меня боится, что он выгонит меня.

А это весьма вероятно. Я даже не понимаю, что я все еще делаю здесь, когда мне ясно дали понять, чтобы я держалась подальше. Может я слабее Реми. Может я более сумасшедшая. Я лишь хочу быть рядом с ним сегодня ночью. Он усыплен, такой большой и беспомощный, и я уверена, что он не навредит мне.

Как можно тише я протискиваюсь на край постели, ложась рядом с ним. Внезапно, с тихим стоном, он переворачивается, распластавшись на спине, и я задерживаю дыхание, когда передо мной открывается вид на все его прекрасное мускулистое тело. Я не могу дышать.

От его наготы в лунном свете у меня становится влажно во рту и между ногами, которые становятся мягкими как вата. Я могу видеть каждый мускул его тела, как одна мышца переходит в другую и его идеальную кожу, каждый его сантиметр. Я могла бы обвести каждый его мускул карандашом. Он такой мужественный, что меня бросает в жар, между ногами становится мокро, я отчаянно хочу почувствовать его губы под своими, его язык, ласкающий мой.

Я хочу, чтобы он проснулся, чтобы я могла сказать ему, как страстно его желаю, желаю его в моем рту, в себе. Мне хочется сорвать с себя одежду и вцепиться в каждый сантиметр его загорелого тела. Я хочу прижаться и коснуться, целовать его прямо там, там он такой же большой и твердый, как и все его тело. Туда, в то, что делает его таким... мужчиной.

Я позволяю себе глянуть на него, на его мускулистые ноги, его узкие бедра, его прекрасный член, такой толстый, длинный и бархатистый... и снова вверх к самой сексуальной татуировке в виде звездочки, что я видела, вверх по его прессу, его твердой

груди, его толстой мощной шее, к его необыкновенно красивому лицу.

Его глаза закрыты, темные ресницы, словно две луны на высоких скулах, челюсть идеально квадратной формы, даже сейчас, во сне. Я глажу пальцем его колючую щетину.

— Реми, ты такой красивый.

Со стоном он поворачивается навстречу прикосновению, я обхватываю его за талию и накрываю нас обоим одеялом, слушая его дыхание, его большая грудь поднимается и опускается, пока я прижимаюсь к его теплему телу.

В конце концов, я должно быть уснула. К тому времени, как будильник на его телефоне начинает звонить в 5 утра, ни один из нас не слышит его, а в 10 утра Райли будит нас, хлопая в ладоши и смеясь, что пора вытаскивать наши ленивые задницы из постели, потому что Рему стоило бы сегодня позаниматься в зале.

Райли кажется довольным от того, что я «спала» с Реми. Должно быть, он очень уж хотел, чтобы Реми разобрался с «этим», что бы это ни было, и не важно — с проститутками или со мной.

Парень не увидел, как мы оба резко сели, стоило ему выйти из комнаты. Ремингтон совершенно не выглядел пьяным, стоило ему заметить меня на кровати. Думаю, мои волосы растрепаны и я должно быть выгляжу такой же помятой, как себя чувствую, но я не могу ничего с собой поделать — я замечаю, что его красивое тело все еще полностью обнажено и это самое чудесное, что я видела под дневным светом.

Мы смотрим друг на друга в течение нескольких ударов сердца.

За эти несколько ударов в памяти всплывают его вчерашние поцелуи, эхом отдаваясь на губах.

Солнечный свет наполняет комнату, кровать в беспорядке, мы оба в ней, дико осматриваем друг друга.

Яростное желание запрыгнуть на его эрекцию проносится сквозь меня, и я замечаю настороженность в его глазах, пока он смотрит на меня, сверху вниз, а я дрожу от страсти, укрытая старой футболкой из Диснейлэнда — подарок, привезенный Мэлани из ежегодной «оставайся-молодой!» поездки.

Его глаза выглядят такими темными этим утром, клянусь — не видно даже капельки синевы в этом дьявольском взгляде.

Прежде чем Реми сможет спросить, что я делаю в его постели, я вскакиваю на ноги и поспешно иду переодеться, безумно опасаясь его глаз, следящих за моими передвижениями по комнате.

Но за мной он не идет.

— Все в порядке, такое бывает, — Пит пожимает плечами в спортзале, когда Реми не появляется даже спустя два часа. — Брук, тебе лучше пойти заняться чем-нибудь. Бессмысленно торчать здесь, вместо того, чтобы наслаждаться солнцем.

На самом деле, после пьянки, слово «солнце» уже не кажется мне таким уж приветливым, но я киваю и устраиваю небольшую прогулку по Майами, стараясь почувствовать удивительную энергетическую смесь культур выходцев из Латинской Америки с другими, но мне не хватает на это сил.

У меня никогда было похмелья.

Мне определенно не хочется переживать это вновь.

Меня сушит, независимо того, сколько воды я пью, а еще меня тошнит, голова как тумане, слабость и плохое самочувствие, и я с трудом могу разлепить глаза, чтобы смотреть,

куда иду.

Но я все равно делаю над собой усилие и решаю позвонить родителям с мобильного, направляясь к магазинам в центре Майами.

— Где ты сейчас? — требовательно спрашивает мама. — Твой отец хочет знать, пойдешь ли ты в этот известный ресторан, как там он называется, куда ходят все кинозвезды.

— Мама, я работаю, — отвечаю я. — Это не отпуск. А если бы ты сказала точное название «этого как там его ресторана», то я может, поняла бы, о чем речь.

— О, да ладно, не важно! Кстати, мы получили новую открытку от Норы! Она в Австралии, передает привет. Ты бы видела пляж на этой картинке, боже мой! Это просто рай. Интересно, она видела там настоящих аллигаторов? Или там живут крокодилы? Крокодилы или аллигаторы?

— Крокодилы, мам. И мне кажется, здесь во Флориде они тоже есть. Эй, мне не хочется разряжать телефон, давай я позвоню тебе на следующих выходных, ладно? Я просто хотела проверить, как там у тебя дела. — Я вешаю трубку, потому что звонить родителям сегодня было не лучшей идеей. Они классные и я люблю их, но они мои родители.

Они любопытные, упрямые и конечно они действуют мне на нервы.

Мне особенно обижает тот факт, что их мечты о моей всемирной славе развалились вместе с моим коленом, и знаю, что они не верят, что я смогу вновь жить «полной» жизнью.

Иметь с ними дело было бы проще, если бы Нора не ограничивалась отправкой открыток раз в месяц.

Направляясь обратно в отель, я заметила Диану, и мы устроили небольшой обед.

— Пит сказал, что нашему парню сегодня нездоровится, — тон ее голоса одновременно вопросительный и грустный.

Я ковыряюсь в салате и продолжаю пить свежавыжатый сок, в основном из-за пульсирующих целый день висков. Я уверена, что моя печень не привыкла к подобному обращению. Я всегда бережно относилась к своему телу. Сегодня оно злится на меня за переизбыток алкоголя, плохой выбор еды и неудовлетворенное желание.

— Такое часто случается? — спрашиваю я, переводя глаза с салата на нее.

Она кивает.

— Ясно, — отвечаю я слабо, опуская вилку. — Это потому что он плохо переносит алкоголь или у него проблемы с контролем гнева?

— Я бы сказала, что дело в контроле гнева, но не уверена. — Диана берет стакан с холодным чаем, откидывается на спинку стула и пожимает плечами. — Я знаю об этом меньше других. Но я уверена, что с Реми, словно с ребенком, бывает тяжело справиться. — Она многозначительно кивает, попивая чай через соломинку. — Тяжело справиться. Именно поэтому я надеюсь, очень хочу, чтобы ты пересмотрела свое отношение, перед тем как... что ж, если только, ты уже не...?

— Ничего не было, Диана, — я потираю лоб, и прошу принести чек.

Мы расплачиваемся, и она приглашает меня к себе в номер посмотреть рецепты, но вместо этого я иду в люкс, на дверь которого Пит или Райли повесили табличку «Не беспокоить». Я вставляю ключ и тихонько захожу внутрь, чтобы начать прибирать худших бардак в мире.

Несколько часов уходит, чтобы придать комнате видимость порядка, и, собрав все стекло в кучу перед дверью, я звоню в службу уборки номеров, и прошу дюжину пластиковых пакетов, чтобы вынести все это. Когда все готово, я иду в душ.

Я остаюсь спать в люксе, не смотря на то, что Диана предлагает мне переехать к ней в номер. Я просто... не могу никуда уйти. Я хочу спать с Реми, и теперь, когда мы одни в номере, я просто не могу сбежать и бросить его одного здесь.

Особенно раз он плохо себя чувствует.

Но ночью люкс кажется таким тихим, сердце никак не успокаивается, пока я лежу без сна в своей постели, думая о нем, обо всем, что случилось. Мне хочется спросить у Пита или Райли о том, что происходит, а с другой стороны, мне бы хотелось, чтобы Ремингтон рассказал мне сам.

Не знаю, сколько времени проходит, но дверь спальни открывается, пока я все так же пялюсь на стену. У меня похмелье, но я сажусь и вижу его силуэт. Он должно быть искупался. Пижамные штаны низко сидят на его узких бедрах. Его загорелое тело блестит, а волосы мокрые и колючие, зачесаны назад, открывая его красивый лоб.

Мое сердце вздрагивает, кажется, успокоительное уже перестало действовать, потому что стоит он прямо, держась рукой за проем двери, может для равновесия. Я привстаю на руках.

— Ты в порядке? — спрашиваю я обеспокоенно.

Его голос звучит грубо и резко.

— Я хочу спать с тобой. Просто спать.

У меня в животе все переворачивается.

Он ждет, что я отвечу, но я не могу. Мне хочется разрыдаться, не знаю почему, списываю это на похмелье и то, как опасно близка я, чтобы влюбиться в человека, которого совсем не знаю.

Он подходит, поднимает меня на руки и несет по коридору обратно в свою спальню, к широкой кровати.

Он опускает меня, ложится рядом под одеяло, прижимает меня так, чтобы мое лицо оказалось у него на груди, и носом утыкается мне в макушку. Я даже представить не могу, какое количество гормонов счастья вырабатывает мое тело, но это... он... быть в этой постели с ним... заставляет меня чувствовать себя очень хорошо. Спокойно. Счастливо.

Мне позарез нужно, чтобы он сказал, что не так. Что случилось? Он не может себя контролировать? Почему они так реагируют? У него проблемы с насилием и неразрешенные проблемы с контролем гнева? Кто так навредил ему? Я думаю, почему его вышибли из бокса, о том, как его разозлил Скорпион тогда в баре, как близок он был к тому, чтобы снова загубить свою карьеру. Но не думаю, что он хочет сейчас говорить об этом. Он кажется таким расслабленным и спокойным, мне не хочется нарушать эту темноту и тишину.

Вместо этого я лежу рядом с ним, пока каждая клетка моего тела кричит о желании физического контакта. Я стараюсь не хотеть этого, потому что сейчас не время. Не знаю, что за успокоительное ему вкололи или как долго оно действует, но понимаю, что позже он может даже не вспомнить, что был здесь со мной. Да что там, даже я могу не вспомнить. Я так устала, а еще похмелье — в данный момент я не могу мыслить здраво.

— Просто поспим, ладно? — шепчу я ему в шею, не смотря на то, как мое тело тянется к нему, как жаждет этого мое сердце.

— Просто спим. — Он притягивает меня ближе к себе, я чувствую его эрекцию между нами, ожесточенно твердую, пульсирующую, заставляющую мои внутренности дрожать. — А еще это, — бормочет он.

Он обхватывает ладонями мое лицо и касается губами моих губ с такой нежностью, что

я, кажется, сливаюсь с ним. Я стону, прижимаясь губами, запуская руки в его волосы, немного обезумев, прижимаюсь грудью к нему. Мне так хочется ощутить его руки на мне, его язык повсюду. Когда он проводит им, гладким и горячим, по-моему, я чувствую, будто добилась невозможного. Дрожа, я притягиваю его лицо, усиливая наш поцелуй.

Он замедляется меня своим языком, его пальцы переплетаются в моих волосах, направляя мою голову, выдерживая пьянящий ритм его рта. Боже, я хочу, чтобы он коснулся меня повсюду, где достанет. Везде. Где угодно. Я такая набухшая и влажная, я дрожу, чувствуя его твердость между нашими животами, я знаю, как сильно он хочет меня. Но мы договорились «спать»... и еще «это»... а теперь я не хочу, чтобы «это» заканчивалось.

Он целует меня так медленно и глубоко, что я не могу дышать. Он оставляет мой рот лишь для того, чтобы дать мне вздохнуть, а потом вновь ласкает своим языком мой, поглаживая мои губы и зубы. Он посасывает, втягивает, окружает и проталкивает. Я влюбляюсь в его поцелуи с такой скоростью, что уже совсем не понимаю, где мои руки, где я нахожусь.

Все мое тело поглощено тем, как он трахает мой рот, пока мои губы не распухают и не начинают болеть при ответном поцелуе, не смотря на то, что мое тело требует большего. Когда я начинаю ясно ощущать вкус крови от его или моих губ, а может от обоих, я отклоняюсь назад, тяжело дыша, замечая, что порез на его губе кровоточит. Он целовал меня до крови. Я тихо вздыхаю и нежно лижу его, он постанывает с закрытыми глазами. Он проводит пальцами по моим волосам и притягивает мое лицо к себе, укладывая в сгиб между плечом и шеей, лаская меня. Его грудь тяжело и быстро вздымается подо мной.

Простыни где-то в наших ногах, но он такой горячий, что я прижимаюсь так плотно, как могу и засыпаю. Шевельнувшись посреди ночи, я просыпаюсь от странного нового ощущения мощной руки, обхватывающей меня прижимающей к пригретому мной местечку возле него. Мои конечности покалывает, когда я заглядываю в его лицо и понимаю, что нахожусь с ним в постели. Он спит или так, кажется. Он поворачивает голову, приоткрыв глаза, видит меня, снова целует мои губы, мягко облизывая их, после чего откидывается назад, прижимая нос к моим волосам, прижимая меня к себе.

Глава 7

Пойдем со мной

Сейчас мы летим в Денвер.

Пит и Райли сидят впереди с Дианой и Люпом, а мы в задней части самолета с Ремингтоном. Он сидит в наушниках, но я нет, пытаюсь услышать накаляющийся разговор Пита и Райли. Реми не тренировался четыре дня, даже когда Райли разбудил нас этим утром. Я ушла переодеться и ждала внизу, но Реми не появился. Он не выходил из своей комнаты все эти последующие дни.

В отличие от меня.

Что-то происходит между нами, и я боюсь дать этому название. В течение последних четырех дней он приходил. Чтобы забрать меня из моей комнаты и уносил в свою, а в последнюю ночь я даже осталась в ней на весь день.

Мы целуем друг друга, как будто ждем этого в течение всего дня, что в моем случае — чистая, правда. Мелани написала мне после той пьяной смски о том, что я собираюсь заняться сексом с Реми. Она хочет знать, оседлала ли я Реми. И я просто не знаю, чем мы занимались, но то, как он целовал меня, заставляло чувствовать, что я его слабость, и он балдел от меня. Как только мы добирались до кровати, его рот сливался с моим, и он не отпускал меня. Его руки держали меня прижатой к его телу, как будто я была его опорой. Я чувствую себя его якорем, а его таким сильным и возбужденным, будто в свободном падении.

— Его баллы не смогут удерживать его на первом месте все время, — бормочет Райли, и без сомнения, в его голосе присутствует обреченность. — Он уже опустился на второе место, на очереди третье. Ему нельзя терять ни одну ночь, и он больше не может пропускать бои.

Расстегнув ремень безопасности, я, нахмурившись, направилась к ним.

— Что происходит? — я оставалась стоять в проходе, упираясь плечом на спинку сиденья Дианы.

— Реми больше нельзя пропускать бои. Всё зависит от баллов на этом чемпионате, и если мы хотим оставаться на первом месте, то ему больше нельзя их пропускать, и он, само собой разумеется, не может себе позволить проиграть.

— Он не ест, — с сожалением произнесла Диана.

— Он не тренируется, — резко добавляет тренер.

— И его глаза до сих пор темные.

Я бросила сердитый взгляд на Пита и поняла, что да... в последние дни глаза Реми действительно выглядят темными. Но мы также и не спали. Мы просто целовались, как ненормальные всю ночь, и наши тела были возбуждены, и мы заказывали обслуживание номеров, так как я никак не могла заставить его согласиться, чтобы кто-то из его команды вошел в номер. Я смотрела в их мрачные лица, и Райли покачал головой.

— Если он выйдет на бой с такими темными дьявольскими глазами, одна маленькая его часть будет не согласна с тем, что говорит рефери, и его могут взять и исключить к чертовой матери.

Я нахмурилась.

— Не смей меня. Он знает правила. И он не машина тренироваться 24 часа 7 дней в неделю. Дай ему восстановиться. Он тренируется даже по воскресеньям, он близок к тому,

чтобы перетренироваться. Любому спортсмену нужен перерыв.

— Рем не любой спортсмен, если он не будет тренироваться, он потеряет ловкость, — говорит мне Пит.

Я закатываю глаза, сытая по горло уже этими недовольствами. — Что-то мешает ему поддерживать ловкость?

— Вообще-то да. Тишина и покой. Он ведь не превращается в последнее время в монаха, не так ли?

По правде говоря, я не понимаю что плохого в том, чтобы он взял тайм-аут. Некоторые из моих друзей-спортсменов чувствуют себя абсолютно подавленными и разбитыми после соревнования. Если подняться слишком высоко, придется падать, и нейротрансмиттеры Щиногда тоже работают по-дурацки. — Послушайте, ваше тело может выполнить только ту нагрузку, какую способно выдержать. И что, что он пропустил бой? Подумаешь! Его силы улучшатся за эти пару дней, и он надерет задницу в Денвере.

Они не отреагировали и просто изучающе главели на меня в тишине. И я знаю, что им было очень интересно, что же происходит между нами, с тех пор как Ремингтон стал относиться ко мне так по-собственнически: при нашем разговоре с Питом, и даже когда Райли предложил помочь мне с чемоданом несколько часов назад. Реми просто схватил его и спросил, неужели у него не было больше других дел, как стоять и смотреть на меня.

Да, они выглядели так, будто безумно хотели знать, что же происходит между Ремингтоном и мной. Но так как даже я не знаю этого, я думаю, нас всех это интересует.

Вздыхнув в тишине, я повернулась, чтобы пойти обратно, и когда я это сделала, пришло осознание того, что я застала его наблюдающим за мной.

В его взгляде есть что-то очень мужское, когда он наблюдает, как я возвращаюсь. Это мрачный, собственнический взгляд, и он вызывает небольшую пульсацию, проходящую по всем моим нервным окончаниям. В голове вспыхнули воспоминания четырех дней, которые мы провели в президентском люксе, в котором мы закрылись от всего мира. Я чувствую себя как в мультфильме Красавица и Чудовище, за исключением того, что я по своей воле заперлась с моим чудовищем, чтобы он мог целовать меня, не проявляя чувств, и он — красивое существо, которое мучает меня желанием его.

Я чуть ли не стону, вспоминая это. Руки Реми скользят вверх по моей шее. Его глаза наполовину закрыты, когда он смотрит на меня сверху вниз. Наше прерывистое дыхание. Его рот горячо, влажно и бесстыдно целует меня. Он целует только мой рот, шею и уши. Он облизывает и пробует на вкус, и заставляет вспыхнуть всем разновидностям чувств в моем теле.

Я помню стоны. Помню, как он протяжно смеялся в мои губы и то, как он становился очень серьезным и горячим, когда возвращался опробовать меня, и посасывал мою нижнюю губу, затем покусывал и посасывал кожу на моей шее. Я помню, как его тело прижималось к моему, и, как моя киска пульсировала, чувствуя близость его эрекции. Наши языки. Горячие и отчаянные, дразнящие и исследующие. Всё о чем я могу думать — это то, как я его хочу. Мне кажется, я умоляла его прошлой ночью:

— Пожалуйста..., — но чувство вожделения затуманило мою голову, и я даже не уверена в этом. Что я знаю наверняка, так это то, что он останавливался иногда, его дыхание ускорялось, и он принимал холодный душ.

Но он возвращался обратно, одетый в штаны на завязке или в облегающие сексуальные боксеры, и снова покрывал меня своим огромным телом, как защищающим щитом. Затем

склонял голову с черными волосами к моей, и продолжить мучить меня. Он трахал мое ухо языком, медленными, глубокими проникновениями. То же самое он делал с моим ртом. Он прижимал меня к себе и пробовал на вкус мою шею. Мои ключицы. Он разжигал все во мне, мои зубы стучали от того, как холодно ощущался воздух на моей коже. Возбуждение стекало по моим бедрам. Мои соски становились твердыми как бриллианты. Он выжал меня всю без остатка, довел меня до той точки, когда лишь прикосновение его губ заставляло меня стонать в глубине души, как будто в меня только что проникли.

Он со мной так медлителен, я чувствую себя тинейджером или девственницей, хотя таковой не являюсь. Но я чувствую, что я предназначена для него, и связана с ним, прямо как животные. Я чувствую, что я уже поймана в ловушку, и он лишь зажигает меня, оставляя меня медленно закипать в своих соках в нетерпеливом ожидании момента, когда же он, наконец, возьмет меня.

Я, правда, не могу этого выносить, и даже сейчас я мокрая.

Мы не говорили много, когда были «связаны» в его спальне. Я знаю, что он был в своей пещере в эти дни, и я понимаю его. Вчера, он даже не дал мне выйти, и держал меня прикованной к его постели, заставляя чувствовать меня беспомощной рабой в его поцелуях.

Когда нам нужно было останавливаться, иногда мы слушали музыку, включали телевизор, или кушали, но чаще всего мы целовались. Иногда я не слышала ничего кроме звуков его поцелуев, и нашего учащенного дыхания, разрывающие нас. В предпоследнюю ночь, когда он пришел забрать меня из моей комнаты, я была так возбуждена, что чуть не прыгнула в его объятия. К тому времени как мы опустились на его кровать, мои руки уже были в его волосах, мой язык отчаянно пробирался в его теплый, вкусный рот, и когда он ответил мне животным рычанием и безумным поцелуем, во время которого он лихорадочно посасывал мой язык, я чувствовала как каждое прикосновение к моему языку, заставляло мой чувствительный клитор пульсировать от удовольствия. Он набухал и пульсировал, пока мы целовались, и я схожу с ума, в то время как вспоминаю это. Сейчас даже его мельчайший взгляд возбуждает меня. Когда он смотрит на мои губы. Когда он убирает прядку волос за ухо. Я знаю, что мы просто посылаем к чертям наши надпочечники, оставляя все вот так. Удерживать в себе все это возбуждение просто причинит вред здоровью, но я не могу его остановить. На самом деле я хочу большего. Я хочу, чтобы он остановился, потому что мы страдаем, и я хочу, чтобы он начал делать большее, пока я замертво не упала в его руках, сгоревшая в пепел от желания.

Я хочу его. Каждый час, каждую минуту, каждую секунду.

Я хотела его еще тогда в первую ночь, когда пыталась промыть себе мозги и притвориться, что не хотела. И сейчас я хочу его так, как хочу дышать, есть, жить счастливой жизнью, как хочу снова увидеть свою сестру, быть удовлетворенной своей работой. Я хочу его так, как хочу прожить настоящим, не опасаясь того, что может случиться, или не случиться завтра.

Я даже не боюсь того, что он сделает мне больно. Я знаю, мне будет больно.

Когда я возвращусь домой, когда все это закончится, будет больно. Ничто не вечно и я знаю это лучше, чем кто-либо.

Но страх никогда не был моим другом.

Когда я решила принимать участие на дорожке, это не было из-за страха, что я проиграю, или из-за того, что я могла бы сломать колено и потратить десять лет своей жизни тренировок впустую. Ты продолжаешь заниматься после чего-то, потому что хочешь

этого и тратишь все свои усилия, чтобы заполучить это, и будут какие-то потери, пока ты будешь идти к достижению своей цели. Сейчас все усилия моего тела полностью сосредоточены на душераздирающей физической потребности в близости с этим мужчиной. Напряжение между нами так невыносимо, необходимость чувствовать его заключенным глубоко внутри меня, где сейчас всё болит, так невыносимо, что я просто даже не знаю что делать и мне нужно остановиться.

Даже сейчас я понимаю, что села к нему так близко, как могла, не считая того, что я могла бы сесть на него, прижимаясь своими бедрами к его. И вот он улыбается мне, я вижу ямочки у него на щеках, из-за чего подгибаю пальцы на ногах от радости, думаю, ему тоже нравится, когда я рядом с ним. Он снимает свои наушники и наклоняет ко мне голову, как бы молча прося меня сказать ему, что происходит.

— Они беспокоятся о тебе.

Он поворачивается, чтобы поймать мой взгляд.

— Обо мне или о моих деньгах?

Его спокойный вопрос звучит как что-то интимное, как слова, которые он шептал мне во время поцелуя в его комнате прошлой ночью, он шептал мне поцеловать его, называл прелестной и говорил, что я так хорошо пахну.

— О тебе и твоих деньгах, — говорю я ему.

Ямочки снова появились на его щеках, но только слегка, как будто два ангелочка просто сжали его худые щеки.

— Я собираюсь выиграть. Я всегда выигрываю.

Я улыбаюсь, и когда его взгляд опускается на мою улыбку, меня охватывает понимание того, что мои губы вспухли.

Мои губы, сегодня опухшие и красные, и болят благодаря его поцелуям. Его глаза темнеют еще сильнее, когда он исследует мои губы и дрожь пробегает по всему моему телу. Я пытаюсь заглушить эту дрожь и в то же время борюсь с тем, чтобы не посмотреть на его красивые губы, которые выглядят сегодня такими вкусными, мучительными, более розоватыми и опухшими от моих поцелуев.

— Хочешь побегать сегодня? Чтобы быть готовым к завтрашнему? — спросила я его, и мне потребовались все усилия, чтобы сосредоточиться на чем-нибудь, кроме бушующего огня внутри меня.

Он качает головой.

— Ты устал? — добавляю я.

Он кивает с грустным взглядом, его голос низкий, но не чувствующий свою вину.

— Я так чертовски устал, что едва ли могу вытащить себя из кровати.

Я понимающе киваю, потому что чувствую себя тоже немного уставшей от этого. Мне не хочется вставать. Особенно с таким огромным мускулистым мужчиной в одной кровати, когда я просто хочу снова и снова подвергать себя пыткам желания его.

Я откинулась на спинку кресла, наши плечи соприкасались, и я хотела свернуться калачиком, как я сделала это прошлой ночью, когда мы уже не могли больше целоваться и прикорнули на пару часиков. Мне кажется, он чувствует, что я тоже устала, и он немного пододвигается ко мне, чтобы я могла положить на него голову.

Он дает послушать мне песню.

Мне вообще лень выбирать одну из моих песен, поэтому я просто слушаю его. Начинает играть туманная, красивая песня «Come away with me» (прим. «Пойдем со мной») Норы

Джонс, эмоционально призывающая сделать так, как предполагает название песни.

Звучание было таким сексуальным и ужасно напоминало мне о ночах, проведенных вместе, наши крупицы счастья от поцелуев, от чего меня бросало в дрожь. Вдруг он склоняется ко мне, пытаюсь послушать песню в моих наушники, и когда я ощущаю его чистый мужской аромат рядом со мной, мои мышцы начинают болезненно сокращаться. Я сразу схватываю свой плеер и выбираю современную песню, которую крутили в последнее время по радио о сильном боксере, который очень круто дерется. Я хотела поставить ему «Iris». Я хотела поставить что-нибудь такое, что уговорило бы его заняться со мной любовью. Но его команда переживает, и я знаю, что бы мы ни делали ночью — это не способствует его хорошим спортивным результатам. Неважно насколько я жажду тех моментов, и того, к чему они ведут, но я не могу так вредить ему. Он слишком важен для меня.

Я смотрю на его профиль, пока он слушает песню. Сначала его выражение невозможно было прочитать. Но в итоге он поднимает голову, его взгляд томный и встревоженный:

— Ты включишь мне песню о бойце?

Я киваю.

Он сердито бросает в сторону мой айпод. После он поворачивается ко мне и обхватывает меня за бедра, затем сажает меня на свои колени, и сердце замирает. Чувствую, как сильно, как явно он хочет меня.

— Поставь мне еще одну, — требует он.

Первобытный взгляд заставляет меня содрогнуться.

Я качаю головой.

— Мы не можем продолжать так и дальше, Реми. Тебе нужно спать, — шепчу я.

— Поставь мне еще одну песню, Брук.

Это звучит так упрямо, что мне хочется нахмуриться, но, на самом деле меня это... так возбуждает. Он хочет слушать мои песни так же сильно, как и целовать меня, и я балдею от этого. Ну, хорошо. Если он этого хочет, тогда нам придется пройти все этапами и заняться любовью этой ночью, а не просто возбуждать друг-друга. Так что я нашла песню «Iris» и вручила ему плеер. Я выпрямилась и смотрела на его профиль, пока он слушал песню. Его лицо было снова нечитаемым, но когда на этот раз он поднял голову, его глаза были как взрывные заряды. Его супер-эрекция под моими коленями, и я чувствую ритмическую пульсацию его сердца там. В его твердой плоти.

— Я тоже так думаю, — говорит он.

— Ты про что?

Его глаза пробежались по всем пассажирам, перед тем, как схватить мои волосы и потянуть меня к себе, чтобы он мог облизать мои губы своим языком, начиная с одного уголка до другого.

— Про песню.

Я вздрогнула и отпрянула.

— Реми...у меня никогда не было интрижек раньше. Я просто не буду делить тебя. Ты не сможешь быть ни с кем, пока будешь со мной.

Он гладит пальцем по моей нижней губе и его взгляд становится глубоким.

— У нас не будет интрижки.

Я таращилась на него, не говоря ни слова, я уверена, что услышала, как что-то оборвалось в груди.

Его руки сжались вокруг меня, и он прижимал меня к себе, пока скользил носом по моей ушной раковине.

— Когда я возьму тебя, ты будешь моей, — говорит он, мягкое обещание мне в ухо. Он проводит пальцем по моему подбородку, затем нежно целует мочку моего уха. — Ты должна быть уверена. — Его взгляд такой горячий, что я вся пылаю от похоти, и слово «моя» заставляет мое пустующее место между ног набухать от жажды большего. — Я хочу, чтобы сначала ты узнала меня, а потом, я хочу, чтобы ты дала мне знать, хочешь ли ты до сих пор, чтобы я был с тобой.

Выражение «был с тобой» определенно произвело свой эффект. Я просто как большая масса трепещущей необходимости. — Но я уже знаю, что хочу тебя, — я протестую.

Он пробегает взглядом мои губы, потом мои глаза, я ошеломлена мрачностью страдающего от боли взгляда, который я вижу. Он гладит своей рукой по коже моей руки, заставляя маленькие волосики на них вставать на дыбы.

— Брук, мне необходимо, чтобы ты знала кто я такой. Что я из себя представляю.

— У тебя было миллион женщин без этой необходимости, — взмолилась я.

Его большие руки обхватили крепче мою задницу, когда он прижимал меня ближе к себе, его глаза наполнялись жадной, поглощая всю меня и заставляя утопать в их глубине.

— Это — необходимость касательно тебя.

Во мне вспыхивает дикая потребность в нем, когда я понимаю, о чем он говорит.

Он не будет со мной спать.

Даже тогда, когда это всё, о чем я могу думать. Всё, чего я хочу.

Сегодня, сейчас день, а я до сих пор живу в том моменте, когда мы лежали на кровати, вместе, когда его рот просто поедал меня.

Он хочет, чтобы я узнала его, и я хочу его узнать, но если я узнаю его и начну любить чуть больше чем уже люблю, то наша эмоциональная связь будет слишком сильной для того, чтобы вернуться в то состояние, в котором я была до встречи с ним.

Он очень силен, физически, но эмоционально он разрушает меня.

Я не могу это больше терпеть. Так же и он.

Чувствуя, как все сжимается в груди, я склоняюсь к его уху и шепчу:

— Мы не можем так продолжать и дальше, Реми. Не тогда, когда на кону звание чемпиона. Итак. Либо ты придешь за мной сегодня, и мы занимаемся любовью, либо ты оставляешь меня одну, и мы оба отдыхаем.

Я ожидаю, что эта угроза даст какой-то результат. Он мужчина. Я открыто предлагаю ему секс без обязательств, то, чего хочет мужчина. Я облегчаю ему ситуацию, просто принимая его «таким, какой он есть», не задавая лишних вопросов. Либо он будет разрабатывать мышцы со мной в постели и сможет потренироваться завтра, либо он хорошо выпится без меня. И меня бесит, что как мне кажется, он даже не подумал о том, чтобы выбрать вариант заняться любовью, на который, я честно признаю, молилась, чтобы он выбрал. Вместо этого, он изучал глазами мое лицо, и я заметила, что его глаза определенно не голубые сегодня.

— Ладно, — говорит он с такой улыбкой, что она чуть не доходит до его глаз. Он сажает меня на мое сидение, хватая свой айпод, выбирает себе музыку и не дает послушать мне другую какую-нибудь песню. И я предполагаю, что я сегодня не буду спать с ним.

Уау.

Мне кажется, я сама разбила свое собственное сердце.

Сейчас мы в Лос-Анджелесе, и погода здесь благословенна богами, мне просто хочется гулять весь день. Мы с Дианой снова соседи по комнате и нам очень нравится завтракать на нашем маленьком балкончике.

На самом деле, с тех пор как мы прилетели в холодный Денвер неделю назад, мы снова стали проводить вместе время с Дианой после моего идиотского ультиматума Реми займись-со-мной-любовью-или-умри. Не смотря на то, что я была огорчена тем. Что я не являюсь больше соседка Реми по комнате, Диана была так рада, когда мы добрались до нашего номера, что она подпрыгнула от радости и обняла меня: Ты должна почаще ночевать со мной, ок?

Оказывается, Ремингтон забронировал нам президентский люкс, как и себе и у каждой из нас была своя комната с общей гостиной и кухней. Я до сих пор не понимала, хотела ли я вдохнуть, или смеяться, или плакать, вот в таком нервном состоянии я нахожусь с тех пор, как я с ним.

Этим вечером, когда мы прилетели, я помню его тело в своих руках, его потную гладкую кожу под моими пальцами, и это было единственное, что я могла сделать, чтобы сохранить свой пульс под контролем пока массировала и растирала его мощный наклоненный затылок. Я подошла поближе, чтобы прошептать ему за ухом:

— Ты ведь расскажешь мне, почему я и Диана живем в люксе, Реми?

Он позволил мне повернуть его шею сначала в одну сторону, потом в другую, мои пальцы слегка касались его колючего подбородка с дневной щетиной, и он не отвечал.

— Ты не можешь так поступать, Реми, — добавила я.

Но он медленно повернул голову и прикоснулся к моим губам так, что каждая частичка моего тела вспомнила, как его губы покрывали мои.

— Останови меня. Слабо? — сказал он, затем схватил свое полотенце и ушел.

Я просто не понимаю его.

Я так скучаю по Мелани, мне не хватает человека, с которым можно поговорить.

Я хотела бы поговорить и с Норой тоже. Она всегда была моей маленькой сестрой, кому нравился какой-нибудь парень, либо она сходила с ума от него, либо влюблялась; и я уверена, что она должна знать, почему безумно сексуальный одинокий и здоровый мужчина, который явно отвечает ей физически, не пользуется возможностью заняться с ней сексом.

Если бы я не была так уверена в этом, я бы испытывала ряд комплексов.

Я даже начинаю думать, что мое тело больше не такое привлекательное, после того как я набрала небольшое количество за последние годы. Может мои волосы нуждаются в новой прическе, а не так как я хожу обычно с распущенными длинными волосами. Я могла бы носить челку. Или добавить несколько мелированных локонов?

— Хватит уже высматривать себя, ты выглядишь потрясающе в любом наряде, — говорит мне Диана этим утром, заметив, как я смотрела на свою задницу в зеркало в полный рост у входа в наш номер.

Я смеюсь, но это не смешно.

Реми снова забронировал для нас президентский люкс в Лос-Анджелесе.

Я хочу люкс. Но он не хочет мне давать то, чего я хочу.

Я никогда никому не позволяла так со мной обращаться.

Я привыкла чувствовать себя красивой и мне, было, неважно соглашался со мной человек или нет. Я любила себя такая, какая я есть и мне этого было достаточно. Сейчас в течение всего дня я чувствую себя немного грустной, когда Диана находит меня тупо

пляшущую на стену, размышляющую о том, что же обо мне думает Ремингтон.

Уже третья ночь в Лос-Анджелесе, и он до сих пор на втором месте по оценкам, но он боролся как чемпион. Он выкладывался по полной с тех пор, как в Денвере его глаза стали снова электрически голубыми.

Он тренируется как животное. Часами занимается с тренером, и после это он еще выглядит таким свеженьким, как солнышко, когда он приходит ко мне и просит меня побегать с ним по вечерам. Энергия в его мышцах взрывается как динамит с каждым его движением, и почти вижу его АТФ ресурсы — аденозинтрифосфат, отвечающий за транспортировку химической энергии по нашим клеткам — быстро перерабатываются в его теле, как будто даже нет необходимости в ожидании восьми секунд для обновления. Я никогда не видела его таким сосредоточенным. Таким сильным. Или таким великолепным.

Каждая частичка меня замечает это.

Каждая.

К моему отчаянию.

Пит и Райли в восторге.

— Брук! — зовет Пит, когда я захожу в подzemку вечером. Здесь в Лос-Анджелесе, ринг для боев расположен на цокольном этаже одного из самых посещаемых ночных клубов города, и они ожидают, что будет аншлаг, более тысячи людей. — Иди сюда, ты нам нужна. — Пит машет мне в сторону раздевалки.

Сексуальный Ремингтон Тэйт сидит на скамейке в дальнем конце комнаты, пока тренер оборачивает его правую руку лентой.

Я никогда не привыкну к тому чувству, которое я испытываю при виде его.

Так же и не привыкну к тому, что чувствую, когда он собирается биться.

Я на взводе и сильно напряжена.

У него надеты его наушники Dr.Dre, и я думаю, он делает это, чтобы сконцентрироваться на бое и выбросить из головы все остальное.

— Иди сюда, Брук, расслабь его.

Райли и тренер поприветствовали меня двумя кивками, и я заметила, как быстро Ремингтон поймал меня взглядом, он большими пальцами вытаскивает наушники из ушей и тянет их вниз, чтобы они свисали у него с шеи.

Взгляд, которым мы обмениваемся такой сосредоточенный, мы даже не улыбаемся друг другу. Моя ответная улыбка Райли и тренеру исчезает с моего лица как песня в стиле хэви-металл, которую Реми слушал до того как я вошла в комнату.

Я молча наклоняюсь, чтобы поставить на паузу его iPod, затем я подхожу к нему сзади и охватываю его плечи, методично водя пальцами по его мышцам.

Вчера я размяла парочку узлов на его задней дельтовидной и трапециевидной мышцах. Но они такие упрямые, что снова появились, мне еще раз приходится поработать над ними. Он стонет в момент, когда я прикасаюсь к нему голой кожей. Боже. Это низкое мурлыканье звучит как прелюдия для меня. Оно крадет все женские частички моего тела, особенно те, которые разрываются от жажды. Мои щеки начинают пылать, когда тренер, Пит и Райли смотрят на нас.

Я опускаю лицо так, что они не могут увидеть мой румянец, тем самым не поддаваясь искушению убрать руки назад. — Глубже, — грубая команда Ремингтона достигает меня и мое лоно беспомощно сжимается вместе с тем, как я глубже надавливаю. Я нащупываю большим пальцем узел и надавливаю вторым пальцем на него. Реми свешивает голову вперед

и делает глубокий вдох, и когда узел расщепляется под давлением, его стон вибрирует глубоко внутри меня.

— Удачи, — шепчу я ему на ухо, отходя назад. Мои пальцы покалывает от контакта с ним.

Пока он стоит, он смотрит на меня, без улыбки, от того, что он смотрит на меня охваченный возбуждением, мой разум испаряется, и все, что я вижу — это его голубые глаза, черные зрачки и длинные черные ресницы.

Он протягивает вперед руки, Райли надевает на них черные боксерские перчатки, необходимые на сегодняшний бой и затем ударяет их друг об друга. Человек у двери предупреждает, что скоро выход «Разрывного», и Реми кивает.

Он сует руки в рукава своего красного сатинового халата и пошел по широкому коридору, ведущему к рингу, и в моем животе просыпаются не только бабочки, а целая ферма животных. Глубоко вздохнув, я подождала некоторое время, чтобы восстановить свое дыхание, перед тем как вылетела из комнаты, чтобы занять свое место среди зрителей.

Шум оглушителен. Пит сказал мне сегодня утром, что фанаты Реми чертовски переживают, потому что он не лидирует в чемпионате, и вроде как был серьезный спрос на билеты. Так как определились 16 претендентов, это первая ночь, когда Ремингтон будет драться со Скорпионом вплоть до финала. Скорпион сейчас на первом месте и мои нервы на пределе.

— Эй, — говорит мне Пит, слегка подталкивая меня вперед, шагая за мной. — Встань-ка туда. Он будет искать тебя!

Каким-то образом мне удалось невозможное и улыбаясь я сделала угрюмый вид. — Он не будет!

Его брови поднялись в явном недоверии.

— Он отдает всего себя в бое, когда ты смотришь на него. Даже тренер согласен с этим. У него тестостерон зашкаливает как сумасшедший, когда он находится в контакте с тобой. Давай.

Ненавдя то чувство острого ощущения, которое бьет как молния по венам, я быстро направилась к рингу и к своему месту, когда уже объявляли Скорпиона.

— Бенни — Черный Скорпиооооон!

Это тот одиозный мужчина, который подначивал Ремингтона в клубе, и я ненавижу его с такой силой, что я впиваюсь взглядом в каждого, кто приветствует его. Я в двух шагах от своего места, и я в полной готовности сдержать свои трусики на месте — эта ночь будет зверской — когда я вижу знакомое лицо среди толпы сквозь ринг и крепкое сложение ног Реми.

Овальное лицо, бархатная кожа, и пара карих глаз. Глаза, похожие по цвету на мои. Глаза, которые в прошлом я знала, принадлежали Норе.

Моя 21-летняя сестра.

Нора.

Нора, которая совсем недавно прислала мне открытку из Австралии. Нора, чьи волосы были перекрашены в алый красный, вместо обычного светло-каштанового. Нора, у которой на левой скуле огромная, ужасная татушка скорпиона. Нора, которая выглядит потерянной и полной противоположностью той живой девчонки, которую я знала. Какой-то момент я стою в середине зала, глядя на нее и уверяя себя снова и снова, что это не может быть Нора.

Она выглядит ужасно.

Она выглядит очень, очень плохо.

Как будто из нее высосали всю жизнь и все, что от нее осталось — это крашенные красные волосы, кожа да кости.

Она замечает меня и мой желудок опускается к пальцам моих ног, когда я без тени сомнения понимаю, что это она. Осознание приходит к ней, и ее руки поднимаются ко рту, чтобы его прикрыть. — Нора, — задыхаюсь я и недолго думая пробираюсь к ней, толкая всех на своем пути, как колокол во время боя.

Толпа в зале вспыхивает возгласами и приветствием, и сердце бешено колотится в моей груди, когда Нора разворачивается и проталкивается сквозь скопление людей, прикладывая невероятные усилия, чтобы убежать от меня. Она смешивается с толпой, в темноте, и я обезумевшая кричу:

— Нора? Подожди. Нора!

Я не могу поверить, что она убегает от меня. От меня. Я не могу поверить, что все следы юности исчезли с ее однажды прекрасного лица.

Моя сестра.

С кем я делила спальню, пока не переехала.

Которая смотрела со мной каждую версию «Гордости и Предубеждения».

Вдруг большой, мускулистый мужчина, стоящий справа от нее хватает и одергивает меня, когда я пытаюсь пройти к ней.

— Деержись от нее подальше, — рычит он.

Парализованная от смеси удивления и страха, я забываю все мои ходы самообороны, кроме удара в пах. Я переносу свой вес на одну ногу, и поднимаю колено другой.

— Пусти меня.

Он сгибается пополам, но не отпускает меня. Вместо этого он судорожно сжимает руками мои.

— Ты, маленькая сука, ты оставишь собственность Скорпиона в покое! — шипит он, и я думаю, что влажные брызги, попадающие на мою щеку, были его слюни.

— Она не его собственность! — Отчаянно я борюсь изо всех сил, чтобы высвободиться и одновременно вытираю щеку об свою блузку.

Новая волна свиста и крика разрывается через весь зал, когда ринг-анонсер кричит в динамики:

— Победитель — Скорпион! Скоооооорпиоооон! Ремингтон Тейт дисквалифицирован в ходе этого раунда! Дис-ква-ли-фи-ци-ро-ван!

Такая шумиха, и внезапно что-то хватает и с легкостью высвобождает меня из тех рук. Тогда я оборачиваюсь назад и пара мускулистых, загорелых рук притягивает меня к родной огромной голой груди. Каждый сантиметр моего тела узнает его, и я с облегчением висну на нем.

Пока я не вспоминаю о Норе.

Задыхаясь, я начинаю вырваться с новой силой. — Нет. Нет! Реми, пусти меня, Мне нужно проследить за ней. — Тщетно пытаюсь вырваться, я стараюсь скрутиться в его захвате. — Пусти меня, Реми, пусти, пожалуйста.

Но по мере того, как нас окружает толпа, он прижимает меня крепче к себе и говорит:

— Не сейчас, маленькая петарда. — Его голос низкий и спокойный, но предупреждение заставляет меня немедленно перестать извиваться. Используя одну руку, он прячет меня за бок и пихает нас сквозь толпу, его огромное тело как бульдозер прокладывает дорогу.

Толпа людей, которая в первый раз в жизни кричит оскорбления мне в лицо.

Они пытаются схватить меня, пока мы проходим.

— Сука. Это ты виновата, ты — глупая сука!

Мои глаза расширяются от ужаса, когда я вижу убийственные лица фанатов Ремингтона. И я так поражена, что сворачиваюсь в его объятиях и позволяю сопровождать меня без единой жалобы. Пит, Райли и Тренер ждут нас в машине.

— Вот дерьмо! — начинает Тренер, как только дверь лимузина захлопывается за нами, и мы трогаемся с места, — ты опустился на третье. Третье. Возможно четвертый, — мрачно сообщает ему Пит. Протягивая футболку и тренировочные штаны, которые он обычно носит после боя.

— Ты опустился вниз, Рем. Ты так чертовски хорошо тренировался, ты должен был насадить его задницу на палку, чувак.

— Тренер, успокойся, я это сделаю. — Ремингтон быстро надевает на себя свою повседневную одежду, не снимая боксерские шорты, затем он сразу же прижимает меня к себе, как будто думая, что я соберусь выпрыгнуть из автомобиля.

Он поглаживает мою расцарапанную руку, спокойно уставившись на трех разгневанных мужчин, сидящих перед нами. Я настолько взволнована, что вырываюсь и прижимаюсь к окну, выискивая Нору среди покидающих клуб людей.

Вдобавок к разочарованию от того, что испортила Реми бой, я чувствую ужасную вину перед сестрой. Как я могла не заметить, что она в беде? Как я могла целый год верить всей той чепухе, что она рассказывала, даже не смотря на открытки?

— У тебя худшее место в рейтинге за все время, чувак! Да и концентрация ни к черту не годится!

— Черт, Пит, я же сказал, что все под контролем. Я справлюсь.

— Думаю, в следующий раз Брук лучше остаться в отеле, — проворчал Райли.

В ответ Ремингтон самодовольно хмыкнул.

— Брук пойдет со мной.

— Рем... — Пит попытался его урезонить.

Добравшись до отеля, мы вошли в лифт, который поднимался медленнее обычного. Не представляю, что делать с Норой, но я обязана предпринять хоть что-то. Дверь лифта открывается на моем этаже, и я слышу, как позади меня Пит обращается к Ремингтону, но он раздраженно его прерывает:

— Пит, мы поговорим об этом позже, уймись, все вы.

— Ну-ка вернись, Рем, нам надо поговорить!

— Поговори со стеной!

Пытаясь поскорее убраться оттуда, я врываюсь в свой номер, но слышу, что Ремингтон входит следом.

— Ты в порядке?

Он захлопнул дверь и стал передо мной, такой сексуальный, небрежно одетый после боя, в низко сидящих спортивных штанах и мягкой футболке, обтягивающей мускулы, с красивым загорелым лицом, полным беспокойства, и спутанными колючими темными волосами. Сердце гулко забилося и мне захотелось подбежать к нему, чтобы ощутить силу этих рук на себе.

Мне отчаянно хотелось, чтобы он обнял меня, пока мысли разбегались в разные стороны после всего случившегося. Но я знаю, что не заслуживаю этих объятий. Очевидно,

что он подставился из-за меня, будто мало мне было чувствовать себя крайне неудовлетворенной и недостойной его, теперь мне придется жить, зная, что это моя вина, что он теперь на третьем или вообще четвертом месте. Боже.

Ремингтон выглядит таким сильным и мощным, стоит передо мной потный, на накаченных руках вздулись вены от пульсирующей крови, а мне так хочется, чтобы он сказал, что с моей сестрой все будет в порядке. Но он даже не знает мою сестру, а после дисквалификации с боя, он последний человек, которого мне стоит просить о помощи.

Тяжело вздохнув, я махнула головой, указывая на дверь за его спиной.

— Иди, поговори с ними, Реми.

Я заметила, что его голос звучит выразительнее, когда он обращается ко мне, но в этот раз он еще более глубокий и грубый.

— Сначала я хочу поговорить с тобой.

Он остается, но ни один из нас не произносит ни слова. Я усердно пытаюсь сформулировать извинения за то, что испортила ему бой, но в то же время мне не хочется признавать свою вину, ведь я не просила его прибегать за мной!

Он обеспокоено отходит от двери, проводит пятерней по волосам и со вздохом опускает руки.

— Брук, я не могу драться и приглядывать за тобой.

— Реми, у меня все было схвачено, — настаиваю я.

— Черта с два, у тебя все было схвачено!

Его тон застает меня врасплох, а взгляд падает на его сжатые в кулаки руки, вытянутые вдоль тела и боевую стойку. Аура гнева полыхает над ним, что лишь удваивает мой гнев, заставляя яростно защищаться.

— Почему все смотрят, будто это моя вина? Ты должен был драться со Скорпионом!

Он нахмурил брови.

— А ты должна была сидеть на своем чертовом месте в первом ряду слева от меня!

— Да какая разница? Ты годами дрался без моего участия! Какая вообще разница, где я нахожусь?

Неожиданно речь пошла вовсе не о Норе, и хотя я понятия не имею, куда нас это заведет, я уже не могу остановиться, это словно кровоточащая рана в моей груди.

— Мы даже не спим с тобой, Ремингтон! Я твой работник. А меньше, чем через два месяца я перестану быть даже работником, я стану для тебя никем. Никем.

Отчужденный и обиженный, он сжимает кулаки, пока костяшки не становятся белыми.

— Кто та девчонка, за которой ты погналась? — требовательно спрашивает он, выглядя огорченно.

— Моя сестра. — Мой голос падает до шепота, собственная слабость и эта эмоциональная вспышка вызывают у меня отвращение.

— Что твоя сестра делает с тупицами Скорпиона?

— Может она задается тем же вопросом, насчет меня, — отвечаю я с горькой усмешкой.

Он тоже смеется, но еще более печальным смехом.

— Не сравнивай меня с ублюдком вроде него. Может я и облажался в свое время, но он сжирает девственниц, переваривает и выплевывает как отбросы.

Сказанное им еще сильнее выбивает меня из колеи, я начинаю расхаживать по комнате, вспоминая лицо сестры, такое печальное и безжизненное. Желудок сводит при мысли о том, что она может делать с таким больным уродом.

— О, боже. Она выглядела ужасно. Ужасно.

Повисает тишина, а потом я слышу щелчок открываемого замка. Голос Реми звучит иначе, низкий и взволнованный, будто он под действием сильных эмоций.

— Ты не ничто. Для меня.

Дверь за ним захлопывается, меня накрывает резкая боль, когда я осознаю, что он сказал. Я в панике, хочется умолять его вернуться и обнять меня. Нет. Я хочу умолять его вернуться и заняться со мной любовью.

Но я этого не делаю, просто смотрю на место, где он только что стоял, в этой гостиной роскошного люкса, который он снял для двух женщин из своей команды. Я так потрясена, требуется время, прежде чем до меня доходят его слова, их значение, и догадка, что сейчас он возможно пошел искать человека, у которого моя сестра, вместо того, чтобы пойти и поговорить с Питом и Райли.

Подстегиваемая к действиям этой мыслью, я вылетаю из своей комнаты и мчусь к их номеру.

— Где он? — спрашиваю я первого, кто появляется в дверях.

— Мы как раз собирались идти спрашивать у тебя об этом, — отвечает мрачный Райли.

— Он собирается ввязаться в драку? — тревога охватывает меня.

— Seriously, Брук, лично мы считаем, что ты отличная девушка, но ты завела парня сильнее чем...

— Не сейчас, Райли! Мне кажется, что Ремингтон мог уйти на поиски Скорпиона. Где мне его искать?

— Сукин сын. Нам с трудом удалось избежать этого в прошлый раз, так он решил опять попытаться. Вот черт!

Нет времени ждать, пока они придумают план. Вместо этого я бегу к лифту, бегу за ним, понимая, как глупо вообще было втягивать Реми в эти дела, касающиеся моей сестры.

Очевидно, что Скорпион и Ремингтон уже давно имеют зуб друг на друга, последнее, что я должна была делать — это давать Реми повод устроить драку вне ринга. Мне придется самой искать способ спасти Нору от этого паразита.

Снаружи отель окружен громадной толпой народу, включая фотографов. Вспышки фотоаппаратов ослепляют, когда я выхожу через вращающиеся стеклянные двери.

«Это она! Это ее вина, что его дисквалифицировали сегодня!»

Я вижу, как что-то летит в меня, и наклоняюсь, но слишком поздно. Что-то ударяет меня в голову, а следом что-то разбивается, ударяя мне в живот. Я чувствую запах серы. Яйца? Ну отлично.

Просто прекрасно.

Уклоняясь от еще одного яйца, летящего в моем направлении, я прикрываю голову, поворачиваясь спиной к толпе, пока бегу к швейцару.

— Крепыш, с которым я только что пришла! Куда он направился?

Швейцар, молоденький мальчик, с широко распахнутыми глазами смотрит мне за спину.

— Он в десяти шагах прямо позади вас.

Еще одно яйцо разбивается о мое плечо, когда я резко разворачиваюсь. Реми выглядит как ангел мщения, направляясь ко мне. Его глаза пылают от злости, и я понимаю, что его фанаты обзывают меня сучкой и шлюхой. Реми заслоняет меня от еще одного яйца, я слышу, как оно разбивается об его спину.

Он хватает меня и поднимает, будто я ничего не вешу, после чего оборачивается и громко, зло и властно заявляет:

— Только из-за этой женщины я все еще дерусь!

Тишина обрушивается на толпу, а разъяренный Ремингтон продолжает говорить, обращаясь к ним:

— В следующий раз на ринге я одержу чертову победу ради нее, и я хочу, чтобы все вы, кто сегодня обидел ее, принесли по красной розе и сказали, что это от меня!

Тишина тут же прекращается.

Толпа взрывается криками. Овациями. Мне кажется, что больше всего шума производит мое сердце — словно окрыленное оно бьется в груди о ребра в полной растерянности и неверии в то, что Реми только что сказал.

Он несет меня обратно в отель, через весь холл, его огромные плечи и руки обхватывают меня, оберегая. Весь этот вечер был полон потрясений и внезапно я начинаю смеяться. Это нервный смех, но я не могу остановиться, пока Реми продолжает нажимать на кнопку лифта.

— А говорят, что фанаты Джастина Бибера ненормальные, — я хватаю ртом воздух, отходя от шока.

— Я приношу извинения от их имени. Сегодня они меня огорчили. — Отвечает он хриплым голосом, смахивая с меня скорлупки.

Мой смех затихает, когда я ощущаю его тяжелое, яростное дыхание на своей макушке. Оно такое теплое, пахнет им и заводит меня. Как и все в нем.

Заставляя себя не дрожать в его объятиях, я обхватываю руками его гладкую широкую шею, благодарная парочке, считающей, что мы перевозбужденные пьяные тинейджеры, оставляющей нас одних в лифте. Я просто еще не хочу, чтобы он меня отпускал. Я эгоистка и нуждаюсь в этом. Хотя решающим фактором скорее стал убийственный взгляд Реми, который смотрел на них так, будто это они только что кидали в нас яйца, пока одной рукой придерживал дверь, а другой — меня и спрашивал у них: «Ну, так вы заходите?»

Естественно они тут же отступили на шаг, сказав «Нет».

И вот мы едем одни, а я не могу перестать прижиматься носом к его шее.

— Спасибо тебе.

Он прижимает меня к себе еще сильнее, я чувствую себя в безопасности, мне хочется, чтобы теперь это был мой дом. Мне кажется, если бы я знала этого мужчину, когда повредила колено, если бы он тогда также прижимал меня, то колено бы вообще не имело никакого значения. Были бы важны только его руки, обнимающие меня.

Пит и Райли все еще были в пентхаусе, когда Реми вставил ключ, открыл дверь и занес меня внутрь.

— Какого черта происходит, Рем? — требовательно спросил Пит.

— Просто убирайтесь отсюда, парни. — Рем придержал для них дверь открытой, все еще удерживая меня наверху. — Я делаю, что захочу, вы поняли? — резко ответил он.

Оба мужчины уставились в этот момент на меня, оба выглядели так же ошарашено, как я себя чувствовала.

— Мы поняли, Рем, — коротко ответил Райли, выходя следом за Питом.

— Тогда не смейте забывать об этом.

Он захлопывает дверь и закрывает ее на задвижку, чтобы никто, даже имея ключ, не мог войти, и относит меня в ванную главной спальни. Я все еще не готова его отпустить, сильнее

сцепляя пальцы на его шею. Он понял это и, продолжая удерживать меня, другой рукой включил душ.

Вода льется, он сбрасывает свои туфли, снимает мои и со мной на руках заходит под струи воды.

— Давай смоем с тебя это дерьмо.

Он проводит своими большими руками по моим волосам, я сползаю по нему, опускаясь на ноги. Вода так приятно омывает мою кожу, а когда он стаскивает с меня платье через голову, я чувствую, как его мыльные руки растирают меня всюду, даже через белье. Я кусаю губу и стараюсь не думать о его прикосновениях, но они просачиваются в мое сознание. Я только о них могу думать, только их чувствовать.

Я больше не переживаю, что Пит и Райли ненавидят меня за срыв боя. Что его фанаты меня терпеть не могут. Что моя сестра не желает меня видеть. Что я скучаю за Мэл. Что я больше не могу соревноваться. Что скоро я вылечу с работы.

Все дело в это мужчине. Мое тело совершенно неподвижно, я затаила дыхание, ожидая, что он сделает. Куда дальше направятся его руки. Какая часть моего тела ощутит его мокрые пальцы на горячей коже.

Он планомерно касается меня, и хотя я уже не могу дышать от его прикосновений, он кажется невозмутимым. Он поднимает вверх мои руки и проводит мылом у меня в подмышках, между ног, на шее, после чего скидывает свою мокрую футболку и быстро намыливается сам. Его мощные плечи напрягаются, а вид его сосков возбуждает меня.

— Не верится, что твои фаны назвали меня шлюхой, — говорю я, лишь бы не думать о том, что мы почти голые в душе. Он стоит лишь в одних спортивных штанах, каждый мускул его голого мокрого торса поблескивает.

Он быстро намыливает голову.

— Ничего, ты справишься.

— Думаешь, я должна?

— Ага.

Он подходит, чтобы помыть мне голову новым шампунем и все его внимание, такое желанное, сосредоточено исключительно на мне и моих волосах.

— Они ненавидят меня, — говорю я, поднимая к нему голову. — Я не смогу прийти на твой бой без страха подвергнуться линчеванию.

Он хватает душ и направляет струю прямо на меня. Я закрываю глаза, позволяя мыльным пузырькам стекать по лицу, а когда я открываю глаза, он смотрит прямо на меня. Ручейки воды стекают по его квадратной челюсти, цепляясь за ресницы, пока он убирает мокрую прядь волос с моего лба. Я начинаю переживать за скорость своего пульса.

Его глаза чистого голубого цвета и пока он смотрит на меня, они кажутся в тысячу раз ярче обычного. Мы оба мокрые, он обхватывает ладонями мое лицо, всматриваясь. Он тяжело дышит. Его взгляд скользит по моему носу, ко рту. Он проводит по моим губам своим большим, грубым, мозолистым пальцем. Я чувствую это поглаживание каждой клеткой тела.

— Этого никогда не случится, — говорит он странным, сексуальным шепотом.

Слабость пронесется вверх по моему телу, охватывая каждый грамм моего тела. Я никогда не желала ничьего взгляда, как желаю его. Не нуждалась в чем-либо прикосновении, как нуждаюсь в его. Или хотела чего-то так яростно и болезненно, как я хочу его.

У меня сводит горло, пока я говорю.

— Реми, тебе не стоило... говорить так обо мне. Они подумают, что ты и я... что ты и я... — Я качаю головой, опасаясь того, как мои дрожащие под водой пальцы жаждут коснуться его колючих волос.

— Что ты моя?

Слово «моя» на его губах и этот интенсивный взгляд голубых глаз заставляют мой желудок сжиматься от болезненного безответного желания. Я смеюсь.

— Что смешного?

Реми распахивает стеклянную дверь, оборачивает полотенце вокруг бедер и с легкостью скидывает мокрые штаны на пол, футболка летит следом. Он возвращается, оборачивает меня в большое полотенце и несет в постель. Он укладывает меня прямо на центр постели и, хоть он и хмурится, в голосе слышен смех.

— Мысль о том, чтобы быть моей веселит тебя?

Он забирается под мое полотенце и стаскивает с меня трусики, потом лифчик, потом вытирает полотенцем мои волосы и тело, его голубые глаза больше не светятся.

— Так ты считаешь, что быть моей — смешно?

Он накрывает обе мои груди полотенцем и вытирает, смотря на меня.

— Это смешно, Брук? — настаивает он, не отводя от меня взгляд.

— Нет! — У меня выходит шепот, потому что желание буквально простреливает по нервным окончаниям. Я приподнимаю бедра, когда он начинает водить полотенцем у меня между ног, завожусь на всю катушку и ничего не могу с этим поделать.

Он проводит полотенцем по всей длине моих ног, я облизываю губа, когда он отводит взгляд и наклоняет голову, мои кости становятся похожи на желе от чистой полыхающей страсти. Кажется, будто его особенно заботит протирание моего травмированного колена. Он почти что с любовью касается полотенцем моего шрама. Жгучее желание следует за движениями полотенца, пока я беспомощно наблюдаю за ним.

Капелька воды падает с кончика его коричневого соска, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы бороться с неудержимым, душераздирающим желанием наклониться и обхватить губами. Не каплю воды. Его сосок.

Мое сердце колотится, когда я дотягиваюсь дрожащими руками до его макушки.

— Ты когда-нибудь принадлежал кому-то? — спрашиваю я шепотом в тишине спальни.

Он поднимает ко мне голову, и я хочу его так сильно, это поглощает меня, будто он уже овладел моей душой, и теперь она до боли жаждет, чтобы он овладел моим телом.

От сильных эмоций его лицо ужесточается, становится серьезным, он протягивает руку и гладит меня по щеке своей большой ладонью. В его глазах загорается неожиданная ярость.

— Нет. А ты?

Мозоли на его ладони царапают мою кожу, но я только сильнее прижимаюсь к нему щекой.

— Я никогда этого не хотела.

— Я тоже.

Момент такой интимный. Напряженный от всего невысказанного. Наэлектризованный чем-то, что скачет между нами. От него ко мне. От меня к нему.

Он проводит большим пальцем вдоль моей челюсти, будто пытаюсь запомнить черты моего лица.

Дрожь проносится по моему телу от его прикосновения, а он продолжает поглаживать

мою щеку, не отводя от меня этих захватывающих, душераздирающих, прекрасных голубых глаз, словно зачарованный. Его голос нежно ласкает мою кожу.

— Пока в Сиэтле не увидел эту милую девушку с огромными золотыми глазами и розовыми пухлыми губами... я мне стало интересно, сможет ли она меня понять...

Я резко вздыхаю от его неожиданных слов, и когда он наклоняется ближе, взглядом спрашивая разрешения, я на грани сенсорной перегрузки, от исходящего от него аромата мыла и шампуня, проникающего в мои ноздри.

Мне до боли хочется ощутить его прикосновения, но вместо этого он тянется ко мне, расправляя полотенце, нежно укрывая меня им. Его голос грубый от переполняемых эмоций.

— Брук, я так многое хотел тебе сказать, но не могу подобрать слова.

Он упирается своим лбом в мой и делает глубокий вдох. Медленно, все еще вдыхая мой запах, он легонько проводит по моей коже носом.

— Ты меня крепко связала.

Он прижимается своим ртом к моему. Легонько. После этого он уходит, тяжело дыша, смотря на меня из-под низко опущенных век.

— Я хотел включить тебе тысячи разных песен, чтобы ты поняла, что... я чувствую.

Жажда проносить по моим венам, моим нервам и каждой кости, пока он проводит пальцем по моей челюсти к уху. Дрожь охватывает мое тело, когда он касается указательным пальцем моей верхней губы. Он так же гладит и нижнюю, от чего я начинаю постанывать. Я чувствую боль в напрягшихся сосках, между ног, в сердце.

Он удерживает мое лицо в своих ладонях и наклоняет голову, нежно прижимая мои губы к своим, сильно втягивая мой язык в свой рот.

Я судорожно вздыхаю и впиваюсь ему в плечи ногтями, прижимая к себе.

— Почему ты не возьмешь меня, Ремингтон?

Он стонет и притягивает меня ближе.

— Потому что я слишком сильно тебя хочу.

Его язык с силой обрушивается на мой, мои нервные окончания разгораются от острых ощущений, когда он ложится на меня, его кожа влажная и горячая, полотенце спадает мне на талию и мою грудь сплющивает его диафрагма.

Я хватаю ртом воздух, задыхаясь, когда он притягивает меня ближе, продолжая атаковать меня своими нежными губами.

— Но я так сильно хочу тебя, и я пью таблетки, — я уговариваю и молю. — Я знаю, что ты чист. Тебя проверяют все время и я...

Я содрогаюсь, ощущая его грудные мышцы напротив своих чувствительных сосков, твердых и напряженных. Я инстинктивно поднимаю бедра, я всего лишь женщина. В поисках своего мужчины. Его твердости. Его прикосновения. Я не могу дышать, не могу думать, я хочу его хочу его хочу его.

Я понимаю, что хочу не оргазма. Я хочу, нуждаюсь в большем. В соединении. Пьянящей связи с этим человеком, мужчиной, который притягивает меня как никто другой. Я тоскую за его прикосновениями, его поцелуями. Мне не важно, если он дает мне лишь крупицу из возможного. Я изголодалась, мое тело никогда не было так голодно.

— Я хочу, чтобы ты вернулась в мою постель. Я хочу целовать тебя, держать тебя, — стонет он.

— Я больше так не могу, прошу, займись со мной любовью... — Умоляю я.

Прижимаясь к нему, пока он захватывает мой рот, я двигаюсь, пока его нога не

оказывается прижатой к моим бедрам.

Он покусывает мои губы, зажимает в кулак мои волосы. В отчаянии я провожу ногтями вниз по его рукам, продолжая тереться лобком о его твердое бедро. Ощущения захлестывают. Я всхлипываю, ощущая напряжение в его плечах, гладкую кожу его груди, пока он поглощает меня и, с первым же прикосновением моего клитора к твердокаменной мышце его бедра, я взрываюсь.

Безудержно дрожа, я чувствую, как он напрягся, удивленный моими поразительно мощными судорогами. Он быстро заводит руки мне за спину, сильнее прижимая меня к себе, поднимает ногу выше между моих бедер, сильнее потирая своей мышцей мой клитор. Его ненасытные рот захватывает все мои стоны.

Когда я успокаиваюсь, он откидывает назад мои волосы, наблюдая за мной. Его голос. Мягкий от нежности.

— Было ли это хоть вполовину так хорошо, как выглядело?

Он нежно проводит пальцами по моей щеке, а в моих легких все еще не достаточно воздуха, чтобы на него наорать.

Я ненавижу. Его.

Я чувствую будто отдала ему все, не получив ничего взамен, не смотря на то, что это я только что получила разрядку. Злобно удерживая полотенце я осмотрела вокруг, стараясь смотреть на что угодно, кроме его ненавистного прекрасного сексуального лица.

— Уверяю тебя, этого больше не случится, — шепчу я в полнейшей растерянности от смущения и стыда.

Он целует меня в ухо, говоря хриплым голосом.

— Я проконтролирую, чтобы это случилось.

— Не рассчитывай на это. Если бы я хотела самостоятельно достичь оргазма, то позаботилась бы об этом, не устраивая ни для кого шоу.

С полотенцем, прижатым к груди, я села и спросила:

— Могу я одолжить у тебя проклятую футболку?

Медленно его губы растянулись в дерзкой улыбке, которая заставила меня заподозрить, что ему понравилась идея, что я надена какую-то из его мужских тряпок. Он направился к шкафу, пока я ждала его, чувствуя себя распутной и похотливой.

Его прекрасное тело все еще влажное, и я не могу перестать любоваться полотенцем, обхватывающим его узкие бедра. Его дело идеально. Его задница отрицает существование гравитации, она идеально упруга, круглая и мускулистая. Каждый раз, когда я вижу ее, не зависимо от одежды, я пускаю слюни ведрами.

Я хочу увидеть его голым и прикоснуться к нему. И вот опять я в бешенстве, что не смогу уснуть от мучительного желания почувствовать его внутри себя. Могу ли я остаться здесь на ночь? Желая то, что он не готов мне дать?

Нет, я не собираюсь спать с ним сегодня, целуюсь, как тинейджеры, пробираясь к первой базе, и второй, и третьей, без возможности получить все...

Нет.

Черта с два.

Я хочу, чтобы он занялся со мной любовью. Мне необходимо. Чтобы он сделал это. К черту его. Я ненавижу, что он может себя контролировать и удерживать, в то время как я полностью отдаю себя ему.

Он протягивает мне черную футболку, которую он надевал в наш первый полет в

Атланту.

— Подойдет? — спрашивает он, смотря на меня своими голубыми всезнающими глазами.

Я набрасываю ее, чувствуя кожей, ткань и как прикосновения запускают новую волну дрожи по моему телу. Он остается стоять в изножье кровати, изучая меня. Эти близкие глаза, глаза, которые видели меня обнаженной, которые заставляют мое влагалище сжиматься в спазмах.

— Пошли со мной, съедим что-нибудь, — говорит он, и я иду следом за ним в гостиную, ни на йоту не расслабившись, не смотря на потрясающий оргазм, который он мне подарил.

— Посмотрим, что Диана тебе оставила, — говорю я ему, пока мы изучаем содержимое духовки на кухне президентского люкса. Он достает тарелки, а я не могу сдержать улыбку.

— Яйца. Должно быть сегодня на них скидка.

Он улыбается, демонстрируя ямочки на щеках, такой мальчишеской и сексуальной улыбкой, задержав взгляд на моих губах. Не думаю даже, что он осознает, каким жаждущим взглядом он на меня смотрит. В тишине он достает две вилки из ящика и подходит ко мне.

— Подходи, поделюсь.

— О, нет. Для меня достаточно яиц на сегодня. Наслаждайся.

Он убирает вилки, идет за мной к двери и хватает за запястье, чтобы остановить.

— Останься.

От резкого тона его просьбы, жар пронесся по моему телу, но напряженность этих голубых глаз почти заставила меня капитулировать.

— Я останусь, — говорю я спокойным, но уверенным тоном, — как только ты займешься со мной любовью.

Мы молча смотрим, друг на друга, потом он вздыхает и придерживает для меня дверь, но при этом становится так, что я могу пройти, только вплотную возле него. Прикосновение обжигает меня. Он провожает меня глазами до моей комнаты. Они тоже обжигают меня.

Ночью я лежу без сна в другой спальне, другого люкса, с Дианой за стенкой, и я все еще возбуждена. Дверь спальни я оставила открытой и прислушиваюсь к каждому шороху, на случай если у Реми есть дополнительный ключ от этого номер и он придет, чтобы забрать меня.

Его футболка огромная и смотрится отлично на мне, а еще она пахнет им. Такая мягкая к коже, и вот я — дрожу от жажды, желая, чтобы он сломался и пришел за мной, сказал, что готов. Ведь я о-о-очень готова. Просто приди и займись со мной любовью, молю я беспомощно.

Уже 2 часа ночи, его все еще нет, а я все еще не сплю.

Не понимаю, как мужчина, который на самом деле желает женщину, может так сдерживаться. Реми самый дисциплинированный и сильный мужчина из всех, кого я знаю, но я смотрю на дверь, вспоминая его прикосновения, то, как я кончила, и не думаю, что он был бы в состоянии сдержаться, если бы хотел меня так же сильно, как я — его. Я никогда так не хотела секса. У меня между ногами все сжимается, когда я вспоминаю его неудержимый язык и то, как он смотрел на меня. Я не только не уняла свой голод, он стал невыносимым, усилился втрое, доводя меня до бешенства. Он разжег во мне не угасающее желание, и я не только не удовлетворена, я чувствую себя опустошенной и вымотанной. Вся моя сущность этой ночью сосредоточена на наблюдении за дверью.

Чувствует ли он ко мне что-то хоть отдаленно такое же сильное, как я?

Маленькая злая часть меня, девочка, травмировавшая переднюю крестообразную связку, так и не достигшая своей мечты, девочка, которая не верит, что в моей жизни может быть что-то прекрасное, заставляющая меня сомневаться, хочет ли он меня вообще.

Или он просто хочет поиграть со мной.

И тут я подумала, что если те же чувства втянули в неприятности мою сестру Нору.

Глава 8

Остин

В Остине мы останавливаемся в доме с шестью спальнями и с амбаром, и в этом невероятным образом построенном старомодном красном амбаре тренируется Ремингтон. Целый день он толкает тракторные шины. Бегаёт вверх по лестнице с мешками цемента на плечах. Он взобрался наверх, перекинул веревки через стропила, качнулся от них и затем побежал со мной вокруг имущества. Он тренируется как зверь, угрюмый, как бешеная горилла. Хотя, кажется, угрюм он особо с остальными членами команды, и только я, похоже, являюсь той, кто его успокаивает, так что Райли и Тренер просят меня пойти заняться его растяжкой, когда он начинает быть чем-то недоволен, как например «в этих чертовых перчатках невозможно бороться».

Эти частые растяжки для меня были настоящей пыткой. Скользить своими руками по его потной груди. В Остине в июле жарко, и он снимает свою рубашку, и этот контакт кожа-к-коже выбивает с колеи каждую клетку моего тела, возвращая мне все ощущения от нахождения с ним голый в одной постели.

Каждую ночь после инцидента с яйцами неделю назад, я лежала в кровати, уставившись в свою дверь. Я знаю, что мне нужно касаться себя, просто чтобы найти какое-то облегчение, но то, чего я хочу от него так далеко за пределами секса сейчас, я даже не хочу называть это. Хотя, я прекрасно знаю, что это такое.

Во время нашего полета сюда мы обменивались музыкой, и я заметила, что я всегда, затаив дыхание, жду, чтобы услышать, какую песню он выберет для меня. Я пыталась сохранить свой выбор на неромантических песнях для него, и на самом деле испытала возбуждение, когда он хмурился на всех тех песнях о сильных девушках, которые я ему включала.

Он, наоборот, выбрал для меня самую романтическую песню, которую я когда-либо слышала в мои подростковые годы, которая была известна в конце фильма о любви, где парень играет песню любимой девушки на его магнитофоне. Фильм называется «Скажи что-нибудь», но название песни «In Your Eyes» Питера Дэбриэля.

Я серьезно хотела раствориться в коже дивана самолета, когда заиграла эта песня для меня... и его мрачные голубые глаза, пристально наблюдающие за мной, когда я впитывала слова о поиске света в ее глазах...

Черт.

Бы.

Его побрал.

Он не прикасался ко мне с той ночи, когда мы были в душе вместе. Но то, что он мне говорил... то, как он меня целовал... я так сильно его хочу, иногда мне просто хочется ударить его по голове и затащить его в свою женскую пещеру, где ничье мнение, кроме моего, не будет иметь никакого значения. И я скажу, что мы будем делать это всю ночь напролет, и дело с концом.

Сегодня в доме я беру из своего чемодана эластичные бинты, которые я могла бы использовать, работая над его растяжкой в конце дня после его тренировки. Это всего лишь тактика, чтобы мне не приходилось больше прикасаться к его коже своей и жалеть себя еще одну бессонную ночь из-за возбуждения. Я прохожу через парадную дверь с бинтом,

свисающем у меня между пальцами, и замечаю там Пита, придерживающего дверь почти закрытой, и говоря при этом с кем-то по другую сторону.

Когда я прохожу, то краем глаза вижу седовласого мужчину и женщину, и вдруг они меня зовут.

— Молодая девушка! Пожалуйста, вы не позволите нам поговорить с ним?

Женский голос меня останавливает, поскольку я являюсь единственной молодой девушкой в этом доме, если только здесь нет трансвеститов, но я не думаю, что Тренер этим занимается.

Когда я делаю шаг вперед, высокая, стройная, на вид хрупкая женщина с бледным лицом и глазами цвета темного шоколада бросается сказать мне:

— Мы не знали, что делать. Он чувствовал себя покинутым, но он был слишком сильным и никто не мог его контролировать, а тем более я.

Мой мозг обрабатывает ее слова, и в это время я смотрю на них, стоя позади Пита.

— Опять же, мне очень жаль, — официальным тоном отвечает Пит. — Но даже, если бы он и не был занят, я не смогу его заставить увидеться с вами. Но, пожалуйста, будьте уверены, я свяжусь с вами, если что-то поменяется.

Он захлопывает дверь немного сильнее, чем требуется, и издает длинный сдерживаемый вздох.

И наконец, мой разум ко мне возвращается.

— Это родители Реми? — шокирована и в недоумении спрашиваю я.

И тут я осознаю, что глаза отца Реми очевидного цвета, и у этого седовласого мужчины невероятно большая и здоровая костная структура тела.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пит кивает и потирает лоб, становясь крайне взволнованным.

— Да. Это его предки, все в порядке.

— Почему Реми не хочет их видеть?

— Потому что эти ублюдки заперли его в психушке в тринадцать лет, и оставили его там, пока он не стал достаточно взрослым, чтобы выбраться оттуда.

В моем желудке оседает ужасное чувство, и в мгновение, единственное, что я делаю — изумляюсь.

— Психушке? За что? Реми не сумасшедший, — говорю я, мгновенно возмущаясь от его имени, следуя за Питом через гостиную.

— Даже не смотри на меня. Это одна из самых неприятных несправедливостей, которую я когда-либо видел в жизни.

У меня защемило в груди. Я спрашиваю:

— Пит, ты был с ним, когда его выгнали из бокса?

Он качает головой в знак отрицания, не нарушая шага.

— Реми очень вспыльчив. Его завести, и он взрывается. Его противник хотел избавиться от него. Дразнил его за пределами ринга. Тот проглотил наживку. Его выгнали. Конец истории.

— И он еще сердится по этому поводу?

Он открывает двери на террасу, которая ведет к саду через амбар, и я следую за ним, прикрыв глаза рукой от яркого солнца.

— Ладно, он злится, но только не об этом, — говорит Пит. — Борьба — это все, что он умеет. Это все, что он может контролировать в своей жизни. И это было настоящим

отвержением в карьере Реми. Почти невозможно заставить его открыться. Даже тем, кто долго был с ним.

— Как ты думаешь, откуда его родители узнали, где мы? Я думала, что прессу не подпускают к этому дому после инцидента с яйцами?

— Потому, что это дом Реми, — говорит, Пит, когда перед нами вырисовывается красивый красный амбар с газоном, вокруг него. — После того, как он вышел оттуда, он начал зарабатывать деньги в боях, и затем приобрел этот дом, стараясь доказать своим старикам, что он чего-то стоит... Предки все равно не хотели иметь с ним ничего общего. Ему нужен был дом, а сейчас он использует его только, когда мы в городе, чтобы не надоедала пресса в гостиницах. В Остине у него очень много поклонников.

Меня сразило услышанное. Чистое неподдельное оскорбление маленького Рема ранит меня до глубины души, заставляя меня перевести дыхание.

— Что это за такие родители, что отказываются от своего ребенка подобным образом, Пит? И с какой стати они ищут его сейчас?

Пит вздохнул.

— Действительно, зачем. — Он качает головой с сожалением, затем мы замечаем Ремингтона, попадающего по спидболу, который Тренер повесил со стропил, внутри открытого амбара. Выглядев слегка паникующим, Пит мгновенно хватает меня за локоть и тянет меня ближе. — Не показывай, что тебе известно что-нибудь об этом, прошу тебя. Он был очень зол, когда узнал, что мы едем сюда. Его родители полностью доводят его, и его настроение сейчас к черту.

Я киваю и сжимаю в ответ его локоть.

— Я не буду. Спасибо за доверие.

— Эй, Би, можешь размять его, он не в идеальной форме. Тренер считает, что в этом нуждается его нижняя часть спины, — зовет Райли.

Кивнув, я подхожу, и больше слышу, чем вижу, как Ремингтон бьет мешок сильнее и быстрее с каждым шагом, как я ближе к нему. Честно говоря, я удивлена, что он не останавливается, когда я стою рядом с ним.

— Тренер не доволен твоей формой юб и Райли считает, что я могу помочь, — говорю я, и смотрю, как это худое завораживающее творение продолжает сильно ударять по спидболу обоими кулаками, с глубоко сконцентрированным нахмуренным лицом. Я не могу не восхищаться тем, что Ремингтон сделал с собой, не смотря на отвержение, с которым он столкнулся, когда был моложе.

— Реми? — произношу я.

Он не отвечает, вместо этого смещается в сторону и бьет одним кулаком за другим в течение нескольких наносекунд эту бедную грушу.

— Ты позволишь мне размять тебя? — продолжаю я.

Он снова поворачивает свое тело, демонстрируя мне свою великолепную спину, продолжая делать удары, как сумасшедший. Я хочу прикоснуться к нему, особенно после всего, что мне сказал Пит, поэтому я бросила бинты у ног, сейчас последнее чего я хочу, чтобы что-то стояло между нами.

— Реми, ты собираешься отвечать? — я понизила голос, когда подошла на шаг ближе, протягивая одну руку.

Удар, удар, удар...

Я прикасаюсь к его спине. Он застывает, опускает голову и оборачивается, снимает

свои боксерские перчатки и бросает их в сторону.

— Он тебе нравится? — Его шепот низкий, его прикосновение нежное, когда он протягивает руку и кладет ее прямо туда, где Пит, прикасался ко мне. — Тебе нравится, когда он прикасается к тебе? — Но его глаза, Боже правый. Они горят и направлены на меня. Его рука вдвойне больше, чем у Пита, делает что-то с моим телом.

Я смотрю на него, в моем животе порхают бабочки, и даже, если это все игра, я хочу, чтобы это продолжалось бесконечно, но и чтобы это прекратилось. В том, как он действует возле меня, есть что-то невероятно животное, что пробуждает во мне глубинные инстинкты.

— Ты не имеешь на меня никаких прав, — говорю я, затаив дыхание от гнева.

Он сжимает руку.

— Ты дала мне права, когда была на моем бедре.

Мои щеки вспыхнули красным от воспоминания.

— Я все еще не твоя, — говорю я в ответ. — Может, ты боишься, что во мне слишком много женщины для тебя?

— Я задал тебе вопрос, и хочу получить ответ. Тебе, черт побери, нравится, когда другие мужчины прикасаются к тебе? — требует он.

— Нет, дурак, мне нравится, когда ко мне прикасаешься ты!

После моей вспышки, он смотрит на мой рот, погружая свой палец в складку моего локтя. Его тон становится грубым. — Насколько сильно тебе нравятся мои прикосновения?

— Сильнее, чем мне бы хотелось, — я восстанавливаюсь, тяжело дыша и задыхаясь из-за него.

— Нравится ли тебе это достаточно, чтобы позволить мне ласкать тебя в постели сегодня? — кратко спрашивает он. Мою кожу покалывает, и у меня между ног становится невероятно жарко. Его зрачки полностью увеличились от голода.

— Мне нравится это достаточно для того, чтобы позволить тебе заняться со мной любовью.

— Нет. Не заниматься любовью. — Он сжимает челюсть и смотрит на меня своими мучительно голубыми глазами. — Только прикосновения. В постели. Сегодня. Ты и я. Я хочу, чтобы ты снова пришла. — Он смотрит на меня с вопросительным выражением лица. Я чувствую, как внутри его охватило темная вспыльчивость в отчаянии. Там есть потребность во мне, что может его успокоить... но я не могу этому следовать.

Я так сильно хочу к нему прикоснуться, я просто не могу понять, почему он может противостоять вызову и не брать меня. Я не могу проводить ночь в его объятиях, не получив всего остального.

Освободившись, я укрепляю свой голос.

— Слушай, я не знаю, чего ты ждешь, но я не буду твоей игрушкой.

Он хватает меня снова, приближая ближе к себе и склоняя ко мне голову.

— Ты — не игра. Но мне нужно сделать это по-своему. По-своему. — Он зарывается лицом в моей шее и вдыхает мой запах, и его язык начинает лизать мое ухо. Он стонет и поднимает мой подбородок так, что наши глаза встречаются. — Я делаю это медленно для тебя. Не для себя.

Мои колени готовы согнуться, но мне каким-то образом удается покачать головой в знак несогласия.

— Это продолжается долго, и я быстро теряю интерес. Давай я просто поработаю над твоей растяжкой. — Я направляюсь к его спине, и он резко освобождается, как будто я

резала его ножом.

— Нихера не беспокойся. Иди, займись растяжкой Пита.

Он хватает полотенце, проводит им по лицу, и затем идет проделывать быстрые сильные удары по мешку голыми кулаками.

Выйдя оттуда, свирепо хмурясь, я говорю Райли:

— Он меня не хочет.

— Преуменьшение столетия, девушка, — говорит он, закатывая свои печальные глаза парня-серфера.

Глава 9

Приключение

Сегодня вечером Подземелье кипит энергией, и последний час я потратила на выискивание Норы среди толпы, почему-то опасаясь, что, увидев меня, она теперь будет прятаться. Я решила, что заставлю ее показаться, только пока не знаю, каким образом это сделаю. Но я определенно что-то придумаю.

А сейчас я позволю себе окунуться в магию боев, и тут я заметила, что рассматриваю всех соперников более тщательно, чем когда-либо, только для того, чтобы понять их боевые стратегии на тот случай, если они столкнутся в финале с Ремингтоном.

Некоторые дерутся по-настоящему жестко, и я осознаю, что никто не дерется так, как он. Реми борется, как будто любит это. Он взрывается на ринге, и это выглядит, как будто он лев, а его противники — мыши, и он просто играет с ними. Иногда он прыгает и заставляет толпу поучаствовать, когда захватывает соперника и отпускает, указывая на него и как будто спрашивая: «Вы все хотите, чтобы я набил морду этому говнюку?»

Конечно, толпа ревет, и я вся заведенная, взвинчена, и еще в приподнятом настроении, просто наблюдаю за ним.

Когда его сегодня объявили, толпа Остина обезумела, и большинство присутствующих кричали стоя, я наблюдала за ним с трепетанием в животе, когда он появился на дорожке и взобрался на ринг; и вдруг помещение оживает с ним. Сейчас в зале размахивают плакатами, когда он бьет своего третьего противника в этот вечер, и он так сильно избивает другого мужчину, что, вероятно, бой закончится через пару минут.

Он на волне. Он выводит из строя все и каждого, что вызывают против него. Я на самом деле еще не видела, чтобы кто-то из его противников смог нанести ему действительно хороший удар, его лицо нетронуто, и такая же его блок-защита.

Почему-то мне кажется, что он что-то доказывает этому городу, в котором он родился. Я чувствую, что каждым ударом он говорит своим родителям, что они были неправы. И это заставляет меня лично болеть за него еще больше. Я настолько ошеломлена от того, что узнала, что я просто не могу представить себе Ремингтона, запертого где-нибудь, беспомощного и сердитого. Он — мужчина, сильный и примитивный, кто знает, чего хочет; и меня бесит мысль о том, что ему причинили боль, когда он был младше и более уязвим. От этого у меня появляется отчаянное чувство его защитить, хотела бы я встретить его раньше, как если бы смогла что-то сделать, чтобы остановить это.

Я слышу, как со стуком он отправил кого-то в нокаут, затем последующие крики, и мое сердце в груди пропускает удар, когда рефери хватает руку Реми и поднимает вверх.

— Наш победитель сегодня, Рееемингтооооооон Тэйт, ваш РАЗРЫВНОЙ!!

Его рука поднята в знак победы, я задерживаю дыхание в ожидании, что случится дальше. Что он всегда делает следующим.

Он ищет меня этими голубыми глазами.

Мое тело улавливает момент, когда он переводит свой взгляд на меня. Он сверкает улыбкой, но сегодня этому есть предел. Он дрался с интенсивной жестокостью, и его улыбка такая же интенсивная, взрыв сексуальности, и вдруг в этом нет ничего игривого и невинного. Он держит свой взгляд собственнически на мне, а его вздохи рывками выходят из его могучей груди; ручейки пота скользят вниз по его телу, и он выглядит так же прекрасно,

как тогда, когда я первый раз его увидела в Сиэтле.

Я хочу его больше, чем когда-либо.

Я такая влажная, и то, что он заставляет меня чувствовать, доводит до отчаяния, и я просто смотрю на него, не улыбаясь в ответ; мои глаза умоляют его закончить все, что происходит между нами, чтобы то ни было; но это как будто электрический ток между нами, возникающий всегда, когда мы близки. Я отбросила все, говоря, что хочу его, а он продолжает быть столь же недостижимым для меня, как комета.

Сверкая голубыми глазами, он указывает на меня, затем на себя, а потом на фигуру, приближающую к моему сидению. Она несет ярко-красную розу.

Она доносит ее в поле моего зрения.

— От Реми, — шепчет молодая улыбающаяся девушка.

Следует еще одна роза, и другой голос с гордостью заявляет:

— От Реми.

Третья роза попадает мне в руки.

— От Ремингтона.

Четвертая.

— От Разрывного.

— От РТ. Сожалею, что те придурки закидали тебя яйцами...

— От Реми.

Мой пульс подскакивает где-то в области луны, и в то же время земля уходит у меня из-под ног. Я уставилась на очередь людей, образующуюся передо мной, не веря своим глазам; вполне вероятно их несколько десятков, и все они вручают мне красные розы от него. Он наблюдает, с этой улыбкой с ямочками, которая довольно говорит мне, что я принадлежу ему; и мое сердце болит так сильно, что мне хочется вырвать его из груди и выбросить куда-нибудь. Наверно то, что он сделал в Лос Анджелесе, попало в Твиттер, это единственное объяснение; все, что я знаю — это то, что у меня в руках полно роз, и все они от него.

От мужчины, который дерется, как сумасшедший, кто возбуждает меня, как никто другой, это самое сексуальное, что я когда-либо видела. От мужчины, который включает мне сексуальную музыку, дает мне спать в своей футболке, защищает меня так яростно, как лев, и все же не берет меня, когда я голая и дрожу в его руках.

И вдруг я больше не могу этого выносить.

Я даже не взглянула на него во время поездки домой. Его взгляд приклеен к моему профилю, и каждая клетка тела знает об этом. Я думаю, что он хочет знать, благодарна ли я за розы, но внутри я так завелась, что вся закипаю. Все мое желание его не удовлетворено, и оно переросло в такой вид гнева, от которого я, вероятно, заболела, а потом это убьет меня.

От этого меня кидает в дрожь. От необходимости. От боли. От ярости.

Как он смеет.

Заставлять меня хотеть его таким образом.

Предложить мне работу моей мечты, а затем стать центром моего существования, пока я не буду готова рискнуть всем ради него. Даже своей работой. Своей семьей. Своими друзьями. Городом, в котором я выросла.

Как он смеет прикасаться ко мне в душе, и целовать меня так, как будто он хочет съесть меня на каждую трапезу, пока не умрет! Как он смеет быть моей живой дышащей фантазией, прийти в мою проклятую жизнь и только дразнить и мучить меня, пока я не смогу этого вынести. Я чувствовала себя такой чертовски свободной и счастливой, что у меня не было

никаких романтических драм. Я видела, как Мелани рвала и метала, и я говорила ей: «Мел, он обычный мужчина. Выше голову, и к следующему». И сейчас я сбита с толку из-за одного мужчины, и мой собственный совет — полное дерьмо, потому, что для меня нет другого мужчины, такого, как он.

Я больше не чувствую себя свободной. Я занята, и все же мужчина, который завладел мною эмоционально, не возьмет меня. Если бы я не была такой сердитой и расстроенной, я бы отбросила наиболее печальную часть моей жизни, что идет после той части, когда я была исключена из Олимпийских испытаний.

— Ты был потрясающим, Рем! — Пит говорит ему в машине, вздохнув с настоящим восторгом. — Чувак, какая прекрасная ночь.

— Отличный бой, сынок, — говорит Тренер, и я еще не слышала, чтобы такой мрачный человек говорил таким счастливым голосом. — Ни разу не потерял форму. Ни разу не упустил защиту. Даже Брук сегодня влюбилась, да, Брук?

Все затихли, и я по-прежнему сижу на своем сидении и держу свой взгляд на мерцающих огоньках в окне, как будто я даже не услышала их разговор. Я абсолютно отказываюсь изливать о розах или делать ему комплимент. Да, его фанаты осыпали меня розами, и он сражался, как истинный чокнутый удивительный чемпион... между бедрами у меня все сжимается, когда я вспоминаю, как работали его сильные кулаки, и сейчас я также отказываюсь думать об этом больше.

— Ты окончательно покончил с этим, — говорит Райли.

Я замечаю, что Ремингтон не отвечает на их комплименты. Его взгляд сейчас чувствуется, как будто он выжигает клеймо на моем профиле, и его энергия становится такой же возбужденной, как моя. Должно быть, он ожидал другой реакции на его жест. Возможно, он ожидал, что я буду такой сентиментальной и скажу ему: «О, мой чемпион, ты просто изумительный!» Но я не буду. Потому что я ненавижу то, что он сделал для меня. Я ненавижу, что хочу его таким образом, я ненавижу, что я чувствую такую непостоянность, я хочу оторвать его глаза от меня, а потом кричать из-за этого. Я хочу бросить все эти розы ему на колени и сказать ему, чтобы он трахнул их сейчас, потому что я больше не захочу, чтобы он трахал меня!

Поэтому, после того, как я поставила розы в ведро для льда с водой в своей комнате, и моя злость накопилась к гигантским размерам, я несусь вниз по коридору и нахожу Пита в гостиной возле комнаты спальни хозяина.

— Ремингтон? — требую я.

— Он в душе. — Он указывает на его дверь, и я направляюсь прямо, громко хлопнув дверью, закрыв ее за собой, и замечаю его в комнате, напротив меня, стоящего на пороге ванной.

Он полностью голый, мокрый, только что из душа с полотенцем в руках, и он тут же выпрямляется.

Его ошеломленный взгляд останавливается на мне, и полотенце падает к его ногам.

Я никогда не видела его обнаженным, и от того, что я вижу его физическое совершенство, и наиболее прекрасный член, который я когда-либо видела в рабочем состоянии, меня только еще больше бесит. Кровь приливает, как раскаленная лава по моим венам, когда я направляюсь вперед и ударяю кулаком несколько раз в его грудь, так сильно, как могу, чтобы не навредить своим костям.

— Почему ты ко мне не прикасался? Почему, черт возьми, ты не берешь меня? Я

слишком толстая? Слишком простая? Ты просто наслаждаешься, чертовски мучая меня без смысла, или ты находишь чертов смысл? Чтоб ты знал, я хотела заняться с тобой сексом еще с того дня, когда я пошла в твой дурацкий номер в отеле, а вместо этого получила работу!

Он хватается меня за запястья и сердито дергает меня вперед, опустив мои руки вниз.

— Почему ты хочешь заняться со мной сексом? Ради чёртового приключения? Кем я должен был стать? Парнем на одну ночь? Для каждой женщины я становлюсь приключением, мать твою, и я не хочу быть им для тебя. Я хочу быть твоим грёбаным НАСТОЯЩИМ. Понимаешь? Если мы переспим, я хочу, чтобы ты принадлежала мне. Был моей. Я хочу, чтобы ты отдала себя мне — не Разрывному!

— Я никогда не буду твоей, если ты не возьмешь меня. Возьми меня! Ты сукин сын, разве не видишь, как сильно я тебя хочу?

— Ты меня не знаешь, — процедил он сквозь сжатые зубы, с обеспокоенным лицом он сжимает мои запястья по бокам. — Ты не знаешь обо мне главного.

— Тогда скажи мне! Ты думаешь, я уйду, если ты скажешь мне то, что так не хочешь, чтобы я знала?

— Я так не думаю, я знаю. — Он схватил мое лицо одной рукой и сжимает мои щеки, его глаза неистово синие и почти безумные. — Ты уйдешь от меня в ту же секунду, когда это станет уже слишком, и ты оставишь меня ни с чем — когда я хочу тебя, как никогда ничего не хотел в своей жизни. Все, о чем я думаю и мечтаю — это ты. Мне бывает очень хорошо и плохо, и сейчас причиной этому являешься ты, от меня это больше не зависит. Я не могу спать, не могу думать, мне тяжело сконцентрироваться, и это все из-за того, что я хочу быть с тобой, и как только ты поймешь, кем я являюсь, я стану чертовой ошибкой!

— Как ты можешь быть ошибкой? Ты себя видел? Ты видел, что ты делаешь со мной? Я принадлежала тебе с самого начала, ты, чертов кретин! Ты заставляешь меня хотеть тебя до боли, а затем ты ничего не делаешь!

— Потому что я чертовски биполярный! Маниакальный. Жестокий. Депрессивный. Я — грёбаная бомба замедленного действия, и если кто-то из команды облажается, когда я буду не в духе, следующим человеком, кому я сделаю больно, можешь быть ты. Я пытался довести это до тебя так медленно, как это возможно, чтобы, по крайней мере, у меня был шанс с тобой. Это дерьмо отобрало у меня все. Все. Мою карьеру. Мою семью. Моих грёбаных друзей. Если это отберет и этот шанс быть с тобой, я даже не знаю, что буду делать, но депрессия поразит меня так глубоко, что я, вероятно, в конечном итоге убью себя!

У меня слезятся глаза, в то время как его слова, как будто ужасными ударами плетью, проходят в моей голове. Каждое шокирующее слово ошеломляет меня до костей. Он ругается и освобождает меня, и я делаю шаг назад и смотрю, как он сердито одевает брюки на завязке.

Беспомощно, я наблюдаю, как он хватается футболку из шкафа, и мое сердце полностью останавливается в груди. Слово «биполярный» не совсем близкое для меня, я разве что слышала об этом. Я никогда не встречала никого с этим, но вдруг, воспоминания последних недель наводит меня на мысль об этом. Я поняла. Реми одновременно любит и ненавидит себя. Он любит и ненавидит свою жизнь. В одну секунду все хорошо, в следующую все плохо. Он горячий, затем он холодный. Может он никогда не был приемлемый, даже не только сам для себя, и может каждый бросал его без чувств в секунду, когда становится... слишком.

В моей груди бушует тысяча чувств, а я могу только держать их в себе.

Его грудь вздымается в то время, как он смотрит на меня через всю комнату, его глаза ярко-голубые, он держит руки по бокам и ждет, когда я заговорю, футболка все еще в его руке, болтающаяся сбоку.

Вдруг я понимаю, что всегда думала, что у этого мужчины богоподобные пропорции, но сейчас я осознаю, что он тоже человек и несовершенный; и каждым болеющим, дрожащим дюймо́м моего тела я хочу его еще больше. Так же сильно я хочу утонуть, если он отвергнет меня сегодня.

Решительно вздохнув, я дрожащими руками медленно расстегиваю кнопки на своем топе, пропуская одну за другой сквозь пальцы. Звук щелчка заставляет его перевести свой взгляд на мою грудь, и в его глазах сверкнуло усилие. Его взгляд так яростно меня пожирает, я чувствую боль в его глазах в своем сердце.

— Я принимаю все как есть. Я не лечусь лекарствами. Они заставляют меня чувствовать себя мертвым, а я намерен прожить свою жизнь живым, — предупреждает он грубым, злым шепотом.

Я киваю в понимании. Я отказалась принимать антидепрессанты, когда я, якобы клинически нуждалась в них после моего падения. Я считаю, что это ваш выбор, как жить с вашей болезнью, и иногда лекарства хуже самой болезни. Он принял свое право, и любое химическое вещество может вывести его из равновесия.

Я не могу сказать ему, что делать. Но разве он понимает, насколько важным является? Где ему нужно, все на его стороне? Видит ли он, какую отличную команду создал? Я вижу, как Тренер, Диана, Пит и Райли любят его, даже когда они ссорятся. Я хотела принадлежать этой команде, но сейчас я просто хочу принадлежать этому мужчине.

И я хочу, чтобы он принадлежал мне.

— Раздевайся, Реми.

Расстегивая последнюю кнопку, я распахиваю рубашку, а футболка, которую он до сих пор держит в руке, падает на пол, когда он резко раскрывает кулак.

Его глаза скользят по мне, его голос пропитан болью и злостью.

— Ты и понятия не имеешь, чего просишь.

— Я прошу тебя.

— Черта с два я позволю тебе уйти от меня.

У меня перехватило горло от эмоций, и мне стало трудно произносить слова.

— Может, я и не захочу уходить.

Боль и отчаяние отразилось в его глазах.

— Дай мне чертову гарантию. Я не позволю тебе уйти, а ты захочешь попытаться. Со мной будет трудно, и я буду ослом, и рано или поздно, с тебя будет довольно меня.

Качая головой, я бросаю на пол свою блузку, а затем опускаю свою юбку вниз по бедрам и снимаю ее. Дрожа всем телом, я стою в одних простых хлопковых бюстгальтере и трусиках, моя грудь поднимается и опускается.

— Мне никогда не будет достаточно тебя, никогда.

Сначала мне показалось, что мои слова не произвели на него никакого впечатления.

И я думала, что медленно умру.

Затем он издает низкий, голодный гортанный звук.

У меня перехватывает дыхание.

Он стоит неподвижно в этих брюках на завязке, наблюдая за мной, его ноги приняли боевую стойку, в его глазах разрывается необходимость. Его широкие плечи резко дергаются

с его дыханием, и он сжал пальцы в кулаки. Его глубокий грубый голос задевает мою кожу.

— Тогда иди сюда.

Команда звучит так неожиданно, что мои ноги начинают дрожать. Все системы моего организма стремятся к этому, и в то же время я не могу двигаться.

Я чувствую себя какой-то кучей органов, которые пытаются стать одним целым. Быстрое сердце. Потливая кожа. Дрожь моих нервных окончаний. Полная бесполезность от моих легких.

Все части моего тела хотят одно и то же, но, кажется, они слишком завелись, чтобы объединиться.

Когда я, наконец, разобралась с прерывистым дыханием, я чувствую себя настолько живой и все же слабой, даже мои пальцы покалывает, когда нам — мне, моему сердцу, моим костям и моей коже — наконец удастся сделать первый шаг.

Неистовая возбужденность поглощает меня на пути к цели.

Дыхание Ремингтона учащается. Его могучая грудь поднимается даже быстрее, чем приближаюсь. Шаг за нервным шагом, теплота его взгляда наполняет меня, и у меня пульсирует в висках. Между ног у меня все горит из-за него. Мои соски пульсируют. Они твердые и болезненно вжимаются об хлопок моего лифчика. Каждая клетка моего тела хочет, чтобы он пососал их. Прикоснулся ко мне. Любил меня.

Остановившись за шаг от него, я едва могу чувствовать, как запах его мыла окутывает мои легкие, одурманивая мой разум. Он протягивает руки, и запускает все свои десять сердитых пальцев в мои волосы, взяв их в кулаки, он дергает мою голову назад и зарывается носом в мою шею, мягко рыча. Сделав глубокий вдох, он достигает меня, и дрожь проходит по всему моему телу, когда я делаю то же, впитывая каждый оттенок и вкус его сильного мужского аромата своим телом. Своим языком он делает путь по моей шеи, его рука обхватывает мою талию, и он прижимает меня к своему телу, шепча:

— Моя.

Страсть и любовь переполняют меня.

— Да, да, да, Ремингтон, да.

Запустив пальцы в его волосы, я нетерпеливо толкаю свою грудь на его и с нажимом трусь своими сосками о его грудь, мои руки яростно держат его голову, когда он продолжает глубоко и отчаянно вдыхать мой запах. Мое тело сотрясается от удовольствия.

Он захватывает мое лицо своими слегка шершавыми от мозолей руками и медленно двигает своим языком от моей шеи к подбородку, прерывисто дыша, направляясь ко рту. Он облизывает контур моих губ. Делая меня влажной. Разжигая во мне огонь.

Он проводит языком, затем своими губами открывает мои, прикусывает нижнюю губу, дразнит меня. Из меня вырывается легкий всхлип, и он приглушает этот звук, углубляя поцелуй, пробуя меня на вкус, горячо и жадно. Я отвечаю быстро и дико, и наши языки сталкиваются в жарком безумии влаги и стонов.

Мое тело тает в его объятиях, и единственное, что держит меня в вертикальном положении, это его сильная рука, обвивающая мою тонкую талию. Я не знаю, недостойна ли я его, или он меня. Все, что я знаю, так то, что это так же неизбежно, как приближающееся цунами, а я просто готовлюсь к этому.

Мы пробуем друг друга на вкус, упиваясь, и я настолько сильно желаю его, что, если бы он мог целовать меня всю ночь, я все равно буду умирать от жажды. Он берет мои волосы в кулак и держит так, как будто боится, что я оторвусь от его вкусных губ; а я так боюсь, что

это сон, что мои пальцы рефлекторно сжимают его мокрые волосы, и я не позволю Ремингтону оторвать свои губы от моих, даже если бы был пожар в отеле, или толпа сумасшедших поклонников буйствовала в здании, или если бы сам Скорпион зашел в эту спальню.

Его влажный и горячий рот заставляет меня раскрыться, вознося так высоко, что я громко стону и слегка посасываю его язык, наслаждаясь тем, как Ремингтон, тяжело дыша, просовывает его глубже, давая мне больше наслаждения.

Его возбуждение нарастает. Сквозь звуки наших безостановочных поцелуев, слышно, как шуршат его штаны, сползая вниз по его ногам, мышцы на его руках напрягаются, когда он обхватывает меня. Ленная ткань падает к нашим ногам, он поддевает большими пальцами переднюю застежку на бюстгалтере и стаскивает бретельки. Лифчик падает на пол, обнажая мою грудь.

Никогда раньше я не чувствовала себя такой целой, как сейчас, когда он обхватывает мои округлости, приподнимая и облизывая их. Он обводит языком мои соски, сначала один, затем другой, интенсивно лаская их рукой. Я с благодарностью постанываю, когда он засовывает свой язык обратно мне в рот, потому что я дрожу от накрывшего меня голода.

Звуки поцелуев снова окружают нас. Он сжимает одну грудь, проталкивая вторую руку между моих ног, касаясь меня под трусиками. Он потирает меня ладонью, а затем проводит средним пальцем вдоль моего влажного входа. От нетерпения меня охватывает дрожь.

Он разрывает наш поцелуй, прижимает свой лоб к моему и смотрит за своей рукой, волнообразно движущейся в моих белых трусиках. Затаив дыхание, я не ожидаю услышать его голос, гортанный и грубый, так близко, оттого, что он все еще прижимается ко мне своим лбом, наблюдая за рукой, ласкающей мою влажность.

— Скажи, что это для меня.

Мои руки сжимаются вокруг его сильной шеи, пока он дразнит меня, проникая внутрь самым кончиком пальца, сумасшедшее удовольствие проносится сквозь меня.

— Это для тебя.

Задыхаясь, я обрушиваю свои поцелуи на его висок, его челюсть. Стон возражения вырывается у меня, когда он убирает руку, но тут же хватает мои трусики, разрывая их в одно мгновение.

Возбуждение накрывает меня. Он обхватывает меня за талию, разворачивая нас, прижимая меня к стене. Я обвиваю ноги вокруг него, а он кладет руки мне на попу, и в следующую секунду я чувствую его. Прямо там. Такой твердый прямо перед влажной мной. Он берет меня за запястья и сцепляет мои руки у себя за головой.

— Ты моя? — спрашивает он грубо, возвращая руку обратно между моих ног и слегка входя внутрь меня.

Я задыхаюсь. Жажущая большего. Обезумевшая.

— Я твоя.

Он выглядит напряженным, хищным, таким сексуальным, пока погружает палец глубоко в меня:

— Ты хочешь меня внутри?

От желания у меня перехватывает горло, наслаждение опускается ниже.

— Я хочу тебя повсюду. Везде на себе. Внутри себя.

Его рука дрожит от попытки сдержать себя, пока он вынимает палец и поднимает свой эрегированный член между моих ног. Он не входит, но позволяет мне почувствовать, что

меня ждет. Наши взгляды встречаются, пока мы трем друг о друга. Мы сталкиваем бедра навстречу друг другу. Мы тяжело дышим. Мы жаждем. И я не могу оторвать от него взгляда.

Он еще красивее, чем во время боя, такой дерзкий и сердитый. Красивее, чем во время тренировок, потный и уставший. Гораздо красивее, чем когда улыбчивый и игривый. Даже чем когда лежит задумчивый и расслабленный, пока я делаю ему массаж, натирая маслом. Он красивее, чем я когда-либо видела — его лицо напряжено от желания, его сощуренные глаза потемнели, ноздри раздуваются, рот приоткрыт, на шее вздулись вены, а загар стал глубже и темнее, будто переполняющее возбуждение выступает на коже.

Он удерживает мои руки, прижимаясь ко мне своей твердостью. Искушая меня. Обещая мне. Все, что я могу — хныкать, тихо умоляя его взять меня. Внизу у меня все пульсирует. Кровь стремительно мчится по телу. Мужчина, которого я люблю, хочет меня, и я готова.

Я.

Готова.

Потемневшие голубые глаза смотрят на меня так, что сердце останавливается. В одну секунду я пуста, а уже в следующую он во мне. Он медленно наполняет меня, осторожно, будто я сокровище, и он не хочет сломать меня, будто он думает, что никто не примет его так плотно, с таким желанием и любовью, как я. Он широкий и твердый, такой мужественный, упругий внутри меня. Он вздрагивает и стонет, когда мышцы влагалища обхватывают его пульсирующий член, такой большой. Я опять всхлипываю, когда новый спазм, почти болезненный, заставляет меня хотеть большего. Решив, что моя потребность в большем сильнее всего остального, я впускаю его еще глубже, откидываю голову назад. Слабый стон вырывается у меня, пока тело расширяется, подстраиваясь под его.

Он нежно обхватывает обе мои груди своими шикарными руками и погружает язык мне в рот, заглушая мои крики, давая мне попробовать все, что он готов дать. Он яростно пульсирует внутри меня, удерживая себя неподвижным. Мое тело трясется в исступлении, когда он опускает голову, проводя языком по моей челюсти, вдоль щеки, вниз по шее. Когда он всасывает сосок в рот, мои внутренности сжимаются от нарастающего оргазма, дрожа от жара, и жажды я безудержно прижимаюсь бедрами к нему.

— Реми, — молю я, сжимая руки вокруг его шеи. Я плотнее обхватываю его ногами, наклоняя тело. Мучительное удовольствие проносится во мне, когда он начинает двигаться. Я закатываю глаза.

Долго я не продержусь. Он слишком большой, ощущения слишком хороши, я слишком сильно в нем нуждаюсь.

— Реми, — стону я, обезумев, ударяя бедрами. — Прошу, прошу... двигайся.

Он тяжело дышит, будто тоже боится, что его надолго не хватит. Но он старается доставить мне удовольствие, поэтому выходит и толкается обратно. Мы обнажены, физически и эмоционально, одинаковый отчаянный стон удовольствия вырывается из нас. Он повторяет движение бедрами, роняет голову, прижимаясь ко мне лбом, рыча от сдерживания себя, а потом начинает целовать меня так, будто от этого зависит вся его жизнь.

— Брук, — хрипит он мне в рот. Его руки сжимаются на моих бедрах, пока он выходит и входит обратно, достаточно глубоко, чтобы погрузить в меня каждый сантиметр. Он кончает. Тепло его невероятно бурных конвульсий и мощные рывки его члена внутри, обхватывают и меня. Дрожь проносит по моему телу. Весь мой организм останавливается и переагружается, пока перед глазами кружатся звездочки.

Я обнимаю его мускулистое тело, пока он сжимает и обхватывает меня, облизываю его шею, пока его мускулистое тело распрямляется и наконец-то расслабляется. Он тихонько вздыхает от удовлетворения.

Тяжело дыша, мы продолжаем осторожно двигать бедрами, даже когда оргазм затих, а Ремингтон дрожит от желания, прижимаясь ко мне, так что я даже не успеваю перевести дыхание.

Он хватается меня за зад, мои ноги все еще окружают его широкие бедра, он несет меня в постель. Он все еще внутри меня, все еще твердый.

Он опускает меня, укладывая подушку мне под голову, после чего начинает двигаться внутри меня, так медленно, что я мяукаю и провожу ногтями вниз по его спине, наблюдая, как напрягаются его плечи, двигаются эти идеальные руки, выгинается эта сексуальная шея; наслаждение появляется на его лице, когда он начинает трахать меня быстрее и сильнее, словно животное. Мои соски пульсируют лишь от взгляда в эти темнеющие от похоти глаза.

Он поднимает ко мне голову и засовывает язык мне в рот, заглушая мой вскрик:

— Ты хотела меня, — Он часто дышит, его глаза становятся дикими. — Так вот же я.

Он вбивает свой член в меня еще десять раз, быстро и сильно, заставляя меня вскрикивать от наслаждения, а когда мои мышцы начинают сокращаться, и тело готовится к очередному поразительному оргазму, он позволяет мне кончить, сохраняя бешеный темп, после чего, рыча, продлевает собственный оргазм, выходит из меня и трется о мою кожу.

Дрожа, я постанываю, когда он проводит толстой головкой своего члена по внутренней стороне моего бедра, при этом другой рукой лаская мой сосок. Мне всегда нравился мой второй размер, но в его больших мозолистых руках, моя грудь кажется такой маленькой.

Он тяжело дышит, ему явно нравится сжимать мою грудь, он кружит языком вдоль моей шеи.

— Я так давно хотел прикоснуться к тебе, маленький фейерверк.

Нервные окончания покалывает от удовольствия, когда он начинает щипать и потягивать мои соски. Он прикусывает кожу на шее, когда я выгибаюсь навстречу его телу.

Он обнимает меня, такой твердый и сильный, сжимая и огибая, трется об меня своим потрясающим твердым членом, размазывая сперму по коже. Я словно в бреду, я хочу ощутить этого мужчину внутри себя, во рту, в руках, везде и сразу.

Неожиданно он погружается обратно в меня, сильно и глубоко, впиваясь пальцами в мои бедра, а я все еще такая влажная и набухшая, толкаюсь ему навстречу, отчаянно стону его имя.

— Ремингтон!

Речь даже не идет о прелюдии. Все нацелено на то, чтобы давать и брать, лишь бы унять эту пульсацию, болезненное желание, такое мощное, что задевает даже душу. Но внутри меня все поет. Не могу поверить, что ощущаю его запах, его прикосновения. Это круче, чем все мои фантазии.

До меня доходит, что пока я стону «пожалуйста», «о боже», «ты такой твердый», «так приятно», он сам выкрикивает, говоря мне, какая я сладкая и влажная, ласкает меня своим языком. Мне нравится, что он оставляет на мне свой аромат, что он лижет меня всюду, что я чувствую его зубы на коже, его мозоли, его тело, хватку его грубых пальцев на своей плоти.

Из меня вырываются дикие звуки, неровные, как и мое дыхание. Я никак не могу сдержать эти признаки жажды и похоти. Чем глубже Ремингтон погружается, тем сильнее я теряю связь с реальностью. Он отклоняется назад, наблюдая, как подпрыгивает моя грудь,

пока он жестко трахает меня. Его глаза светятся как у хищника, пока его бедра бьются о мои. Он первобытный, озверевший, властный и он — мой.

С каждым толчком его члена мои зубы стучат. Я впиваюсь пальцами в его аппетитную задницу, притягивая его ближе, глубже, извиваюсь под его весом, кончая. Я вскрикиваю, когда его тепло разливается внутри меня, с низким стоном он сжимает мои бедра, замедляя темп. Мы становимся грудой уставших мускулов и костей, покрытых потом и запутавшихся в простынях.

Не смотря на это, я чувствую себя превосходно. Расслабленной, согретой и очень, очень желанной.

Вздохнув, я тащу его тяжелую руку, оборачивая вокруг своих плеч, чтобы устроиться у него подмышкой, прижавшись к его груди, и целую его сосок. У него самые сексуальные, маленькие и коричневые соски, самой идеальной формы из всех, что я видела, без единого волоска на груди. Только целуя их, я уже чувствую, как сжимается мое влагалище, хоть оно уже и ноет от боли.

Он перетаскивает мое обессиленное тело на себя, теперь я растянулась на нем, как на кровати, вытянув ноги вдоль его ног, опустив голову на его голову. Живот к животу, пупок к пупку. Он третя носом о мой висок, пока руками ласкает мою попу.

— Ты пахнешь мной.

— Ммм, — говорю я.

Он обхватывает ладонью мою ягодицу, утыкаясь носом мне в висок:

— Что твое «mmm» означает?

Я улыбаюсь в темноте комнаты.

— Ты первый так мне сказал.

— Это означало, что я хочу съесть тебя. Твои маленькие бицепсы. Твои маленькие трицепсы. — Он целует меня и проводит языком по моим губам. — Теперь твоя очередь.

Потянув его руку, провожу ею между наших тел, чтобы он почувствовал все, чем обмазал мой живот.

— Это означает, что я собираюсь пренебречь личной гигиеной на этой неделе и не принимать душ, чтобы на мне оставался твой запах.

Тяжело вздыхая, он переворачивает нас, подминая меня под себя, опускает руку между моих ног, туда, где я пропитана всем, что он мне дал. Его глаза светятся в темноте, пока его рука скользит по дорожке из вытекшего семени, обратно к моему разбухшему влагалищу, будто он не хочет покидать мое тело.

— Липко? — спрашивает он низким шепотом, наклонив голову, он лижет мое плечо, пока одним пальцем проталкивает сперму обратно внутрь меня. — Ты хочешь смыть меня с себя?

Мысль о нем, засовывающем свое семя обратно в меня, расплывает меня настолько, что я обхватываю его голову, прижимаясь ближе.

— Нет. Я хочу, чтобы ты дал мне еще.

Он подносит свои влажные пальцы к моему лицу и надавливает средним пальцем на мои губы, будто приглашая попробовать.

— Я хотел тебя с той ночи, когда впервые увидел, — он хрипло произносит эти слова, наблюдая за мной, посасывающей его палец.

Его вкус творит со мной невероятные вещи, посылая пульсацию по моему телу, заставляя отчаянно хотеть его внутри меня снова.

— Как и я. — Тяжело дышу, каждый вздох дается мне с трудом, пока я слизываю каждую каплю.

Он проталкивает второй палец мне в рот, и его соленый океан вкуса придает мне сил. Мои глаза закрыты, я медленно провожу языком по всей длине его пальцев. Я так сильно его хочу, думаю, что мои стоны не поддаются контролю.

— Тебе нравится мой вкус? — Он хрипло шепчет.

— Хммм. Это все, что я сейчас хочу. — Я шаловливо покусываю, подушечки его пальцев, и, внезапно, чувствую его возвращающуюся эрекцию. Я сказала что-то, возбуждившее его?

— Мне всегда будет необходима моя доза Реми после обеда, — я говорю это и чувствую сильное возбуждение, так как он продолжает увеличиваться в размере. — И может быть перед завтраком. И после ланча. И во время чаепития.

Он стонет, располагается между моими разведенными ногами и наклоняет голову вниз, чтобы попробовать меня. Его язык порхает по моим половым губам. Веки моих закрытых глаз дрожат, а спина выгибается, словно арка, от жара его рта я разбиваюсь на кусочки. Его руки сжимают мою попку, а его влажный язык скользит без остановки по моему клитору.

— Я...хочу....кончить... в каждой части твоего тела... — шепчет он прямо в мое лоно, его глаза закрыты, и он резко поднимается и располагает свою эрекцию прямо напротив меня

Я сгораю от желания. Мне снова нужно почувствовать его внутри, внутри моего рта, внутри моей киски, внутри моего существования. Я хватаю его за затылок и отчаянно двигаю бедрами в молчаливой просьбе, проталкивая свой язык в его рот.

— Кончай куда захочешь, внутри меня, снаружи, в мою руку, в мой рот.

Когда я сжимаю его твердость рукой, он мгновенно взрывается, и я чувствую горячие капли на запястье. Его пульсация такая же сильная, как и он сам, и я возбуждаюсь еще сильнее, наблюдая за ним, таким прекрасным и необузданным, неожиданно я переворачиваю его на спину и запрыгиваю на его эрекцию, захныкав в удивлении от его размера. Он рычит от удовольствия и запрокидывает голову назад, сжимая мои бедра, направляя мои движения, его твердость все еще пульсирует внутри меня. Крик удовольствия срывается с моих губ, когда я кончаю вместе с ним, чувствуя его теплый взрыв внутри меня.

Когда я отстраняюсь от него, я совершенно вымотана и близка к коматозному состоянию.

— В ту ночь, когда они накачали тебя успокоительным, — я спрашиваю его несколько часов спустя, перевозбужденная, кончик моего носа снова напротив его соска, до сих пор тяжело дышу из-за долгой серии ласк. Мы не можем насытиться друг другом. Мы как подростки, которые ждали этого неделями. — Что тогда произошло?

Шуршит подушка, когда он кивает, и я нежно обнимаю его рукой, поднимаясь с ним на один уровень глаз, не уверенная, хочет ли он говорить об этом сейчас.

— Мы можем поговорить об этом?

Кажется, мои прикосновения заставили его закрыть глаза, он обхватывает мой затылок своей большой рукой и заставляет прижаться к его шее, обнимая меня.

— Возможно, тебе лучше поговорить об этом с Питом, — говорит он ровным голосом-

Я липкая от нашей страсти и мне нравится это, мои руки путешествуют по его телу, и я знаю, что он тоже липкий. Мысль о совместной ванне, о возможности помыть «его», а затем снова стать липкими, заставляет меня хотеть стонать.

— Почему ты не хочешь поговорить со мной об этом, Ремингтон? — мягко спрашиваю я-

Он садится и свешивает ноги с кровати, обеими руками обхватывает свое лицо.

— Потому что я почти не помню, что делал в ту ночь.

Черт. Я заставила его нервничать.

— Хорошо, я поговорю об этом с Питом, вернись в постель, — я быстро говорю это, замечая его напряженную позу.

Он смотрит в окно, его тело идеально. Очень идеально. Ноги расставлены, руки скрещены на груди, его мышцы прекрасно сформированы и подтянуты.

— Я помню тебя, — его голос грубеет. — Ты мое последнее воспоминание. Шоты текилы. То, как ты выглядела. Тот маленький топ, который ты надела. Ночи, когда ты спала в моей постели.

Его воспоминание о моей одежде вызывает покалывание в моем теле. Я почти уверена, что когда он повернется ко мне, я буду словно бассейн лавы, ждущий, чтобы он пришел и трахнул меня.

В тот день он казался таким счастливым, шоты текилы, его энергия была похожа на солнце-

А потом эту энергию поглотила ночь в течение нескольких часов.

— Я так сильно хотела, чтобы у нас все получилось, — мне было нелегко это произнести.

— Думаешь, я не хотел? — он повернулся. — Я хочу тебя с тех пор... — он вернулся в постель и притянул меня к себе, яростно впиваясь в мои губы. — Каждую секунду я хотел, чтобы у нас все получилось.

Я прикасаюсь к его подбородку.

— Ты когда-нибудь причинял кому-то боль?

Печаль снова отражается в его глазах, и он выглядит обеспокоенным, прекращая меня обнимать.

— Я причиняю боль всему, к чему прикасаюсь. Я все разрушаю! Это единственное, в чем я хорош. Я обнаруживал шлюх в своей постели, не помня даже, как их приводил, и я выставлял их голыми из своего отельного номера, злой, как черт, потому, что я не помнил, что делал. Я до черта воровал, разрушал, просыпался в местах, не помня о том, как там оказывался... — он делает медленный вздох. — Слушай, с тех пор, как Пит и Райли сменяют друг друга на выходных, всегда есть, кому утихомирить меня на день или два, когда я выхожу из-под контроля. Я остываю, и затем возвращаюсь. Никто не страдает.

— Кроме тебя. Никто не страдает, кроме тебя, — я грустно шепчу и хватаю его руку своей только потому, что боюсь, он встанет с постели, а я этого не хочу. Такое чувство, что я прожила всю жизнь, чтобы он был со мной на первом месте.

— Реми, им обязательно усыплять тебя как тогда? — спрашиваю я, поглаживая его.

— Да, — говорит он решительно. — Особенно, если я хочу... этого... — Одной рукой он указывает на меня и на себя, а другой сжимает меня. — Я хочу этого. Очень сильно. — Он прижимается своим носом к моему. — Я постараюсь все не испортить, хорошо?

— Хорошо.

Он целует тыльную сторону моей ладони, которой я держу его, опять сверкая глазами.

— Хорошо.

Мои внутренние часы просто не дадут мне уснуть в шесть утра, даже после проведенной

ночи с ним. По моей коже проходят приятные ощущения, когда я вспоминаю, какими способами мы занимались любовью прошлой ночью. Мой взгляд падает на его массивное тело на кровати и безмерные собственнические чувства, что переполняют меня, настолько сильные, что все, что я могу делать — это не привязывать себя к его грешному телу навсегда.

Тихо и с вялой улыбкой, которая не уйдет с моего лица, я слезаю с кровати, осознавая, что Райли и Пит, не позволят ему много проспать, и, безусловно, не выходя за рамки десяти утра.

Пит уже на кухне, готовит себе кофе. У меня появилось множество вещей, о которых я хочу его спросить, поэтому я присоединяюсь к нему. Подогнув ноги под себя, и сев на кресле за маленький столик, я наблюдаю, как он пересматривает утреннюю газету. Сделав несколько глотков кофе, я прочистила горло,

— Он рассказал мне.

На мгновение его лицо выражает единственную эмоцию — шок.

— Что он тебе рассказал? — Теперь он выглядит сомнительным-

— Ты знаешь что. — Я опустила кофе, приподняв бровь.

Пит опускает газету, не улыбаясь.

— Он никогда никому не рассказывает.

Его слова заставляют меня нахмуриться.

— Не делай такой встревоженный вид. Он рассказал тебе однажды. Разве не так?

— Он не говорил мне, Брук, я был его медбратом. В больнице. По крайней мере, в его последнем году.

Я в замешательстве пытаюсь представить Пита в белом халате, заботящем о большом плохом боксере в больнице. Я просто не ожидала такого. В общем. Эта картина настолько несовместимая, что мне трудно держать это в голове. — Ты был с ним в больнице? — Ладно, я знаю, звучит глупо, но это, кажется все, на что я способна.

Пит кивнув, крепко сжимает губы.

— Это вывело меня из себя. — Он нахмурился на свой кофе, затем покачал головой. — Он хороший парень. Немного безрассудный, но это. Не. Его. Вина! Он никогда никого не дразнил. Он был таким закрытым ребенком, как чертова стена. Он просто очень быстро бегал во дворе и подтягивался на дереве, всегда в наушниках, отгораживаясь от всего. Они посадили его на наркотики, с тех пор первое время он был быстрее и говорил всем, чтобы держались от него подальше. Они пристали к нему, и была большая неразбериха, и с тех пор, никто даже не дал ему шанса стать быстрее снова, они просто продолжали накачивать его вены дерьмом, избавлять себя от неприятностей.

— Боже мой... — Мне становится тошно от шока, ужаса и злости, я с трудом удерживаю в себе выпитый кофе.

— Брук, Реми не сумасшедший, — подчеркивает Пит, — но они обращались с ним, будто это так. Даже его родители. Все эти годы он чувствовал себя комфортно только в чертовых наушниках. Вот почему парень так редко проявляет какие-либо эмоции. Он просто не может. Он был слишком отстраненным и закрытым все эти годы.

Сердце кровью обливается, когда я понимаю, что Реми с самого начала открывался мне через музыку, через что-то такое знакомое и близкое для него. Внезапно мне захотелось заново послушать каждую песню, что он мне включал.

Глаза начало пощипывать и я опустила голову, чтобы Пит не видел, как я тронута всем сказанным. Реми — тихий человек. Он физически развит и руководствуется своими

инстинктами, но я не думаю, что он знает, как правильно выразить словами свои эмоции.

Интересно, я такая же замкнутая, как Реми?

В своей жизни я частенько полагалась на Мелани, что она озвучит то, что я хочу сказать, будучи стеснительной или стыдясь признаться вслух о своих чувствах. Даже после разрыва крестообразной связки я никому не говорила, настолько это паршиво.

Реми так сильно отличается от меня, но все же во многом мы так схожи, могу поклясться, что чувствую его всей душой.

Теперь приходится сдерживать нахлынувшее желание вскочить, вернуться в кровать и обнять его.

— Той ночью в отеле... когда ты вколол ему что-то... что это было?

— Это был приступ. Он не становится другим человеком, как многие думают. Ну, частично, но это скорее смена настроения. Это периодическая экспрессия гена, противоречащая изначальным показателям. Какой-то внешний фактор обычно выводит из строя считывание одного гена, запуская считывание другого, в результате чего настроение Реми резко меняется. — Пит смотрит на меня теплыми обеспокоенными карими глазами, его черты искажаются от боли. — Он очень страдает, Брук. Из-за того, что он не может вспомнить ничего, когда это случается.

Я мысленно переношусь в те ночи, когда он приходил в мою комнату, с потемневшими глазами, и целовал меня до беспомыслия до утра.

— Но что-то он вспоминает, он сам сказал. — Говорю я с надеждой.

— Иногда да, иногда нет. Суть в том, что он сам себе не доверяет, потому что не знает точно, что происходит в моменты затмения.

Вот почему он был так осторожен со мной...

Мне опять становится тошно.

— А кто рассказал обо всем Райли?

— Я рассказал Райли. Мне пришлось нанять помощника, чтобы я мог брать выходной. Иначе, возвращаясь, я бы находил Рема по колени в неприятностях. Тренер, естественно, тоже в курсе всего, и Диана подозревает, что что-то происходит, но точно она не знает. Считает, что он подвержен перемене настроения.

Вздыхнув, Пит налил себе еще кофе.

— Я помог ему с выпиской из больницы. Я бы просто ушел, но он сказал, что хочет повидать родителей и заплатит мне, если я его подвезу. Я согласился. — Пит садится, его лицо искажается от злости. — Но родители не желали иметь с ним ничего общего. Они испугались, единожды взглянув на него. Черт, ты бы видела эту истерику. Мать начала рыдать, отец сказал Рему, что они хотят жить спокойно, а Рем просто стоял там. Я мог видеть, как он пытается подобрать слова. Не знаю, хотел ли он умолять их, дать ему шанс, или что, но он так и не сказал ни слова. Они просто захлопнули дверь перед его лицом. Мы уехали, и Реми начал драться за деньги. Он был так хорош в этом, что пробился в профессиональный бокс и нанял меня на полную ставку в качестве своего ассистента. Он купил дом в Остине и снова попытался наладить отношения с предками. И когда его родители были удовлетворены его растущей славой, они пригласили его на ужин. Но в тот уикенд соперник спровоцировал его, наняв какого-то мудака, чтобы вывести его из соревнований. Реми-то и в хорошем настроении быстро выходит из себя.

Мой кофе тоже остыл, так что я иду налить себе новую чашку, пока обдумываю все сказанное. Когда я сажусь на место, Пит продолжает.

— Таким образом, его выгнали, и родители не появились в ресторане. — Он вздыхает, нам обоим больно за Реми, затем он добавляет, — Он тебе не много рассказал, Брук. Но жить с этим может быть трудно.

Он впивается глазами в меня, и я понимаю, что он измеряет меня взглядом. Я чувствую вопрос в его глазах, как если бы он озвучил его. Он беспокоится, что я оставлю Ремингтона. И я не знаю, какие гарантии я могу дать, особенно, когда я понятия не имею, чего ожидать от его биполярности. Но я знаю, что я хочу остаться. И это действительно так.

— Он также пытался поступить в колледж, — говорит Пит. — Но он не мог закончить учебу, всегда ввязывался в драки. Любая провокация выводила его из себя, и он применял кулаки к любому, кто, как он считал, заслуживал этого.

— Там он встретил Райли?

— Он не был объектом применения костяшек пальцев, нет. — Он смеется, и на мгновение его глаза сверкают. — Рем фактически заступился за Райли. В колледже Райли не был очаровательным молодым человеком, которого ты видишь сейчас. — Он игриво подмигивает. — Он был похож на меня. Так сказать, оба зубрилы. Никто из нас не был так крут. Но Реми был самым крутым плохим парнем. Каждый его жаждал, особенно женщины. Он получал их всех, каждый день, и даже парни брали с него пример, особенно, когда он поднимался. Слишком много нарушений закона, когда у него начинаются черные дни. Алкоголь, женщины, адреналин, приключение.

— На самом деле все те годы в психиатрическом отделении он был под пристальным вниманием из-за смены цвета глаз, — добавляет он. — У больных биполярным расстройством такое бывает, но все же это редкость. Во время приступов или, как мы их называем, эпизодов, аффективные состояния сменяют друг друга. У нас есть напористый, самоуверенный Реми и «темный» Реми. У Темного Реми такое же доброе сердце, но он не отвечает за свои поступки. Он не плохой и уж точно не злобный. Но он непредсказуемый и агрессивный, склонный к разрушению вещей, даже самого себя. Он заводится по максимуму, а потом падает на дно. В тот раз, когда ты видела его разбушевавшимся, был даже не близко настолько плох, как в другие разы. Мы с Райли подумали, что это возможно связано с его интересом к тебе. Кажется, он хочет быть с тобой и сдерживается хотя бы поэтому.

— Пит, как я могу помочь ему? — спрашиваю я с надеждой, отставляя кофе, полностью сосредоточившись. — Пожалуйста, скажи, как помочь ему. Мне плохо от одной только мысли о том дерьме, что ты вкалываешь в его вены.

Он вздыхает и немного ослабляет узел своего идеального черного галстука.

— Я не так хорошо с тобой знаком, Брук, но мне кажется, ты сменила правила игры. Он ни за кем так не ухаживал, как за тобой, но, даже не смотря на это, я не могу перестать использовать лекарство. Реми... вся его жизнь это ожидание неизбежного. Ты должна понять, какого это, когда он в нормальном состоянии не всегда может вспомнить, что делал во время эпизода. Бывали случаи, когда полиция стучала в двери, говоря, что он ворвался в винный магазин и ограбил его. Он отвечал, что быть того не может, мол, он всю ночь спал в постели, а они говорили: «Сэр, спиртное все еще в вашей машине».

— Серьезно? — я только и смогла, что моргнуть на это.

Он мрачно кивает.

— Он боится, что случится очередное такое затмение, а когда он проснется, ты уйдешь, потому что он сделал что-то, обидев тебя.

Я подумала о том, как важно для него было, чтобы я подписала контракт на три месяца.

И вспомнила ночь, когда он обезумел и кричал на Пита и Райли, спрашивая, куда я пропала, и что они мне рассказали.

Почему-то осознание этого опять позволило мне почувствовать себя желанной и нужной.

— Все плохо случается с Ремингтоном во время затмений, — добавляет Пит, со стуком опуская пустую кофейную чашку. — Он просыпается и узнает, что его выгнали из бокса. Последний раз он поставил все свои деньги и, проснувшись, узнал, что если проиграет этот сезон, то ему не останется на что жить. Мы с Райли пытаемся его сдерживать, но он сущее наказание. Он слишком силен и чертовски упрям. А теперь вот еще ты. Не знаю, хорошо ли, что ты появилась в его жизни, или ты его персональная Ахиллесова пята. Но ведь не нам выбирать, не так ли? Ремингтон хочет тебя.

Слова Пита крутились в моей голове, пока я уставилась на отельные персиковые обои. Мне требуется время, чтобы обработать всю полученную информацию. Я не представляю, что означает любить кого-то вот так. Меня ждет моя жизнь в Сиэтле... Мелани... мои родители. Впереди у меня еще как минимум месяц, и я хочу провести каждую возможную секунду с ним. Чем больше я узнаю о нем, тем сильнее влюбляюсь. Он непростой человек, лабиринт, в котором мне хочется затеряться. Он мой боец, и я очень хочу быть с ним рядом в этой борьбе.

Но я не знаю, с чем мне предстоит бороться. С моими собственными страхами... или его... или темной стороной его личности.

— Я тоже очень хочу его, — говорю я Питу, погладив его по плечу. — Настолько сильно, что готова и тебе вколоть того дерьма, если продолжишь накачивать его, понятно?

Он засмеялся.

Я отношу в мойку пустую чашку, мою ее и начинаю возиться с завтраком. И отправляю Мелани смс:

«Все случилось. Да! Это было охренетькакофигенно!!!»

И, наконец, как раз перед 10 утра, и перед тем, как Райли будет нам докучать, я возвращаюсь к кровати, заперев дверь. Поставив высокий стакан на тумбочку, я склоняюсь над его голой фигурой, мое сердце и влагалище набухают от его близости, и я шепчу,

— Сексуальная мужская задница, вставай.

Затем я хватаю сексуальный зад Реми и сжимаю, стиснув зубы потому, что мне хочется его укусить, ведь он настолько сочный и горячий.

— Я не Диана, но раньше это был завтрак для чемпионов, до того, как чемпион разорвала свою крестообразную связку и к черту повредила колено. Теперь ты получаешь ее услуги в постели, которые включают все сладкие удовольствия для этого, — я сжимаю его бицепсы, — и этого — я провожу рукой по его прессу, — и этого, — я прикасаюсь к его прекрасной голове, к завораживающей путанице его ума.

Вдруг я понимаю, что если бы не случилось этого двойного несчастья, меня бы здесь не было. С этим мужчиной. И впервые я понимаю, что я должна быть, не только рада, но и благодарна, что вселенная сменила мой путь.

Его сексуальный голос приглушен в подушку.

— Почему ты приносишь мне завтрак в постель?

Я шлепнула его по задку, но накаченное тело даже не шевельнулось.

— Потому что ты живое воплощение всех моих фантазий, и я схожу по тебе с ума. Это женские шутки. Давай же, пей.

Он садится, шуря по-детски голубые глаза, и хватая стакан. Это протеиновый коктейль из фиников, и я обожаю финики. На вкус они словно карамель, и я могу съесть больше двадцати штук за один присест, когда меня накрывает ПМС и неутолимый голод.

— Это офигенно вкусно, — говорит он, протягивая мне стакан, прося добавки.

Я улыбаюсь, наблюдая, как он допивает коктейль, ощущая приятное тепло. Мне нравится, как он питается, правильно и полезно. Его тело и кожа благодарны за это. Я никогда не видела, чтобы Реми ел что-то вредное. Даже когда он объедается, это всегда овощи и рыба, или мясо. Не думаю, что ему нравятся бесполезные лакомства. Такое отношение говорит о дисциплине и ответственности перед своим телом, и я этим восхищаюсь. Его бои сказываются на клетках организма и ставят повышенные требования к его АТФ, которая является накопителем энергии, производимой клетками. Мне нравится, что он правильно питается. Он спортсмен в сердце, разуме, в теле, и меня это невероятно возбуждает.

Пока он допивает остаток, мой телефон вибрирует, сообщая мне о том, что пришел ответ от Мелани на тот текст, что я отправила, пока взбивала коктейль. Скорее всего, она сейчас бежит, так что я решаю ответить ей позже.

— Это Мелани, моя подруга. Она в восторге, что кое-что случилось между туа и муа. — Я смеюсь.

Он смеется низким потрясающим смехом, но потом становится серьезным и смотрит на меня таким нежным взглядом, что внутри все начинает дрожать.

— Ты скучаешь по ней?

Я киваю и хочу рассказать ему, что она тоже знает Нору, и что она мне словно мозгоправ, но внезапно он срывается из комнаты, так что я начинаю собирать свою спортивную экипировку. Он возвращается.

— Скажи ей, чтобы она приехала к стойке Саусвеста и показала этот код. Там билет, забронированный на ее имя, она сможет встретить нас в Чикаго. Я позабочусь насчет комнаты для нее.

— Нет! — Я в полнейшем шоке.

В ответ он демонстрирует мне свою улыбку и ямочки на щеках, от которых у меня поджимаются пальцы.

— Реми, я...

Я даже не знаю, что хочу сказать. Хотя знаю.

Я хочу, чтобы этот мужчина знал, что я с ума по нему схожу, что не собираюсь уйти, при первом же препятствии. Но я слишком боюсь быть единственной, кто заговорит о таких... долгоиграющих планах.

Если я скажу слово на букву «Л», что это будет означать для моего будущего? Я хочу, чтобы он был собран. Хочу, чтобы мой боец победил. И я хочу, чтобы он сказал мне слово на «Л» не просто в ответ, но потому что внутри своего сложного эмоционального мира он уверен, что чувствует это ко мне.

Вместо этого я спрашиваю:

— Почему ты это делаешь?»

Подняв темную бровь, он подходит ко мне, с этими ямочками на щеках.

— А ты как думаешь? — Он целует меня в ухо и шепчет мне в волосы. — Потому что твоя задница отлично выглядит в этих обтягивающих штанишках. Это мужские штучки.

Из меня вырывается смешок, а его ямочки становятся глубже. Он притягивает меня

ближе к себе и делает глубокий вдох, а я утыкаюсь лицом ему в шею, вдыхая его аромат. Тяжело дыша, мы разжимаем объятия. Я иду в свою прежнюю комнату, чтобы переодеться, по пути набирая Мэл сообщение:

«Мой парень настолько от меня без ума, что только что купил билет моей лучшей в мире подруге, и теперь она может встретить меня в Чикаго. Только прошу, не предлагай оплатить сексуальными услугами, потому что

а) я тебя убью и

б) это то, как Я собираюсь расплатиться, но

в) всегда ведь есть Пит и Райли.»

Мелани: «ААААА!!! Ты серьезно? Мне придется обработать босса, чтобы я смогла приехать!»

Я: «Ты уж постарайся! Я ужасно сильно хочу тебя увидеть!»

Мысль, что скоро я увижу Мелани, заставляет меня улыбаться и летать весь день. Мне срочно нужно с ней поговорить, пока я не взорвалась от всех этих чувств.

В тот день, пока Реми на тренировке, я обзваниваю отели в городе. Нора не зарегистрировалась ни в одном из них, но я знаю, что она с этим Скорпионом. Он настолько отвратителен, что я не могу понять, как моя маленькая романтическая сестричка связалась с ним. Он даже не сексуальный плохищ, вроде Ремингтона. Но у меня созрел план, и Мелани поможет мне воплотить его так, чтобы не задействовать ни один из защитных инстинктов Ремингтона.

Раздумывая над этим, я смотрю на него. Он с легкостью прыгает на скакалке, она издает хлопающий звук каждый раз, как делает круг, пока он скрещивает руки, прыгая то на одной, то на другой ноге. Вся кровь резко устремляется вниз живота, стоит мне только вспомнить о нем, о том, как мы занимались любовью. Я хотела узнать, какого это чувствовать его внутри себя. Теперь я знаю. Ощущение, будто я одержима им, самым мужественным и мощным на всем белом свете.

Позже, помогая ему с растяжкой, я чувствую его разогретые мускулы под своими руками, будто он создан специально для меня. Для того, чтобы я его касалась. Мой. Мой. Мой. Обжигающий жар вспыхивает во мне, когда его потный торс сжимается под моими пальцами. Его грудь тяжело вздымается, он устал, ему необходимо поесть, а все, о чем я могу думать — как бы поскорее затащить его обратно к себе в постель.

Я обхожу скамейку, чтобы поработать над его спиной, но он подхватывает меня и притягивает к себе на колени, зарываясь носом в мои волосы.

— Ммм, — мягко постанывает он мне в ухо.

Мои соски мгновенно твердеют. Теперь, зная, что это «mmm» у Ремингтона означает, что он хочет съесть меня, мои трицепсы и бицепсы, я не могу ничего поделать с влагой, проступающей у меня между ног.

Он отклоняется назад, наблюдая за мной светящимся властным взглядом, и запрокидывает за ухо прядь моих волос, выбившуюся из хвостика.

— Теперь я могу учуять, как ты заводишься рядом со мной, — бормочет он, жадно смотря на мой рот.

Мое дыхание становится прерывистым, и я аккуратно оглядываюсь через плечо.

Я замечаю, что Тренер и Райли заняты наведением порядка, собирая вещи, оставшиеся после Реми повсюду, вроде перчаток и веревок, так что я поворачиваюсь к нему и шепчу: — Ты только посмотри на себя. — Губами я касаюсь его уха, руками обхватывая его плечи,

проводя пальцами вниз по его мускулистой спине. — Ты только посмотри на себя. Я с трудом могу перестать тебя касаться. А оторвать от тебя взгляд для меня словно добровольно пойти на дно, я просто не могу.

Его сверкающие голубые глаза находят мои, он поднимает руку, хватая меня за хвостик, распуская мои волосы. Он отбрасывает резинку, проводит пальцами по моим волосам.

— Теперь ты моя. Я никому тебя не отдам.

— Знаю, знаю, — я театрально вздыхаю. Можно подумать, меня это тяготит.

Он с нежностью улыбается мне, кладет мои руки себе на вспотевшую шею. Я вижу капельки пота, застывшие на его лбу, от этого вида мне хочется вытереть его собственным ртом.

— Мне нравится, как я выгляжу в твоих глазах, Брук.

Аккуратно он обхватывает мои лодыжки и заводит себе за спину, усаживая меня к себе на бедра. Его глаза светятся от удовольствия, когда его эрекция упирается в точку между моими ногами, он наклоняет голову и прикусывает мою руку, зажимая зубами мой бицепс сквозь рукав кофты.

— Ммм. А так ты мне нравишься еще сильнее.

— Ремингтон!

Я пытаюсь высвободиться, но он придерживает меня за бедра, смеясь, когда я демонстративно указываю ему взглядом на Райли и Тренера, которые все еще прибираются в зале.

— Это что? Бесплатное секс-шоу?

— Ребята, пойдите, погуляйте! — кричит он и, спустя пять ударов сердца, мы уже одни. В этом огромном зале, со всеми этими матами на полу, стойкой с гантелями, боксерским рингом, только мы двое. Все залы, где он тренируются, всегда снимают в аренду только для него одного, и осознание, что никто не зайдет, расплывает меня.

Реми скользит руками по моим бедрам, обхватывая пальцами мой зад, насаживая меня на свою эрекцию.

Затаив дыхание, я нагло хватаю его большую руку, и затем медленно провожу ею по изгибу моей груди в облегающем топе под расстегнутой спортивной курткой.

Мгновение он не двигается. Затем он наклоняет свою темную голову, и своим носом открывает мою куртку шире с одной и другой стороны. Он так чувственно это делает, что у меня подскакивает температура на несколько градусов. Я чувствую возбуждение к тому моменту, как моя грудь становится полностью доступной в топе. Перед тем, как отстранится, Реми слегка поворачивает голову, чтобы облизать мой подбородок, затем он откидывается назад, поглощенный наблюдением за тем, как его пальцы крепче обхватывают мою грудь, глаза его приоткрытые.

Целый мир ощущений обрушивается на меня, когда он сжимает меня той рукой, которую я положила на себя.

Большим пальцем он нежно проводит по мягкому склону, что ведет в мой спортивный лифчик и топ. Я задыхаюсь. Он тяжело дышит. У него темнеют глаза, когда его взгляд опускается ниже на мой плоский живот в облегающем топе, оглядывая мои, в отличной форме, бедра в трениках, и еще ниже — туда, где они образуют узкую букву V изумрудно-зеленого цвета напротив его члена.

Мои внутренние мышцы сладострастно сжимаются, когда эти голубые глаза останавливаются и сосредотачиваются исключительно на этой части моего тела. Где моя

влажная маленькая киска прижимается к его сильной эрекции, что заметно набухает в его серых тренировочных штанах.

— Я хочу тебя раздеть, — резко говорит он.

— Реми, как я смогу смотреть им в глаза, если они узнают, что мы делаем это прямо сейчас? Прямо здесь?

Его взгляд сверкает чистым озорством, когда он медленно снимает мою спортивную куртку с плеч.

— Я думал, ты не можешь оторвать от меня глаз.

— Я не могу.

— Значит, ты признаешь, что тебе нравятся мои мускулы?

— Я люблю твои мускулы.

— Тебе нравится, как я их использую?

— Да. — Я прерывисто дышу, когда он хватает меня за бедра, поднимает меня к опоре, и опускает мои треники. Теперь на мне только трусики и спортивный бюстгальтер.

— Тебе нравится, что я делаю своим ртом с тобой? — продолжает он.

— Да.

В этот самый момент мне хочется расцеловать свой спортивный бюстгальтер «Under Armor» почти так сильно, как хочется расцеловать его. На нем есть застежка-молния прямо посередине, и его так же легко расстегнуть, как и обычный лифчик с застежкой спереди. Когда Реми медленно опускает молнию, я кусаю губы и смотрю ему в лицо. Меня переполняет желание. Мужчины. Заставляя меня всю дрожать.

— Тебе нравится, что я делаю пальцами? — Его голос низкий и спокойный, и я полностью эротизирована его вопросом.

— Да, Реми.

Он обнажает мою грудь, и если я оторву от него взгляд, я знаю, что увижу голую себя в высоких зеркальных стенах, которые нас окружают. Он обладает исключительным правом на мужественность, этот мужчина, и я не знаю, что со мной будет, когда передо мной откроется бесконечный вид на него со всех сторон. Мой сексуальный мускулистый Ремингтон, восхитительно обнаженный, и умножен на десять? О, Боже.

— Тебе нравится, что я делаю с тобой... этим...? — Когда он снимает свои штаны, я теряю сознание от вида десяти отражений ягодиц Ремингтона позади него, его мощных ног, его узкой талии и широких плеч.

И его члена, передо мной.

Я умерла.

— Определенно, да.

Встав на цыпочки, держась за его плечи, я приподнимаюсь вверх и прижимаюсь своим ртом к его. Он посасывает мой язык, опускает мои трусики вниз к ногам, и располагает меня на матах, наши обнаженные тела плавно соприкасаются друг к другу.

— Что, если кто-то войдет? — возражаю я без энтузиазма.

— Лично я намерен войти в тебя прямо сейчас.

Он растягивает меня, растопыривает мои ноги и руки, и сейчас он просто смотрит.

Я задыхаюсь в ожидании, чувствуя какую-то уязвимость. К нему. Его пронизательный синий взгляд проделывает путь к моему влагалищу, и я чувствую этот взгляд у себя внутри. Где я влажная и набухшая. Мой клитор пульсирует, и если он только раскроет мои половые губы, то увидит, насколько сильно он заставляет меня набухнуть.

Мое сердце бешено бьется, когда я слышу шуршание матов, нагло разводя еще шире ноги. Необходимость застревает в моем горле, когда его лицо ужесточается, и затем он касается своей рукой у меня между ног, его большой палец слегка погружается в мои половые губы.

Он опускает веки, и его выражение смягчается, когда его палец погружается внутрь. Я прерывисто дышу и закусываю нижнюю губу.

Сквозь меня проносится дрожь, когда он проводит своим пальцем к моему пупку, затем между моей грудью, и гладит мои губы тем самым пальцем, которым только что ласкал меня. Он охватывает округлость моей груди другой рукой и поглаживает ее пальцем, как и мой рот, и я перестаю дышать. Его прикосновения болезненно дразнящие, и меня кидает в дрожь, когда он, наконец, сжимает мою грудь, выставляя сосок, и медленно наклоняет свою темную голову. Он растягивает момент, заставляя меня хныкать до того, как он проводит кончиком влажного языка по затверделой плоти.

Перед глазами расплывается. Меня охватывает жар, и я отчаянно открываю рот, чтобы попробовать на вкус палец, которым он ласкал меня, который все еще поглаживает мои губы, и который пахнет мной. Мне нужно что-то лизать, нужно действовать языком, и когда он склоняется к моей второй груди, он пристально смотрит на меня и проталкивает свой палец в мой рот, как будто знает, чего я хочу.

Мой язык лихорадочно охватывает его, когда он кусает меня за сосок. Тело взрывается в экстазе. Задыхаясь, я кусаю его палец, когда он охватывает губами мою грудь. Он тянет зубами мой сосок, я вся излучаю удовольствие, и отчаянно хватаю его за плечи, впиваясь ногтями в кожу, когда он перемещает одну руку между моих бедер.

— Хочешь, чтобы я помог тебе кончить?

Он проталкивает свой грубый длинный палец внутрь, и мое влагалище сжимает его. Все мое тело сжимается от возбуждающих ощущений его прикосновения.

— Да, но я хочу, чтобы ты был внутри меня, — задыхаюсь я.

— Тогда именно там я и буду.

Он движется внутри меня, и я закрываю глаза, растворяясь под ним. Мои руки скользят вдоль твердого, словно камень, пресса. Я запоминаю эту гладкость и восхитительные ощущения, в отчаянном желании поднимаю свой таз навстречу его ладони.

Соски начинают болеть, и я тянусь, чтобы потереться о его грудь, опуская пальцы вниз по его спине.

— Займись со мной любовью.

Он делает глубокий вдох и проводит своим языком по моему.

— Не сейчас... — шепчет он, засасывая мою нижнюю губу себе в рот, потом отпускает ее и легонько дует на влажную кожу.

— Не сейчас, но скоро...

Он говорит низким голосом, но я слышу в нем нежность, от которой мои внутренности тают, я могу лишь судорожно вздыхать. Он опускает голову между моих ног, погружаясь между моих бедер, лаская меня языком.

Я зажмуриваюсь, выгибаясь к нему, жар от его рта обостряет ощущения. Он обхватывает мои ягодицы своими громадными ладонями, притягивая меня к себе, погружаясь в меня влажным языком, снова и снова лаская клитор.

— Тебе это нравится? — спрашивает он меня еле слышно.

Я киваю. Потом до меня доходит, что он не может меня видеть.

— Да, — отвечаю я хриплым голосом.

Он опускает свое лицо обратно ко мне, рыча как животное, но при этом так сексуально и нежно, зарываясь глубже между моих ног, пробуя мой клитор на вкус. Мои колени начинают дрожать, когда я пытаюсь еще сильнее развести ноги в стороны.

Внутри нарастает оргазм, все мои мускулы сжимаются, я вцепляюсь в его макушку, хватая пряди влажных волос.

— Нет... прошу... я хочу кончить вместе с тобой.

Но он меня не слушает.

Его голова занята, двигаясь между моими широко раздвинутыми бедрами. Он издает звуки вроде низкого рычания, и он настолько ненасытный, что я могу чувствовать прикосновения его зубов. Он немного впивается ногтями в мои бедра, пожирая меня так неистово, будто это он на грани разрядки. Меня настолько заводит то, как он мной упивается, что я кончаю.

Я бьюсь в судорогах под ним, а он снова рычит и продолжает, добавляя к ласкам палец. Он поднимает голову и смотрит на меня, охваченную оргазмом, продолжая движения пальцем во мне. Из-за этого я снова кончаю, взрываясь на тысячу и один кусок. С ним оргазм всегда такой яркий и длится так долго. Я вздрагиваю, когда он поднимается, чувствую, как он пульсирует напротив моего таза, как обрушивается на мой рот.

— Позволь мне, — я задыхаюсь, протягивая руку между наших тел, но он обхватывает мое запястье своей большой рукой.

— Полегче, — говорит он, стараясь восстановить дыхание, но я игнорирую его просьбу, с нетерпением обхватывая рукой головку его члена.

Меня снова накрывает возбуждение, когда я чувствую шелковистую влажность на его набухшем кончике. Со стоном он опускает темноволосую голову и лижет мое ухо, часто и горячо дыша. Я нерешительно касаюсь его, ожидая, что он меня остановит, но он этого не делает.

О боже, это самая эротическая вещь, что я когда-либо делала.

Постанывая от удовольствия, я поворачиваю к нему голову.

Мы начинаем целоваться.

Он углубляет наш поцелуй, работая языком и даже зубами, от чего я загораюсь словно фейерверк. Острые ощущения проносятся в моем теле с каждым новым влажным касанием, я сжимаю пальцы на его члене, скользя по нему рукой.

Другую руку я запускаю ему в волосы, удерживая его поцелуй. Я провожу пальцами по шелковистым густым волосам, погружаясь, пробуя его. Его эрекция дрожит в моей руке, и я продолжаю с новой, еще более неистовой силой, ощущая его размер, его силу, пульсирующий жар и власть.

С каждой секундой, что я лежу здесь под ним, я медленно погибаю от того, насколько он невыразимо сексуален. Мне хочется поглотить его целиком. Я люблю то, как он оберегает меня, защищает, приглядывает за мной, то, что он чувствует, самый возбуждающий, сексуальный мужчина из всех, что встречались мне на пути.

Я пытаюсь сжать его в ладони и, хотя у меня это и не выходит, я чувствую что, что бы ни удерживало его, он сломался, стоило мне только обхватить его.

Он притягивает меня, накрывая своим ртом мой, затем с легкостью переворачивает меня и приподнимает, ставя на четвереньки.

— Вот так, — говорит он командным голосом прямо мне в ухо, поворачивая мою голову

к себе, чтобы снова обрушиться на мой рот, пока губы не распухают от его прикосновений.

Он отстраняется и кладет лоб мне на затылок, издавая рычание, которое эхом отзывается у меня внизу. Влагалище начинает пульсировать, когда он делает глубокий вдох, обнюхивая меня, продолжая вдыхать мой запах, пока трется членом о мое лоно.

От того, как он толкается внутрь, становится слишком хорошо. Я стону и поворачиваю голову. И тогда я вижу его отражение, то, как он полностью увлечен мной. Поглощен мной. Меня завораживает, насколько он красив. Он обнажен, и его кожа блестит после тренировки, все его мышцы напрягаются с каждым ударом бедер, руками он удерживает себя надо мной. Опираясь на руки, он трахает меня, используя спину, пресс, бедра, ягодицы. Я даже не вижу себя, лишь бросаю быстрый взгляд, замечая, какой маленькой я кажусь под ним, бледная на фоне его загара, распущенные волосы спадают на соски и плечи, грудь колыхается, а выражение моего лица... я никогда не думала, что могу выглядеть настолько разгоряченной и возбужденной, с порозовевшими щеками, с безумно сияющими глазами, потому что я смотрю на единственного мужчину, к которому у меня были чувства.

— Посмотри на меня, — шепчет он, продолжая удерживать меня на четвереньках, вынуждая меня поднять голову, чтобы встретиться взглядом с ним в зеркале.

Он хочет, чтобы я видела, хоть я и с трудом удерживаю глаза открытыми. Вид нас, занимающихся любовью, мучительно эротичен. Дрожа мои веки, закрываются, тогда Ремингтон выходит из меня и проводит членом между моими ягодицами, сжимая половинки вокруг себя, затем с силой входит в мое ноющее влагалище, выдыхая стон.

— Посмотри на меня.

Я смотрю. Открыв глаза, я вижу всю эту гору мускулов, его квадратные плечи, плоские, четко прорисованные грудные мышцы и маленькие коричневые соски, влажные от пота. Я дрожу, когда вижу, как правой рукой он тянется вниз по моему животу. Его тело дрожит вместе с моим, и я уже готова кончить, когда он добавляет круговые с ума сводящие движения пальцем по нежному комочку моего клитора. Я отдаюсь ему со всем желанием. Он прекрасен, такой мужественный и зрелый. И он мой.

Страсть на его лице из-за меня. Желание в его глазах вызвано мной. Яростный оргазм назревает в моем теле, и я обессиленно стону, умоляя его присоединиться.

И он слышит меня.

Он смотрит на мое отражение в зеркале, будто никогда не видел ничего подобного... его глаза такие дикие, животные. Властные.

Каждая клетка моего тела трепещет от удовольствия, когда он выходит из меня и прислоняет головку члена к моему влажному входу, удерживая этим движением кульминацию моего оргазма, а затем снова плавно входя в меня, в размеренном ритме.

— Да... — его глаза закрыты, пока он движется вперед. Внутри меня начинает пульсировать оргазм. Я вздрагиваю, смотря на него, такого сексуального, поглощенного мной и, внезапно, он тянется, хватая мои волосы в кулак, поворачивает мою голову, накрывая ртом мои губы.

Я влажная от желания. Его член движется внутри меня, толстый и твердый, внутри моего влагалища, внутри моего естества. Я плотнее сжимаю его мускулами влагалища и толкаюсь бедрами назад, неустанная в молчаливой мольбе.

— Войди в меня целиком... я хочу всего тебя, — прошу я.

С ревом он толкается глубже, из меня вырывается стон. Мы переходим в неудержимый, взрывной темп. Я могу видеть, как колыхается моя грудь от его толчков, мое тело дергается

от мощных ударов его бедер. Его бицепсы напрягаются, когда он сжимает руки на моих бедрах, удерживая меня на месте.

Он на грани.

С каждым ударом его бедер я содрогаюсь от страсти, смотря на изумительный вид позади себя. Его глаза закрыты, мускулы вздулись, лицо напряжено. Я толкаюсь назад и стону, пока он разливается внутри меня. Судороги такие же мощные, как он сам, наблюдая за ним, я тоже кончаю.

Он продолжает двигаться внутри меня, пока судороги сжимают мое влагалище, удерживает руку между моих бедер, лаская меня своими большими мозолистыми руками, сводя меня с ума. Я негромко выкрикиваю его имя, и он стонет мое мне в ответ. Насытившись, мы лежим на матах, и теперь я точно знаю.

Я знаю. Абсолютно уверена. Сто процентов в десятой степени уверенности.

Я по уши в него влюбилась.

Глава 10

Гостья

В Чикагском аэропорту О'Хара мы с Питом расположились в шумной толпе возле выдачи багажа, ожидая прилета Мелани.

— Пит, я собиралась кое о чем с тобой поговорить, — говорю я ему, просматривая экраны с информацией о прибытии. В своем костюме "а-ля люди в черном" он похож на моего телохранителя, следующего за мной, даже когда я встаю, чтобы размять ноги. Я знаю, что он делает это, потому что Реми сказал ему не сводить с меня глаз. Я так же знаю, что будь здесь Мелани, она бы срочно захотела пойти пописать, лишь бы посмотреть, что сделает бедный парень в такой ситуации. Но Пит мне нравится, мне бы не хотелось провоцировать конфликт с Реми. Разве что... если придется.

Как, например, сейчас.

— Итак, Пит, ты помнишь ту ночь, когда Реми сорвался с ринга, потому что я преследовала кое-кого? Ну конечно ты помнишь.

Отразившееся на его лице явное негодование меня веселит.

Наши места занимает группа студентов, так что мы перемещаемся к ленте выдачи багажа.

— Та девушка была моей сестрой, Пит. Она моя младшая сестричка, которая, как мне кажется, ввязалась в плохую компанию, и я думаю, мне стоит вмешаться и помочь ей. Нет. Даже не думаю. Я собираюсь сделать это. — Я особо подчеркиваю этот факт. — О, а можно и мне одну?

Пит достал жвачку и предложил мне.

— Ремингтон уже взял это под свой контроль, так что даже не беспокойся.

— Что?!

Он сбивает меня с толку этим заявлением. Ошеломленная, я уставилась на протянутую жвачку, развернула фольгу и засунула жвачку в рот. Слюна мгновенно заполняет рот, и мне приходится пожевать несколько раз, прежде чем я снова могу говорить.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он взял это под свой контроль? Последнее, чего я добиваюсь — это вовлечь его в любые разбирательства с этим Скорпионом.

Пит скривился, будто жвачка на вкус горькая, как горсть кофейных зерен.

— Я тоже этого не хочу. Но Рем уже связался с ними, чтобы вести диалог о возвращении тебе твоей сестры. Я предупреждал, легко не будет. Оказывается, твоя сестра не желает прерывать свои отношения, даже не смотря на то, что Реми предложил кругленькую сумму.

У меня сводит живот. Хорошо, время правды. Мне кажется невероятно щедрым и чертовски возбуждающим то, что Ремингтон делает для меня, но я не могу позволить ему это. Особенно сейчас, когда я знаю правду и определенно не хочу, чтобы сработал один из его триггеров. Которым вполне может оказаться сам Скорпион, кто знает?

— Прошу, Пит, я хочу, чтобы Реми забыл об этом. Я не хочу втягивать его в неприятности.

На одной из лент бегают парнишка, зацепившийся за чемодан, пока его взволнованный отец пытается догнать малыша. Мы наблюдаем за этим в изумлении.

— Не волнуйся, Брук. Мы позаботимся о Реми. Прямо сейчас Райли разговаривает с

болванами этого насекомого. Ни за что на свете я не позволю Ремингтону лично общаться со Скорпионом. Слишком много всего было между ними. Он был непреклонен, желая пойти на встречу самому, но я напомнил ему, что, если его вышибут из лиги, то он больше не сможет позволить себе нанимать тебя. Он поворчал из вредности, но, в конце концов, успокоился и согласился послать туда Райли.

Улыбка перестает помещаться на моем лице. Я нахожу невероятно забавным тот факт, что Пит, использует меня, чтобы сломать железную волю Реми.

— По какой причине они так дружны, наш милый Скорпи и Ремингтон? — спрашиваю я Пита.

— Скорпи, — саркастично отвечает он, ухмыляясь, — это тот самый мудака, которого соперник нанял, чтобы вышибить Рема из профессиональной лиги. Рем ненавидит этого ублюдка и не может дождаться, чтобы вытереть им пол.

— Так это он? О, я ненавижу этого засранца с тех пор, как мне не посчастливилось встретить его в клубе! — взрываюсь я, затем оборачиваюсь к Питу. — Что ж, теперь тем более ты согласишься, что лучше всего не впутывать Реми в этот бардак. Я не хочу, чтобы он даже попытался поговорить со Скорпионом один на один, и уж тем более я не хочу, чтобы он платил за мою сестру. Она свободная женщина! Она должна уйти по собственной воле. Пит, я уверена, стоит мне только поговорить с сестрой, и мне удастся ее образумить.

Парнишка спотыкается и падает на чью-то маленькую черную спортивную сумку. Его смех затихает, и тут же шум толпы взрывает его плач, пока папаша не подбирает его и несет обратно к маме, ожидающей свой багаж.

— Допустим, я соглашусь помочь тебе, — говорит Пит, возвращая ко мне задумчивый взгляд карих глаз, — что мне нужно будет сделать?

— На самом деле, ничего. — Пожав плечами, я иду к ближайшей урне, чтобы выкинуть жвачку, незаметно улыбаясь, когда Пит мгновенно следует за мной.

— Разве что помоги мне скрыть от Ремингтона, что я ходила встретиться с ней. — Подняв бровь, я наблюдаю за его реакцией. Я никогда не отличалась коварством, но я не могу втягивать Реми, это противоречит всем моим защитным инстинктам, касающимся его. — Ты же понимаешь, что я должна это сделать, не так ли, Пит? Из того, что я видела, Норе требуется вернуться к реальности, и я собираюсь провести с ней разъяснительную беседу.

— Я понимаю, — соглашается он, слегка кивая, мы стоим, прислонившись к стойке. — Мне просто не нравится то, что начнется, когда Рем узнает.

— Он не узнает. Мелани поможет мне передать сообщение сестре на следующем бое. Я договорюсь с ней о встрече в ближайшем ресторане, а тебе останется только прикрыть меня.

— Брук, он мне башку оторвет, если что-то пойдет не так, а я уже к ней как-то привык, понимаешь?

— Все будет в порядке. Я столько обучалась самообороне, что и не использовать за всю жизнь. Единственный парень, которого мне не удалось одолеть — это Реми.

Пит начинает хохотать.

— Да ты не только его одолела, но и взобралась сверху, Брук.

— Очень смешно, Педро. — Я радостно ухмыляюсь, что делает мои жалобные щенячьи глаза не такими эффективными. — Ну же. Поможешь? Пожааалуйста.

Насупив брови, он дважды постукивает по подбородку, глубоко размышляя. — Только, если Райли пойдет с тобой и твоей подругой на встречу.

— Спасибо, хорошо. Да! Спасибо тебе, Пит. — Поддаваясь импульсу, я быстро пожимаю ему руку и понимаю, что я привязалась к каждому из команды. Мне страшно от того, что мой трехмесячный срок работы подходит к концу. Мне хочется остаться, или уйти?

Я хочу остаться. Несомненно. Но, во всяком случае, мне нужно благополучно доставить Нору домой, если мне удастся убедить ее, и затем, после этого решить, что я собираюсь делать дальше. А это зависит от того, что сложится с Ремингтоном. Мысль об уходе расстраивает меня, даже если это только временно.

— Педро, у тебя есть братья?

— Рем.

Я широко раскрыла глаза. Не могу поверить, что этот малый опять собирается меня удивить. — Он твой брат?

— Не кровный брат, черт, мы совсем не похожи! Я — интеллигент, а Рем, как бычара! У меня нет кровных братьев... Рем — мой брат по духу.

Я думаю, это так мило, что Пит, считает Рема своим братом по духу, и если Рем — моя родственная душа, тогда Пит — соответственно мой брат... К счастью, вот идет моя лучшая подруга и спасает меня от глупых размышлений.

Вот она. Прямо, как из фильма "Блондинка в законе". Моя милая Мелани, с ярким розовым чемоданом, с распущенными светлыми волосами и солнцезащитными очками на голове. Она не тупоголовая блондинка, но ей определенно нравится наряжаться в одну из таких. Будучи эклектичным дизайнером интерьеров, она слегка эксцентричная личность. Все, к чему она прикасается — налаживается. И сегодня, она выглядит, как радуга, освещающая мой мир.

— Мел! — Подпрыгивая, я заключаю ее в объятия, и она обнимает меня своими тонкими руками, обволакивая меня ароматом Баленсиага.

— Выглядишь, как будто только после чертова пилинга, ты вся светишься, сучка, — говорит она, отстраняясь, чтобы осмотреть меня. — И ты надела платье, а не спортивный костюм, так, так, так. — Она кажется сильно впечатленной. Затем, ее инстинкты самки переключаются на Пита, и ее голос приобретает сделай-из-меня-любовницу тон. — Что ж, привет.

— Снова здравствуйте, Мисс Мелани, — говорит Пит.

— О, Пит, называй ее Мелани, Мелани, называй его Педро. Идем, поговорим в машине, — говорю я им.

— У меня есть для тебя подарочек, — говорит Мелани, как только мы сели на заднее сиденье арендованной Эскалады. И она вытаскивает огромную пачку презервативов — размера XL и ребристые "для ее удовольствия" — из своей большой дорожной сумки. — На случай, если ты решишь не торопиться с детками, которых хочет Реми, — насмехается она, размахивая упаковкой в воздухе.

— Мне этого не нужно, подруга, можешь положить обратно в сумку. У меня есть гормональная капсула ^[2] в предплечье, помнишь?

— О! Значит, ты можешь чувствовать все в процессе...

— Все, — радостно говорю я, и мое тело сжимается при воспоминании каждого. Отдельного. Дюйма. Ремингтона Тэйта внутри меня.

— Брук, у тебя реально сексуально-озабоченный вид. Расскажи мне все о себе и об этом секс-боге! — требует Мелани.

У меня округлились глаза, а затем я захожусь смехом, откидывая голову назад, и хватаясь за живот. — Не может быть, чтобы ты назвала меня озабоченной!

Мелани еще больше усмехается и меняет тон.

— Озабоченная. Озабоченннная. Озабоченнаяя. Ты даже не можешь произнести его имя, не выглядя при этом возбужденной. Черт, да твою озабоченность можно почувствовать даже в твоих смсках. Особенно тех, отправленных по пьяной лавочке, скрытый алкоголик.

С опозданием я понимаю, что мы так увлеклись нашей беседой на заднем сидении, в то время, как Пит за рулем, и вдруг я чувствую, как мои щеки вспыхнули красным. Хватая Мелани за руку, я бросаю взгляд в сторону Пита, и до нее доходит, что мы не можем продолжать говорить "возбужденная", когда он рядом, ради Бога. Не то, что я ему не доверяю, но он парень. А это личное, черт побери.

— Аххх, — говорит Мел, и кивает, затем она визжит и снова меня обнимает, и я просто позволю ей дать мне немного любви, и дам ей взамен, потому что я соскучилась за своей маленькой энергичной Мел.

Таким образом, она доходит до того, что разговаривает с Питом о погоде в Чикаго, которая является ветреной, но солнечной и ужасно холодной вечером. Затем я забираю ее на обед.

После невероятно огромных порций салата и панини ^[3], я привожу ее в президентский номер с двумя спальнями, которые Ремингтон забронировал для себя и меня. Никто не живет во второй комнате, и так как у Мелани отдельная комната, я решаю пригласить ее в эту пустую спальню, чтобы мы могли побездельничать и поболтать без посторонних ушей.

Босиком, каждый на двухспальной кровати, часы напролет мы сплетничаем.

Она рассказывает мне, что Кайл с кем-то встречается, а Пандора снова начала курить после того, как на ее электронной сигарете села батарея, а новую не успели доставить FedEx из-за плохой погоды. Очевидно, это был не ее день. И затем Мелани хочет узнать все обо мне, так что я рассказываю ей о нем. О песнях, которыми мы делились, о том, как я бутылками била отморозков Скорпиона. Также я рассказываю ей о Норе.

— Она всегда была слишком наивной для своего же блага, но что ты думаешь, она делала, присылая те поддельные открытки? — спрашивает Мел в полном замешательстве.

— Я не знаю, я даже не могу принять тот факт, что она сбежала от меня, когда я пыталась повидаться с ней.

Мы немного думаем об этом, обе нахмуренные и сосредоточенные, затем она вздыхает. — Честно говоря, Нора всегда была слегка милой дурочкой. Может, ей просто нужна смена обстановки?

— Может быть.

— Теперь перестань раздумывать и расскажи мне о твоём новом достойным-пускания-слюны романе.

Перекаtywаясь на живот, я болтаю ногами, и у меня вырывается мечтательный вздох. Реми на тренировке, мне кажется, он планировал сегодня бегать, и мне жаль, что я не бегаю с ним. Я скучаю за его растяжкой, за наблюдением за ним. Но становится так хорошо от разговора, меня прямо распирает от всего, что я хочу сказать.

— Это так ненормально, Мел. — я благоговейно шепчу, хотя кроме нас здесь больше никого нет. Но признаваться в этом для меня так важно, что я не могу говорить громче. — Я просто никогда такого не чувствовала. Всегда, когда он прикасается ко мне, Мел, на меня обрушивается тысяча приятных ощущений. Это лучше эндорфинов. Думаю, это окситоцин,

говорят он очень сильный, слышала? Гормон объятий? Но я никогда раньше такого не чувствовала.

— Ты любишь его, глупая!

Я вздрагиваю, и решительно киваю. — Я просто не хочу говорить это вслух, — признаю я, мое сердце обнадеживающе колотится в груди от мысли, что это может быть взаимно.

— Потому что?

— Потому что он может не чувствовать того же! — Одна мысль об этом разбивает мне сердце.

Как Ремингтон справляется с эмоциями? Может ли человек с разными личностями любить и не любить кого-то?

Об этом больно думать.

В гостиной закрывается входная дверь, слышно шаги по ковру, и в дверях появляется он. От его вида у меня учащается сердцебиение. На нем черная влажная футболка с надписью «Chicago Bulls» красными буквами. Низко на узких бедрах у него тренировочные штаны, на этот раз — красные. Он выглядит настолько горячим, настолько восхитительным, таким мужественным и таким расслабленным в своей одежде, что кажется, у меня набухает грудь.

— Привет, Мелани, — говорит он, когда замечает ее.

— Обожемой. — Ее глаза округляются, как две пиццы, когда она выпрямляется на кровати, явно в восторге от этих восхитительных ямочек, привлекательных взерошенных черных волос и покорительных голубых глаз. Она подносит руку ко рту. — Чертвосьмиомойбог, Ремингтон. Я большая поклонница.

Он ничего ей не отвечает потому, что поворачивает голову в мою сторону, и сейчас он смотрит прямо на меня, и я ничего не могу поделать с тем, как его вид действует на меня. Все мое тело реагирует, и я ментально чувствую внутри напряженность, влагу и слабость.

— Привет. — Мне он говорит совершенно иным тоном, и когда я отвечаю, мой голос тоже другой. Хриплый.

— Привет.

Мой разум выходит из строя.

Вот, что он делает со мной.

Он выбивает меня из колеи в любом случае. Во всех случаях.

Его электрические голубые глаза, мускулистые руки, ямочки.... И то, как он смотрит на меня прямо сейчас, изучая меня с ног до головы, как будто не может решить, какую часть моего тела лизать и кусать первой, когда он снимет с меня мое белое льняное платье...

— Ты уже поужинала? — спрашивает он своим загрубелым голосом.

Я киваю.

Он кивает в ответ. Затем спрашивает меня, его голос все еще звучит чувственно и глубоко, и только для меня. — Пойдешь спать позже?

Я киваю.

И он кивает в ответ, его глаза возбужденно блестят, затем он лениво машет рукой Мел.

— Пока, Мелани.

— Пока, Ремингтон.

Он закрывает за собой дверь, а я все еще не могу дышать.

— Брук, этот парень влюблен в тебя. Даже я чувствовала бабочек за тебя, и они были такими большими, они были как летучие мыши в моем животе.

Летучие мыши, которых она упоминает, также и в моем животе, подлетают к самой

груди, и клянусь, ничто не может их опустить. — Это может быть что угодно, — перечу я, в то время как внутри неистово надеюсь на это. — Это может быть страсть. Увлечение?

— Это любовь, глупенькая. Иначе, зачем бы он еще приводил меня сюда? Чтобы сделать тебя счастливой, дуручка! Ты собираешься ему сказать?

От самой мысли у меня у меня сводит желудок.

— Я пока не могу.

— Ты любила быть первой, Мисс Олимпийский Претендент, — напоминает мне Мелани.

— Это другое. Я даже не знаю, может ли он ответить мне тем же.

Я вспоминаю, что я узнала об эпизодах его биполярного расстройства, и я только могу задаться вопросом: если в нем разная экспрессия генов, то могут ли у него быть ко мне противоречивые чувства? Если бы я сказала ему, что я люблю его, оттолкнет ли он меня, в то время, как все, чего я хочу — это быть ближе с ним?

— Брук, он чертовски запал на тебя, конечно, он ответит взаимностью! — Зеленые глаза Мел возбужденно мерцают.

Надежда и страх борются в моей груди, и я все еще не думаю, что я готова рисковать тем, что у нас есть.

— Я не уверена, что он... готов любить меня так. Он другой, Мел.

Хотела бы я рассказать Мелани правду, но я сберегу его секрет для него, даже если это меня убивает. Сейчас я четко помню песню «Iris», слова которой я должна была услышать. Он хочет, что бы я его знала. Не Мелани. И определенно, не весь мир. Так что я не рассказываю подробностей.

— Брук. Это Ремингтон Тэйт, конечно он не такой, как все. Скажи ему, Бруки! Что тебе терять? — насмехается она.

От нервозности у меня сжимается желудок.

— Его. Он может оттолкнуть меня. Он может... потерять интерес и найти кого-то другого. Я не знаю! Я знаю только, что он слишком важен для меня, и я не хочу разрушать это.

Я не восстановилась полностью после последнего случая, когда повредила кое-что — это был самый худший опыт в моей жизни — и это было только колено. Мысль о разбитом сердце заставляет меня со стоном спрятать лицо в ладонях. По крайней мере, если я буду держать свою любовь в секрете, то он и я сможем сохранить эти замечательные, необычные, захватывающие отношения, в которых я тихо его люблю и делаю вид, что он тоже меня молча любит.

— Я хочу подождать, чтобы он сказал мне первым, — умоляюще говорю я ей.

Кажется, она чувствует отвращение.

— Ох, маленькая курица. — Она поднимается, шутя, целует меня в одну щеку, другую, а затем по-настоящему целует меня в лоб. — Ладно, пока ты идешь кувыркаться со своим Принцем Очаровательным и начинать свое «долго и счастливо», я могу пойти использовать свои презервативы. Или, я могу пойти к Райли и Питу, может кто-то из них сводит меня куда-нибудь. Увидимся завтра? Подробности, подробности...

Я крепко обнимаю ее, прежде чем выставить за дверь и шлепаю ее по заднице, когда она выходит. Волнение шелковистыми лентами разворачивается внутри меня, когда я босиком направляюсь в его спальню. В душе идет вода, и возбуждение стрелой проходит сквозь меня при мысли прокрасться в душ к нему.

Желание переполняет меня, когда я тихонько закрываю за собой дверь ванной комнаты, пока Реми в душевой кабине намыливает голову. Мои внутренности дрожат от нетерпения, пока я раздеваюсь догола. Ни с одним мужчиной я не вела себя так откровенно, но это мой мужчина. Мой и только мой. Он сексуален и обнажен, и я безумно соскучилась по нему.

Я открываю стеклянную дверь душа и захожу внутрь. О эта прекрасная гладкая кожа и большие твердые мускулы, я прижимаюсь грудью к его спине, обвивая руками его талию. Он делает глубокий вдох и прижимает мои руки плотнее к себе. Слова «я люблю тебя» так и рвутся из меня. Я никогда в жизни никого не любила и представить не могла, что все будет так.

Это самое потрясающее, воодушевляющее и пугающее чувство за всю мою жизнь. Вызывающее зависимость как эндорфины, а то и круче. Я провожу языком вдоль его позвоночника, пока моя рука скользит от его соска вниз, чтобы прикоснуться к его эрекции. Он уже полностью возбужден, от чего все мои чувства обостряются. Прикосновение наших тел, моей груди к его изумительной спине, ощущение его эрекции, пульсирующей под моими пальцами.

Я завожусь, думая, что я всему причина. Только я.

Сквозь льющуюся воду я слышу его тяжелое дыхание.

— Ммм. Потрогай меня, Брук, — шепчет он, притягивая обе мои ладони и проводя ими по своему члену.

Дрожь охватывает мое тело. Меня невероятно возбуждают его огромные ладони, направляющие меня по всей его гладкой длине. Чувствуя жар между ног, я слизываю капельки воды с его спины. словно кошка, я трусь грудью о его твердые мускулы, вода языком вдоль его красивой покато́й спины.

— Бабочки порхают в моем животе каждый раз, как ты произносишь мое имя.

Он разворачивается и тянет меня за волосы, откидывая голову назад, пока наши взгляды не встречаются. Он смотрит на меня, такой озверевший (в хорошем смысле слова), и внизу живота у меня все сжимается от страстного томления, когда он произносит: «Брук Дюма».

Я дрожу, прижимая к нему свое мокрое тело.

— Определенно бабочки.

— Давай ими займемся... — Он медленно улыбается, его улыбка похожа на волчий оскал. — Брук Дюма.

Я смеюсь, а вот он — нет, и когда его рот накрывает мой, то не для легкого нежного касания, а для обжигающего и властного поцелуя, который начисто стирает все мысли из моей головы. Он берет мои запястья и медленно заводит их мне за спину, от чего возбуждение пронесется сквозь меня.

Я разрываюсь в клочья от этого неожиданного захвата, от того, как он дает мне понять, что он собирается сделать со мной все, что захочет, и мне это нравится. Я постанываю, когда он зубами прихватывает мою шею, беспомощно дергаюсь, пока он цепко сжимает мою кожу. Кажется, у меня будет первый в жизни засос.

Все еще удерживая оба моих запястья одной рукой, он отодвигается, часто дыша, затем переводит взгляд пронзительно-синих глаз на мою обнаженную грудь. От яростного желания на его лице, нервное прерывистое дыхание вырывается из моего рта. Я выгибаюсь от страсти, а он резко наклоняется, ртом накрывая мою грудь, посасывая ее сильнее обычного. Он нежно поглаживает второй сосок своей свободной рукой, его ладонь гладкая и настойчивая, и мне нравится, как его загорелая кожа резко контрастирует с бледной кожей

моей груди. Он мастерски сжимает плоть и всасывает затвердевший сосок в жаркий рот, рукой крепко держа меня за запястья.

Мое тело дрожит рядом с ним, мое влагалище сжимается от неудержимого желания. Брызги воды покрывают наши тела, ударяясь о его спину, и я теряю рассудок, желая его прямо сейчас, быстро, безотлагательно.

— Возьми меня, — я тянусь к нему, умоляя.

Его глаза блестят, пока он щипает меня за один сосок, потом за другой.

— Таков мой план.

Он с легкостью поднимает меня за талию и, вместо того, чтобы опустить меня на свой член, притягивает мою грудь к своему рту. Он посасывает одну, затем другую, его мускулы напрягаются, пока он удерживает меня в воздухе, обеспечивая себе доступ к моим соскам. Ощущение, будто меня пронзила молния. Каждое посасывание простреливает вниз до пальцев ног. И когда я уже не могу удерживать стоны от ошеломительного удовольствия, он насаживает меня на свою эрекцию с такой силой, что в момент, когда он врывается в мое влагалище, я настолько потрясена, что вскрикиваю в голос.

— Слишком сильно? — Его голос хриплый от желания и беспокойства, он резко выходит из меня, его бицепсы напрягаются, пока он ждет моего ответа.

Не успев перевести дыхание, я машу головой и хватаю его за плечи.

— Я хочу тебя, — шепчу я. — Прошу, позволь мне получить тебя.

На его лице отображается желание.

В этот раз он опускает меня медленнее, но он все еще такой огромный и толстый внутри меня. Я не могу удержать стон, когда повисаю на его сильных плечах. Он начинает двигаться, трахая меня по-настоящему, я теряю контроль, провожу языком по слегка царапающейся щетине на его челюсти, сосу его ухо, задыхаюсь и стону, двигаясь так быстро, как могу. Так быстро, как он.

Покалывание проходит по позвоночнику, когда он скользит языком мне в ухо, аккуратно проводя им и полизывая.

— Я люблю, — хрипло шепчет он, и от того, как он произносит это слово, я в одном вздохе от оргазма, — то, как ты подходишь мне...

— Я тоже люблю это, — полу-стону, полу-хриплю говорю я.

Он зубами тянет мочку моего уха, его грудь напрягается от диких вздохов, когда он сжимает меня своими руками и говорит мне в ухо, не прекращая толчков. — Ты такая тесная. Такая влажная. Ощущать тебя так хорошо. Ты так охренительно пахнешь. Я знал, что ты будешь моей в тот самый момент, как только увидел тебя. И разве это не так? Разве ты не моя?

— Да, — стону я, задыхаясь, потому что я люблю каждое его слово, испытывая трепет от всех и каждого, что он произносит. От них я становлюсь дикой и свободной, пока не шепчу ему в ответ, — Дай мне больше, я хочу всего тебя, Реми, сильнее, пожалуйста, сильнее, быстрее, — пока я не взрываюсь в его руках, мое влагалище ритмично сжимается вокруг его члена, принимая освобождение из него.

Когда, я повисаю на нем, он берет мой затылок в свою ладонь и крепко прижимает к своей шее, я даже не пытаюсь стать на ноги. Он выключает душ и выходит из него, потирая полотенцем меня, а затем быстро себя, и я чувствую себя слабой, потому что он такой сильный и сексуальный, он даже ни разу меня не опускает. Он вмиг проходит через комнату, и мы голые ложимся в кровать.

Это только наша седьмая ночь вместе, но я уже с нетерпением жду, как мы прижмемся в постели.

Сегодня он притягивает меня к себе, укрывает нас одеялом, и когда он замечает, что я слабая и вялая, он располагает меня так, чтобы обнять. Я вздыхаю от удовольствия, когда мы устраиваемся.

Он вдыхает запах возле моего уха. Затем я чувствую, как он рукой проводит по моим волосам, нежно лаская меня. Тогда его язык касается того места на шее, где он меня укусил в душе. Он проводит им по изгибу моих плеч, моего уха, пробуждая каждый дюйм моей кожи.

Такое чувство, как будто он ленивый лев, который моет меня своим языком, облизывая меня, и прижимаясь ко мне носом.

Он также делал это и предыдущими ночами. Неожиданность от его чувственных ласк сводит меня с ума от желания и любви, и я становлюсь зависимой от этого момента после оргазма, когда я такая расслабленная, а у него все еще будет хватать энергии, чтобы расположить меня так, чтобы он мог обнимать меня или держать меня, и делать все его мужественные, собственнические как-у-льва, ОКР ^[4] вещи со мной.

Иногда он смывает свою сперму с моей кожи, но в других случаях он дарит мне серию медленных пьянящих поцелуев, в то время как пальцами проводит между мои бедер, возвращая сперму во влагалище, как будто всегда хочет быть там.

Иногда он спрашивает меня, с этими самоуверенными голубыми глазами, и таким сексуальным, полным страсти, шепотом, который он использует после занятий любовью. — Тебе нравится, когда я смазываю твою кожу собой?

Боже, я люблю, как он называет свою сперму «собой».

Я люблю все, что этот парень делает!

Это все еще в новинку для меня, спать с ним. Я никогда ни с кем не спала до этого.

Каждый раз, когда мы приезжаем в новый город, мне интересно, с какой стороны кровати он захочет быть, но Ремингтон, кажется, всегда предпочитает ту, что ближе к двери, а мне нравится другая сторона так, как она всегда ближе к ванной комнате. Хотя теперь, когда я об этом думаю, даже в первую нашу ночь, когда мы спали вместе, так кажется, получилось автоматически.

Он ложится с той стороны кровати, где он может положить свою правую руку вокруг меня, а я могу повернуться на правый бок, свернуться на нем, как теплая липкая гусеница.

В первые ночи, когда мы были вместе, я надевала его простую черную футболку в постель, но я даже больше не беспокоюсь об этом так, как он всегда снимает ее с меня. Он спит полностью обнаженным, и я не могу на него смотреть, не желая оседлать его сексуальное тело. Реми создан, чтобы рекламировать все, что является мужественным, мускулистым и сексуальным. Думаю, много миллионов он получил благодаря этому. Реклама боксерских перчаток, быстрых скакалок, спортивного напитка, и бренд сексуальных, плотных, белых боксерских трусов.

Он, несомненно, смотрится очень аппетитно в этом.

Этой ночью мы оба голые и прелестно переплетены, и мой сексуальный голубоглазый лев сейчас, кажется, собирается долго ласкать меня, пока я не почувствую себя ухоженной до костей.

Он удерживает меня на своей стороне, в то время, как его голова упирается в изголовье кровати, и я замечаю, как его длинная массивная нога движется под простынями. Кажется, он даже не устал.

— Ты встаешь... скоро? — мягко спрашиваю я, поворачиваясь в его руках, ненавидя то, что сейчас я также использую момент.

— Я просто думаю. — Улыбаясь, чтобы успокоить меня, он мягко целует меня в губы. — Но, если я когда-нибудь выйду из-под контроля, находясь с тобой... — Он дотягивается к чехлу от своего ноутбука, что находится на тумбочке, и вытаскивает оттуда шприц с прозрачной жидкостью. Он вручает его мне с надетым колпачком.

Вздрагнув, я отмахнулась от него, как будто он собирается вколоть его мне в зад. — Нет, Реми, не проси меня этого.

— Это просто для того, чтобы удостовериться, что я не наврежу тебе.

— Ты никогда не навредишь мне.

Он издает стон и проводит свободной рукой по своим влажным волосам, испытывая расстройство. — Я могу. Я очень легко могу сойти с ума от тебя.

— Этого не случится.

— Ты не знаешь, что заставляешь чувствовать меня! Я... — Он закрывает рот, и его желваки беспокойно двигаются, когда он плотно сжимает челюсть. — Я ревную, Брук, когда я нормальный, — говорит он, выражение его лица очень мрачное. — Я не хочу знать, что собираюсь делать, когда становлюсь темным. Я ревную к Питу, к Райли, к твоему другу, к кому-нибудь, кто проводит с тобой время. Я даже ревную к самому себе.

— Что?

— Я ревную к тому, что нахожусь с тобой, не помня, что сделал тебе. Что ты сказала мне.

Мои внутренности разлетаются от нежности. — Я расскажу тебе, Реми. — Потянувшись, чтобы повернуть его сексуальную темную голову ко мне, я целую его подбородок.

Он все еще беспокойный.

— Иди сюда, Рем, — взяв шприц, я осторожно поставила его на тумбочку с его стороны, затем я притягиваю его голову к своей груди и целую его в лоб, массируя заднюю часть его шеи сильными ловкими пальцами. Он стонет, и его лицо плюхается мне на грудь, мгновенно расслабившись.

— Спасибо за то, что она приехала, — шепчу я в его волосы.

— Я могу сделать так, чтобы твои родители приехали. Хочешь? — Его вопрос звучит рассудительно, когда он водит носом по моему соску.

— Нет, — смеюсь я.

Он такой защитительный, и так неожиданно щедр, что мне просто хочется залезть в его массивное стройное тело, скрутится калачиком и жить внутри его большого доброго сердца потому, что это единственное место, где я бы хотела жить.

— Твоя сестра. — Он, кажется, очарован моим соском, глядя на него и потирая пальцем, в то время, как я продолжаю работать над его затылком. — Я собираюсь вернуть ее тебе, Брук.

Мой желудок сжался. Я определенно точно хочу, чтобы он забыл, что я даже упомянула о Норе.

— Нет, Реми, я думаю, что с ней будет все в порядке, и мы должны просто оставить ее в покое, пожалуйста. Просто дерись для меня и для себя. Хорошо?

Он остается в моих руках некоторое время, но когда мои руки замедляются, и я начинаю дремать, он встает.

— Поспи со мной, — неразборчиво стону я. — Не вставай.

Он возвращается со своим айпадом, и я прижимаюсь к нему словно магнит. Он поддерживает мое бедро и выключает для меня лампу.

— Ты навредишь своим глазам, — недовольно говорю я.

— Тссс, Мама, я только что уменьшил блики.

Он лижет меня, а я лижу его в ответ, и мы оба смеемся.

— Пит говорил тебе, что твои родители искали тебя? — спрашиваю я.

— Да. Я отправил им немного денег. Это то, что им нужно.

Я свела брови. — Они сказали, что хотели увидеть тебя.

— Он только так говорят. Они никогда не хотели меня видеть, пока мое лицо не стало популярным.

— Им должно быть стыдно. — Мне мгновенно захотелось оградить его и сделать так, чтобы он не чувствовал себя плохо, так что я беру его подбородок в руки. — Это также и красивое лицо.

Он посмеивается, и меня достигает мягкая вибрация. Наслаждаясь его близостью, его теплом, запахом его тела, я поворачиваюсь в его руках и прячу лицо в его шею, чтобы свет меня не беспокоил, и когда я задремала, то услышала какой-то хруст, и что-то жидкое капнуло на мою щеку.

Я нахмурилась. — Реми.

— Извини. — Он целует место, куда упала капля и слизывает ее, а я стону от непроизвольного желания.

Он игриво кусает мой рот, а его губы на вкус, как яблоко. Я люблю это, и вдруг во мне просыпается голод, и не к яблоку. Я люблю его запах, люблю чувствовать его, его глаза, его касания, я люблю спать с ним, принимать с ним душ, бегать с ним. Я схожу с ума. Схожу с ума от него. Ладно, я собираюсь поспать прежде, чем начну петь. Но вместо этого, я слышу собственный голос.

— Ремингтон... — вопросительно бормочу я, мой голос слабый, но уже хриплый от возбуждения.

Он кладет свой айпод в сторону и проводит рукой по моим изгибам. Он сжимает пальцы вокруг моей талии и привлекает меня к себе, где я могу почувствовать, что он тверд и готов. Я так же готова для него, я родилась готовой.

Он тянется, чтобы поцеловать меня, бормоча «Ммм», вот чего я ждала.

* * *

— Это так волнующе, самые лучшие-и-дорогие места. Либо ты делаешь чертовский минет, либо парень определенно влюблен в тебя, — решает Мелани, когда мы сидим в местах первого ряда по центру Подземелья Чикаго.

— Ну, мы еще не дошли до той части, поскольку остальное все еще является очень захватывающим, понимаешь? — говорю я Мел, но внезапно, только об этом я могу и думать. Предоставить человеку, которого я люблю восхитительный, непревзойдённый минет — это заставит его любить меня вечно.

Брови Мел взлетели вверх. — Ты сейчас хвастаешься мне?

— Нет! Я говорю на полном серьезе — без сарказма — признаюсь своей самой лучшей

подруге, что мне очень хочется, сделать своему парню мой первый минет, как только я смогу оторвать свой рот от его вкусных губ.

Случилось невероятное. Кажется, я только что заставила Мелани покраснеть. Она смотрит на меня с красным лицом, как будто я только что призналась ей в оргии. — Боже мой. Что ты сделала с моей подругой? Куда, черт возьми, она делась, пришелец? Брук, ты безумно влюблена в этого парня. С каких это пор ты говоришь со мной об этом?

Внезапно моя улыбка исчезает, а также и мой голос. — Пожалуйста, прекрати говорить слово на «Л», это только заставляет мой желудок сжиматься.

— Любовь. Ты любишь Ремингтона. Ремингтон любит тебя, — издевается Мел.

— Вот, девочка, — с игривой улыбкой я даю ей жевательную резинку, которую украла у Пита. — Положи себе в рот, хорошо? Она сделана из клея, и это сомкнет твой рот. Скажи мне, если заметишь где-то Нору.

— Я увидела ее в три часа.

От неожиданности у меня отошла кровь с лица. — Ты ее видишь?

У меня напряглось тело, когда я ее увидела. Это Нора. Глубоко внутри я надеялась, что это ночной кошмар, и эта девушка с кроваво-красными волосами, бледным лицом, и с тату черного скорпиона является кем-то другим. Но нет.

Это. Нора.

Эта грустная девушка.

И я должна спасти ее от самой себя.

Когда Нора садится через ринг напротив нас, я сжимаю руку Мелани и передаю в ее ладонь клочок бумаги. — Ладно, ты должна передать ей это, очень осторожно, так, чтобы те огромные типы возле нее ничего не заметили.

— Поняла. — Мелани размахивает своими волосами, собранными в конский хвост, и направляется в другую сторону ринга. Нора меня не увидела, но она напрягается, когда замечает Мелани. Мел проходит мимо, и как настоящая легкомысленная кокетка она наталкивается на одного из мужчин, затем наклоняется, чтобы извиниться перед Норой и гладит ее руки, как бы говоря, что все в порядке, и затем она возвращается назад на место возле меня.

Мои внутренности натянулись от напряжения, когда я наблюдаю за Норой. Она смотрит на колени и читает записку. Надежда и волнение вращаются во мне, когда она, кажется, читает ее во второй раз. Значит, она заинтересована?

— Сделано, — говорит Мелани, и когда Нора поднимает голову, она видит меня, ее карие глаза слегка загораются, и я издаю длинный благодарный выдох за то, что, по крайней мере, она не убегает прочь. Когда наши взгляды удерживаются несколько секунд, я улыбаюсь ей, просто для того, чтобы она поняла, что я хочу увидеться с ней «по-дружески». Она улыбается в ответ, слегка, почти неуверенно, и затем отводит свои глаза, когда ведущий начинает говорить. У меня вздымается грудь от еще большей уверенности спасти мою младшую сестренку, и вдруг я не могу дождаться завтра. Я молню, чтобы она пришла.

— И сейчааас, дамы и господа...

— Он выходит, — сжимает меня Мелани.

Само понимание того, что он собирается выйти вводит меня в гипер-возбуждение, и когда его имя выкрикивают в толпе, мое сердце набирает бешеную скорость, а моя кожа дрожит.

— ... Ремингтон Тэйт, ваш единственный, РАЗРЫВНОЙ!! РАЗРЫВНОЙ

Поприветствуем РАЗРЫВНОООООЙ!

Он выходит, как солнце после месяцев ночи, и ничто не остановит крики признательности. Он поднимается на ринг и сбрасывает с себя красную накидку, и вот он, в самом центре ринга. Он, как всегда, поворачивается в разные стороны, в то время, как толпа выкрикивает его имя, его мускулистые руки вытянуты, с видными венами, и крики становятся все громче и громче, потому, что людям нравится, как он поворачивается, его мальчишеское лицо и мужское тело, озорной блеск его глаз, который обещает им хорошее шоу. Он останавливается там, где всегда, и его голубые глаза говорят мне, что он знает, что он является бомбой, и что я хочу его, и тут он показывает свои ямочки, чтобы окончательно меня добить. Убить. Меня.

Тот факт, что я знаю, что этот мужчина ночью принадлежит мне, не позволит мне даже вздохнуть.

Но, к счастью, я смогла улыбнуться. Я просто разрываюсь от волнения, и могу только улыбаться ему в ответ со своего места.

Бой начинается, и я вместе с Мелани пускаю слюни, наблюдая за этими руками с тату, где гибко соединяются его плечи и бицепсы, созданы, чтобы нанести удар противнику. Его сила, его ноги, его скорость завораживает меня.

Мелани кричит ему все то, что я хочу ему сказать и даже больше, радуя этим меня. — Убей его, Ремингтон! Да! Да! Обожемой, ты Бог!

Смеясь с настоящей радостью, я обнимаю ее. — О, Мел, — вздыхаю я, а затем озорно шепчу, — Скажи ему, что он горяч.

— Почему бы тебе этого не сделать, маленькая курица? — Она сужает глаза и толкает меня плечом. — Ты, маленькая глупышка, скажи ему!

— Я не могу. Я никогда не смогу кричать в толпе. Как правило, я этого не одобряла, — признаю я, толкая ее плечом в ответ. — И я чувствую, что мой голос будет отвлекать его. Давай! Скажи ему от меня. Скажи ему, что он горяч.

Поднимаясь на ноги, Мелани приставляет руки ко рту и кричит. — Брук считает, что ты самый горячий парень, Реми! Реми, Брук любит тебя, Реми! Каждую твою частичку и каждый твой сантиметр!

— Мелани! — Потрясенная, я закрываю ее рот рукой и опускаю назад на место, но толпа сегодня настолько шумная, что я почти уверена, что он этого не услышал. — Возьми еще одну жвачку, Мел, — говорю я, мрачно глядя на нее. — И дай мне слово, что ты не будешь больше этого говорить снова, Мелани.

— О хорошо, я только скажу ему, что он так горяч и все.

Смеясь, когда я просто киваю, она снова встает и пихает меня в ребра, называя меня «курячий бутерброд», потому что я такая трусливая, и затем она продолжает кричать все те вещи, о которых я думаю, и о чем мне не хватает мужества закричать. Что он так горяч, что он бог, что он сексуальный зверь и так чертовски сексуален, что никто не может устоять...

Клянусь, если бы я только смогла кричать, я бы также закричала, что он мой, что я люблю его, что он мой сексуальный зверь... но я даже не могу подбадривать его среди толпы. И я понимаю, может, мне немного страшно, в конце-то концов. Потому что я никогда никому не отдавала своего сердца, до Ремингтона. И у него есть все возможности, чтобы разбить его так сильно, как он избивает своих противников.

Глава 11

Тайная встреча

Мы должны встретиться с Норой в небольшом японском ресторане, расположенном всего в нескольких кварталах от нашего отеля, но я чувствую себя ужасно отвратительно из-за лжи Ремингтону о сегодняшнем вечере.

– Я назначу деловую встречу со мной по поводу денег, – заверил меня Пит, когда мы встретились в тренажерном зале сегодня утром. – Я скажу, что вы с Мелани решили прогуляться, и что Райли подвезет вас после обеда, так что Реми может вместе со мной посмотреть его ежемесячные доходы.

Я кивнула в удовлетворении, но признаюсь, что я до сих пор не в восторге от этого. Совсем. Днем меня тошнит, и я вся на нервах, но даже тогда я заставляю свою тайную сторону, насладится тем, как Реми смотрит на меня с боксерского ринга, когда я машу ему у двери тренажерного зала. Я указываю на Мелани, – которая стоит рядом со мной во всей своей красе в мини-юбке и топе на бретельках, – и в то время говорю Реми одними губами: – Иду с Мел гулять.

Он снимает свой шлем для спарринга, чтобы улыбнуться мне, и быстро кивает, его глаза сверкают как всегда, когда он меня замечает, и, кажется, только рука Мел на моем локте удерживает меня от моего скоростного побега на ринг и целования его убийственно красивых ямочек.

Наверху я одеваюсь разумно и удобно в блузку на кнопках и строгие черные брюки.

– Я все еще не понимаю, почему ты не хочешь, чтобы Реми об этом знал, – говорит Мелани, когда Райли подвозит нас к ресторану.

– Потому что Ремингтон имеет склонность к доминированию.

– Что является очень сексуальным, я проверяла.

– Мел, это не кино. Я не хочу, чтобы он не смог сосредоточиться или вляпался в неприятности из-за меня.

Мел фыркает.

– Ты убираешь всю романтику из ваших отношений, Брук.

Я со стоном упираюсь лбом об окно в полном раздражении. – Мел, мне так плохо от всего этого. Пожалуйста. Люди, которые зарабатывают на жизнь, занимаясь тем, чем он, рассматриваются как смертельное оружие. Им нельзя на законных основаниях драться за пределами ринга, понимаешь?

– Да. Хотя, почему человек не может драться с голыми кулаками на улице в то время, как другие легально разгуливают с оружием, этого я не пойму. Мне действительно стоит пожаловаться сенатору.

– Хорошо, дамы, если вы оставите отправку письма в Конгресс на потом, мы приехали.

Мелани смотрит на Райли, открывающем заднюю дверь, а он наблюдает за ней в ответ, когда она выходит. Я понятия не имею, что с ними такое. Мелани, как правило, милая со всеми, и Райли обычно непринужденный и веселый.

– Спасибо, Райли, я скоро вернусь, – говорю я ему.

– Черта с два, я иду с вами.

– Мы в тебе не нуждаемся, – говорит Мелани, стреляя в него высокомерным взглядом с высоко поднятым носом, — мы с Бруки отлично справлялись двадцать четыре года без твоей

помощи.

– Я делаю это для Ремингтона, – сухо говорит Райли.

К счастью, они перестают спорить, когда мы входим в ресторан.

Ощущая тихую атмосферу, пройдясь одним взглядом, я замечаю облезлые зеленые стены, на которых расположены разные обрамленные картины тарелок с сырой рыбой. Затем я провожу взглядом вдоль десятка черных деревянных столов и замечаю, что все они свободны, кроме одного.

К моему удивлению, единственными людьми здесь, кроме нас трех, стоящих возле двери, являются обеспокоенный на вид японец, который ничего не делает, а просто наблюдает за нами из-за суши-бара; Нора, неподвижно сидящая за маленьким круглым столом в дальнем углу; три высоких, мускулистых мужчины, в которых я узнаю тех самых придурков, кому я надавала по голове в клубе; и, конечно, огромный неприятный Скорпион, сейчас направляющийся к нам, как будто он чертов хозяин вечера.

Я не знаю, подергал ли он за ниточки менеджеров ресторана, или он освободил помещение запугиванием или Бенджамином Франклином (долларами), но затем, кто в здравом уме захочет обедать с такими типами, вроде их?

Ну. Видимо моя сестра.

Нора всегда была самой романтичной из нас, всегда хотела "спасти" каких-то кота, собаку, крысу или парня. У меня никогда не было романтического волнения, которое она, казалось, так решалась испытывать, пока я не встретила Ремингтона, конечно.

Не буду отрицать того, что я возьму все, что этот парень преподнесет мне.

Теперь я вижу, как Скорпион подошел к нам, и его огромное мускулистое тело, и на миг я моментально пожалела, что Реми не знает, что я здесь.

Внутри меня прорастает зернышко страха.

Страх не только от этих людей, но и от того, что сделает Реми, когда узнает, что я вообще была здесь с ними. Для меня так в новинку быть в отношениях. Я даже не знаю, что он сделает ради меня. Но я знаю, что сделаю что угодно ради него. В том числе удостоверюсь, чтобы он по-прежнему не знал о моей встрече с Норой.

Я только надеюсь, что не пожалею, втягивая в это Пита и Райли.

Нервничая, я задерживаю дыхание, когда Скорпион останавливается в шаге от нас, его глаза зеленые и неприятные. От этого, в сочетании с запахом рыбы, исходящего от бара, меня начинает слегка тошнить. Все, что можно увидеть на его отвратительном лице – это черная татуировка. Я не понимаю, зачем кому-то нужно такое животное на лице. Это 3D-татуировка, и скорпион, кажется, ползет вверх к его глазам.

– Что ж, разве это не маленькая шлюха. – Он бросает словами, как камнями в меня, затем насмешливо смотрит за моим плечом. – Где Разрывной? Опять прячется за твоей юбкой?

Во мне бушует беспомощный гнев, заставляя мое горло стянуться от моих слов.

– У него были дела поважнее.

Он пристально смотрит на меня, затем на Мелани и Райли.

– Только ты, – говорит он, указывая на меня пальцем, – можешь пройти.

Я начинаю проходить, но он останавливает меня рукой, и кровь приливает к лицу, он, как будто в нетерпеливом ожидании. – Сначала, ты должна поцеловать скорпиона. – Подло сверкая глазами, он указывает на отвратительного черного скорпиона на своей щеке, его зубы блестят, весь его рот внутри покрыт алмазами.

Его требование проводит в ужас и настоящий шок все мои внутренности, и я сжимаю губы в ответ, когда мой взгляд падает через его плечо, вдоль маленького ресторана, к угловому столику, где сидит Нора. Я встречаю медового цвета взгляд моей сестры, и на меня обрушивается отчаяние от пустоты в ее глазах.

Как я могу позволить ей делать это с собой? Я не могу.

Я просто.

Не могу.

Скорпион хочет повеселиться, унизив меня. Он хочет показать мне, что сегодня он во власти. Но он не сможет унижить меня, если я не покажу, какое отвращение я чувствую от его требования.

Сильно пытаюсь убедить себя, что это ничего не значит, я делаю ложно устойчивый шаг вперед. Но все мое тело напрягается от того, что я собираюсь сделать, и на моей коже вспыхивает ужасное смущение.

– Брук, – предостерегающе говорит Райли, что также звучит, как просьба.

Но если я не поцелую эту дурацкую татуировку, то потеряю Нору, или рискну втянуть Ремингтона разбираться с этими неудачниками, и я просто не могу этого допустить.

Взгляд этого ужасного человека чувствуется, как змея, скользкая по мне, когда он смотрит, как я приближаюсь, но все, на чем я могу сосредоточиться, это моя сестра за столом позади него. Я делаю глубокий вдох, запрещая себе дрожать.

Когда я делаю последний шаг, внезапно его условие кажется мне таким же невозможным, как и если бы он сказал мне взобраться на гору Эверест и выкопать яму глубиной до подножья. Мой желудок скручивается в знак протеста, и я опасно близка к рвоте при виде черного ползущего насекомого с близкого расстояния.

Он воняет рыбой и настоящим жалким кретином.

Хотелось бы мне иметь смелость попытаться выбить из него дерьмо.

Вдруг в моей голове проносится яркое воспоминание того, как мой папа смотрел шоу под названием "Фактор страха", где люди делали разные неприятные вещи, такие как залезть в коробку с живыми змеями и скорпионами. Если люди могут делать это за деньги, я, конечно, сделаю это для моей сестры.

Оттолкнув свою гордость в сторону, и собрав всю свою решимость, я заставляю себя вытянуть губы так сильно, что они напоминают скалы, когда я встаю на цыпочки. Тошнота поднимается к моей груди еще даже до касания.

– Посмотрите на это, чертова шлюха Ремингтона целует Скорпиона. – Его головорезы презрительно выплевывают слова, и от унижения от этих слов мне так сильно хочется убежать и спрятаться, как никогда. Чувствуя отвращение к себе, я быстро глотаю воздух и стаю обратно на ноги.

– Вот. Сделано, – говорю я, ненавидя то, как мой голос дрожит.

Звучит его глубокий, мрачный, и ужасный смех, когда он обращается к своим громилам.

– Разве она поцеловала меня? Разве сучка Разрывного на самом деле поцеловала Скорпиона? Я так не думаю. – Его круглые зелено-желтые глаза возвращаются ко мне, и в сочетании с этим блеском, я не чувствую сейчас себя очень сильной. – Я не почувствовал твоего поцелуя. Сейчас ты оближешь это. – Он опять излучает мне своей алмазной решеткой.

От ужаса у меня округлились глаза, и моя решимость встречи с сестрой горестно колеблется при мысли лизать какую-нибудь часть этого человека. Обожемой, я так хочу

убежать отсюда, я уже чувствую, как мои вены расширяются, качая кровь в мышцы, готовясь бежать. Бежать к машине, назад к моему Реми.

Райли хватает меня, его лицо обеспокоенное.

– Брук, – говорит он в предостережении. Это возвращает меня к тому, зачем я здесь, и я быстро вырываюсь и опять стою лицом к Скорпиону.

Как я могу уйти? Как иначе я смогу поговорить с Норой о том, в какое дерьмо она влипла? От одной только мысли о ней в объятьях этого слизняка мне становится противно. Как я могу видеть ее с этим извращенцем и ничего не делать, чтобы помочь ей? Сглотнув болезненную сухость в горле, я поднимаю лицо с ложной храбростью, отчаянно пытаюсь сделать что-нибудь, кроме облизывания этого ужаса на отвратительной щеке этого мужчины.

– Я поцелую это, даю слово.

Фактор Страх.

Ты можешь сделать это ради Норы.

Если ты смогла пробежать сто метров за 10,52 секунды, значит, ты сможешь поцеловать тупой талисман на коже этого неудачника!

В его глазах таится зло, когда он задумчиво изучает меня, затем насмешливо говорит ко мне сверху вниз.

– Если ты не собираешься лизать это, тогда тебе придется задержаться на этом хотя бы пять секунд, хм? Сучка Реми? Давай. Поцелуй скорпиона. – Он тычет в скорпиона, и мой желудок охватывают судороги, когда я очень стараюсь придать своему лицу пустое выражение и показать Человеку Насекомому, как я равнодушна к его отвратительному требованию.

Сделав глубокий вдох, я запрещаю своим коленям дрожать, когда я встаю на цыпочки, вытянув губы, и зажмурив глаза. Отвращение и ярость охватывают мои внутренности, когда мои губы прикасаются к его сухой разрисованной кожи. Удерживая контакт, я чувствую себя отравленной внутри, когда это длится пять секунд, в моем сердце нарастает злость. Оскорбленное, скрученное в полном и абсолютном смущении. Мои ноги дрогнули, когда проходит еще одна секунда, и мой организм парализован в этом мучении, где каждая унция (единица веса; = 28,3 г) моего тела отталкивается от этой Гнили и только сила воли удерживает меня на пальцах.

Это самые длинные пять секунд в моей жизни. Когда мое оскорбление выходит за рамки унижения, злость выходит за рамки понимания, и я чувствую себя так же плохо, как тогда, когда увидела видео моего падения на YouTube.

– Ладно, – С широкой отвратительной улыбкой, когда я отступила, удивляясь земле под ногами, он вытягивает свою огромную руку в сторону Норы, и я, шатаясь от ненависти к себе, держу спину ровно, поворачиваю голову к Норе, борясь с желанием пойти на кухню и вычистить свой рот. Он чувствуетея грязным и дешевым. Нет, не так. Я. Я чувствую себя грязно и дешево, и от мысли поцеловать моего прекрасного Реми этим самым ртом, на глаза наворачиваются слезы, и сжимается горло.

Я чувствую себя полностью истощенной, когда прохожу к столику сестры. Вокруг нас свободные столы с поднятыми стульями, кроме нашего маленького столика с электрической свечой по центру и с палочками на четырех.

– Нора. – Мой голос обманчиво мягкий, но внутри у меня масса противоречивых эмоций, даже обида на мою сестру за то, что она сидела здесь и наблюдала за тем, как я должна была поцеловать тату ее мерзкого парня. Но увидев безжизненное выражение ее

лица, я просто осознаю, что девушка напротив меня, стройная и хрупкая, бледная на самом деле не счастлива, это не моя сестра.

Достигнув ее руки на столе, я опечаливаюсь тем, что она не позволяет мне держать ее, и вместо этого она засовывает ее под стол, слегка шмыгая носом. Мгновение мы смотрим, друг на друга в тишине, и мне кажется, что вид черного скорпиона, ползущего в глаз моей сестры – это наиболее тревожная вещь, что я когда-либо видела в жизни.

– Ты не должна находиться здесь, Брук, – говорит она, не сводя глаз с мужчины, Райли и Мелани, тихо поджидающих у двери. Когда наши глаза опять встречаются, я потрясена от враждебности в ее взгляде, открыто направленной на меня.

Внезапная злость охватывает меня тоже, и я сузила глаза.

– Мама хочет узнать, понравились ли тебе крокодилы в Австралии, Нора. Ей понравилась открытка, которую ты прислала, и она не может дождаться увидеть, куда еще ты направилась. Ну? Как тебе крокодилы, сестренка?

Ее голос пропитан горечью, когда она отвечает.

– Очевидно, я не знаю. – Она вытирает тыльной стороной ладони нос и смотрит в сторону, хмурясь от упоминания о маме.

– Нора... – Понизив голос, я указываю на пустой японский ресторан, включая Скорпиона и трех громил, которые наблюдают за нами из суши-бара. – Это то, чего ты честно желаешь для себя? У тебя вся жизнь впереди.

– И я хочу прожить ее собственным путем, Брук.

В ее голосе слышится защитительный тон, и я стараюсь не звучать агрессивно.

– Но почему здесь, Нора? Почему? Мама и папа были бы убиты горем, если бы узнали, во что ты впуталась.

– Я хотя бы уберегла их от правды! – отрезала она, и это первая искорка жизни, которую я реально увидела в ее золотых глазах.

– Но зачем тебе делать это с ними? Зачем бросать колледж из-за этого?

– Потому что я устала от их сравнения меня с тобой. – Пристально смотрит она, и затем говорит таким насмешливым голосом, что напоминает нашу мать, когда она жалуется. – "Почему ты не делаешь это, как Брук?" "Почему бы тебе не заняться чем-то значимым в жизни, как Брук?" Они просто хотят, чтобы я была похожа на тебя! А я не хочу. Какой в этом смысл? Взрослея, ты пропустила все самое интересное, пытаюсь, стать золотым медалистом, и теперь ты не только не Олимпийский претендент, тебе даже нельзя больше заниматься бегом.

– Я больше не могу заниматься бегом, но я все еще могу надрать тебе задницу прямо сейчас, – сердито говорю я, чувствуя боль от тех слов, что она мне сказала.

– Ну и что? – продолжает она. – Ты была самым лучшим атлетом в колледже. Все только и говорили о том, какой талантливой ты была, и как ты собиралась использовать это. Это все, что ты делала, и о чем ты говорила, а теперь посмотри на себя! Ты даже не можешь заниматься тем, что так любила и в конечном итоге закончишь, как мама и папа, будешь жить в прошлом, со своими глупыми старыми медалями, которые до сих пор висят в твоей спальне!

– К твоему сведению, именно сейчас я намного счастливее, чем когда-либо была, Нора! Если бы ты была хоть немного внимательнее, ты бы поняла, что моя жизнь продолжается, и в таких местах, в которых я даже не представляла себе побывать. Ты хочешь быть независимой? Мы поняли это. Вперед! Только будь независимой самостоятельно, а не с

каким-то мужчиной, который заставляет меня лизать его грязную татуировку, чтобы увидеться со своей сестрой!

– Мне нравится, что он защищает меня, – выпаливает она. – Он борется за меня.

– Борись сама за себя, Нора. Я обещаю, это предоставит тебе намного больше удовольствия.

Нора сердито шмыгает носом, и проводит по нему рукой, глядя на свечу, между нами возникает тишина. Я еще раз нарушаю ее своим голосом.

– Нора, ты принимаешь кокаин?

Моя сестра, кажется, отказывается отвечать и не реагирует, что лишь удваивает мое беспокойство и разочарование.

– Возвращайся домой, Нора. Пожалуйста, – умоляю я шепотом так, чтобы только она могла услышать.

Она дотрагивается пальцем к своему носу, затем поднимает свой взгляд на меня, продолжая вытираться. Всклипывая.

– Ради чего мне возвращаться домой? Чтобы стать человеком, потерявшим свои возможности в двадцать два, как ты?

– Лучше потерять свои возможности, чем вообще ничего не достичь. Что ты сейчас творишь? Разве ты не хочешь закончить колледж?

– Нет, это то, чего хотела ты, Брук. А я хочу весело проводить время.

– Серьезно? И тебе было очень весело? Потому что я больше даже не вижу признаков улыбки на твоём лице. Тебе может, не понравится тот факт, что я не смогла достичь своей мечты, как хотела, но меня это больше не волнует. Оказывается, мне нравится, куда меня занесло, Нора. Я этого не планировала, правда, но у меня случилось столько других событий. Лучших событий. У меня отличная работа, я работаю с восхитительными людьми, и у меня завязались первые отношения в моей жизни.

– С Разрывным? – с иронией говорит она. – Разрывной не завязывает отношений, сестренка. Женщины везде бросаются на него. Он обходится с ними, как со своими противниками, трахает всех их, едва спрашивая об имени. Я видела его до того, как ты сюда попала. Не забывай, я нахожусь в этом окружении дольше. Однажды его взгляд упадет на кого-то другого, и ты также станешь его бывшей девушкой!

– А твой дорогой Скорпион будет хотеть тебя всю вечность, тоже? Нора, мужчина, с которым ты связалась, не выглядит верным, – шиплю я, взглянув на него через плечо. Он улыбается дьявольской улыбкой, как будто он слышит каждое слово, и вдруг меня поглощает тяга к своему мужчине, чтобы он встретился на ринге с этим придурком и убил его. И у меня нет сомнений, что Реми так сделает. Набьет его до полусмерти. Может тогда Нора оставит этого сосунка.

– Бенни добр ко мне, – объясняет Нора, слегка пожимая плечами. – Он заботится обо мне. Он дает мне то, что мне нужно.

– Ты имеешь в виду кокс? – резко говорю я в чистой ярости.

Она морщится, и я сразу жалею, что опять заставила ее занять оборонную позицию.

Между нами возникает напряженная тишина, и я сжимаю руки у себя на коленях, пока мои ногти не впиваются в ладони. Таким образом я пытаюсь успокоиться и продолжаю осторожно уговаривать ее.

– Пожалуйста, Нора. Ты заслуживаешь гораздо большего.

– Время вышло! – Издаётся предупреждающий громкий хлопок, и Нора вздрагивает, что

только подтверждает мои подозрения. Она не хочет возвращаться домой, но она также и не хочет находиться здесь. Она думает, что ей некуда деться, и она не может уйти потому, что приняла так много кокаина, что я не могу себе даже представить. Черт.

– Если не хочешь снова поцеловать скорпиона, попрощайся с ней сейчас. – Скорпион грозно стоит с моей стороны, его глаза блестят тем змеиным желто-зеленым цветом, который говорит мне, как бы ему хотелось снова унижить меня.

Нора встает, и сквозь меня проходит паника, что возможно, я ее больше не увижу. Я вскакиваю на ноги, испытывая гамму непонятных эмоций. Я хочу обнять свою сестру и сказать ей, что все будет хорошо, и в то же время мне хочется ударить ее за то, что она такая упрямая и глупая.

Вместо этого, я обхожу стол, чтобы обнять ее, не обращая внимания на то, как она становится более ожесточенной. Я направляю губы к ее уху и говорю нежным, как хлопок тоном.

– Пожалуйста, позволь мне забрать тебя в Сиэтл. В конце боя в Нью-Йорке, встретимся в дамской комнате, у меня будут два билета домой. Ты не должна здесь оставаться, но тебе нужно время, чтобы подумать об этом. Пожалуйста. – Отстраняясь, я многозначительно смотрю на ее лицо.

В ее выражении мелькает тень тревоги, затем она кивает, шмыгая носом, и оборачивается, чтобы уйти. Вид ее удаляющейся спины, направляющейся к черному входу заставляет меня чувствовать себя так, как будто я только что потеряла что-то очень дорогое для меня.

Мой желудок замирает, и я чувствую на себе круглые зеленые глаза Скорпиона, когда направляюсь к Райли с Мелани и ухожу. И я не могу избавиться от ощущения полной и абсолютной грязи в себе.

– У кого-нибудь есть жидкость для полоскания рта с собой? Мне кажется, у меня будет сыпь, – спрашиваю я, когда Райли везет нас в Эскаладе назад.

Мел задумчиво хмурится.

– Не могу понять, почему ты чувствуешь себя настолько отвратительно, здесь же нет ничего страшного. Я имею в виду, что я целовала более грубых мужчин в более неприличные места тела, понимаешь? В том, что сделала ты, нет большой проблемы.

– Это чертовски большая проблема! – Кричит Райли за рулем. – Брук, не хочу тебя огорчать, но Ремингтон все узнает об этом, и тогда он станет очень, **ОЧЕНЬ ТЕМНЫМ!**

У меня сжимается желудок, и я качаю головой, изо всех сил стараясь быть спокойной. Я совершенно не хочу вспоминать о том, как я целовала эту отвратительную татуировку. Никогда.

– Он не узнает, если ты ему не скажешь, Райли. Почему бы нам не расслабиться?

– О чем он говорит? – спрашивает Мел в недоумении. – Что значит "темный"?

– Эти люди сделают так, чтобы он узнал, Би. И это будет больно, – утверждает Райли.

Я нахмурила лицо, раздумывая, намеревались ли они это сделать, когда я приехала. Было ли это все спланировано, чтобы узнал Реми? Качая головой, я смотрю в осуждающие светлые глаза Райли в зеркале заднего вида.

– А чего ты от меня ожидал, Райли? У меня нет таких кулаков, как у этого ублюдка, и я должна использовать другие средства, чтобы получить то, чего хочу. А я хочу освободить свою бедную сестру от этого дерьма!

– Иисус, дай Бог, чтобы она того стоила.

– Она стоит, Райли. Стоит. Она появится после финального боя в Нью-Йорке. Она моя сестра. Я готова поцеловать тротуар и лизнуть унитаз, лишь бы с ней было все в порядке, ты должен понять!

– Это так отвратительно, Брук, – визжит Мел, смеясь.

– Рем мне как брат, Би. Это будет... – Райли качает головой и, кажется, направляет всю свою злость на свои волосы, взлохмачивая их пальцами. – Давай просто будем надеяться, что он не узнает о том, что ты... – Он снова качает головой, зажав волосы другой рукой. – Он много сделал для меня. Для моей семьи, когда мои родители заболели. Реми хороший. Охренительный. Человек. Он не заслуживает...

– Райли, я люблю его. – Слова просто вырываются из меня из-за той боли и разочарования, что я поцеловала его врага. – Ты действительно веришь в то, что я намерена причинить ему боль? Я не хочу ввязывать его в это, потому что я люблю его. Разве ты не видишь? Я не хочу, чтобы он становился темным из-за меня. Боже!

Райли останавливается на красный свет светофора, и снова смотрит в мои глаза через зеркало заднего вида. Поджав губы, он кивает.

– Я понял это, Би.

Я мгновенно почувствовала себя открытой и уязвимой. Я заерзала на сидении.

– Пожалуйста, не говори ему. Не только о сегодняшней неудаче. О другом тоже.

Он молча кивает, и когда мы направляемся к нашему номеру, я добавляю, – Райли, спасибо, что пошел с нами. – Он кивает, и когда он уходит, игнорируя Мелани, она глазами кидает в его сторону кучу невидимых ножей.

– Этот парень действует мне на нервы.

– Думаю, ты также действуешь на него.

– Думаешь? – Она хмурится на меня, затем ее глаза расширяются в недоверии. – Ты имеешь в виду, что я ему не нравлюсь?

Со стоном от ее тупости, я толкаю ее в его сторону. – Мел, просто иди и займись им.

– Он мне даже не нравится, – утверждает она, но я уже развернулась к лифту, чтобы подняться в номер. Я открываю дверь комнаты с диким ожиданием увидеть его.

Он сидит за столом с открытым ноутбуком с наушниками в ушах. Он поднимает голову, когда я подхожу, и когда его мужественное красивое лицо с этими душераздирающими глазами смотрит на меня, мои внутренности бросает в дрожь, и я не могу ее унять.

Его колючие черные волосы отблескивают в мягком освещении номера, в этих удобных тренировочных брюках и облегающей футболке он излучает чистую грубую мужественность. От вида, как у него открывается рот, внутри меня зарождается сильный голод, и мне становится просто физически больно от желания почувствовать этот рот на мне. Его руки на мне. Его голос, который говорит, что все будет хорошо. Потому что с каждой проходящей секундой, я ненавижу себя все больше и больше за то, что я сделала.

Но Реми защитил меня от своих поклонников, и я бы хотела тоже его защитить от этого. От чего угодно. Особенно от Скорпиона. И я уберегу его так, чтобы единственным местом, где он должен с ним столкнуться, был ринг, где я с удовольствием буду наблюдать за тем, как он заставит того ублюдка желать смерти.

Чуть не разрываясь от всех своих эмоций, я запрыгиваю к нему на колени, затем снимаю его наушники и на миг надеваю их себе, чтобы послушать, что он слушал. Сумасшедшая дикая рок-песня стучит в моих ушах, и я хмурюсь в замешательстве.

Он наблюдает за мной своими потемневшими голубыми глазами. Приспуская веки, он

наклоняется, чтобы поцеловать мой нос. Удерживая мой подбородок, он чувственно проводит пальцем по моему рту. У меня в желудке все переворачивается, и я боюсь, что Реми реально может увидеть мой страх и отвращение к себе, которые я затаптываю внутри.

Отбрасывая наушники на стол, я быстро встаю на ноги и спешу в ванную. Чувствуя в себе какую-то измену, я чищу зубы и добавляю полный рот ополаскивателя. Едва я выхожу из ванной комнаты, как вдруг мне нужно вернуться и повторить это еще раз. У меня такое ужасное ощущение на коже. Клянусь, что кажется, будто по щеке ползал живой скорпион, и это ощущение мучает меня.

Наконец я выхожу. Мой рот мятлый и свежий, и даже губы онемели от чистоты.

Реми отставил наушники в сторону. Все его внимание направлено на меня, он приподнимает брови, наблюдая, как я возвращаюсь. Он кажется сбитым с толку и слегка подозрительным.

Его вид заставляет меня заволноваться, и боюсь, что в любую секунду я потеряю самообладание. Ненавижу чувство, будто я его больше не заслуживаю, даже, когда все чего я хочу – это держать его в безопасности и в стороне.

В своей жизни я никогда ни о ком не хотела так заботиться, как хочу любить и заботиться о нем.

У меня встает болезненный ком в горле.

– Реми, – неразборчиво говорю я, мое сердце колотится потому, что не знаю, как я справлюсь, если он спросит меня о сегодняшнем дне. – Подержишь меня немного?

Я отчаянно хочу побыть в своем особенном месте – в его руках – месте, которое мне подходит, как ничто другое. Он всегда делает идеальный уголок для меня, поглощающий меня, как гнездо, теплее чего-угодно. Я настолько сильно этого хочу, до боли в груди.

Я жду, немного покачиваясь. Думаю, он замечает это и смягчается.

– Иди сюда, – мягко говорит он, смещая свой стул назад, он протягивает свою руку, и я нетерпеливо прижимаюсь к нему, меня охватывают его мужские объятия. Он усмехается, когда я пытаюсь стать к нему еще ближе. И я веду себя такой нуждающейся, но кажется, его это радует, так как у него появляются ямочки.

– Ты соскучилась по мне? – У него оживились глаза, когда он берет мое лицо в свои руки так, что я чувствую все его мозоли на своих щеках, и утешительное ощущение того, что только Реми может возбудить меня.

– Да, – задыхаюсь я.

Он придвигает меня ближе, приятно прижимает меня к своей груди и опускает свои губы к моим. Наши губы сначала нежно касаются, затем поцелуй углубляется и, когда он открывает их, мягкое дыхание овладевает моим ртом. Его язык заставляет дрожь желания проноситься сквозь меня.

Его пальцы двигаются по моей груди, когда он проходит ртом по моему подбородку и опускает нос возле моего уха, вдыхая мой запах. Я тихо стону от удовольствия, в голове стучит кровь, оживленно поступившая от сердца. – Реми... – умоляю я, хватая его футболку и поднимая ее вверх.

Он хватается ткань в кулак и сильным рывком снимает ее через голову, и мои руки быстро скользят по его груди, а я целую каждую доступную часть.

– Я так скучала по тебе, – я задыхаюсь от возбуждения, целую его ключицу, его скулу. Хватая его волосы, я прижимаюсь лицом к его шее, делаю все, чтобы стать ближе к этому мужчине.

Он охватывает меня в объятиях и гладит меня по спине, затем поднимает мое лицо и шепчет, – Я тоже по тебе скучал, – целуя меня в губы, затем в кончик носа, и в лоб.

Я дрожу от его признания. – Но я скучала по твоему голосу. По твоим рукам. По твоему рту... по тому, чтобы быть с тобой... наблюдать за тобой... пахнуть тобой... – я замираю. Он так хорошо пахнет, как всегда чистый и мужественный. Я более отчаянно лгну к его губам.

Он отвечает на мой поцелуй, сначала медленно, затем более напористо, расстегивая мою рубашку и раздевая меня быстрыми руками.

Я знаю, что он не выражается словесно, как я, но я чувствую его жгучую потребность, когда он хватается за бедра и сажает к себе на колени, как будто ему нужно быть внутри меня так, как я нуждаюсь, чтобы он наполнил меня. Я обнаженная, а он все еще в спортивных штанах, но я умираю от любви и необходимости выразить ему себя физически.

Все мое тело сжимается, когда его эрекция располагается и пульсирует между моих бедер, и во мне бушует дикая потребность дать ему то, что я никогда не давала ни одному мужчине.

Неудержимо дрожа, я проскальзываю между его сильных ног, в то время, как он снимает свои штаны, приспустив их почти к бедрам. Я вижу его звездную татуировку, затем появляется его эрекция, и в этот момент я стаю коленями на ковер, мои пальцы и руки покрывают все его тепло, его твердость, его тяжелые яички, заголенные для меня.

– Я хочу поцеловать тебя здесь... – Мой голос дрожит от желания, когда я смотрю на его возбужденное лицо глазами, которые я едва ли держу открытыми от жажды, – Я хочу утонуть в тебе, Ремингтон. Я хочу ощутить твой вкус... в себе...

Издается горловой звук абсолютного удовольствия голодного мужчины, когда я беру его в рот, своими пальцами он убирает мои волосы. Он покачивает бедрами, медленно приближаясь к моему рту, осторожно давая мне то, чего я просила, и, принимая то, что я отчаянно хочу дать.

Мое влажное влагалище пылает от каждой отведавшей капли спермы, и я так опьянена от этого мужчины, я не могу перестать наслаждаться грубым взглядом на его лице, когда я двигаю языком вдоль всей его твердой длины.

Он также на пределе, как и я, когда я действую зубами, посасываю его кончик, затем беру его глубоко к горлу пока не приходится подавить в себе рвотный рефлекс, и мне все еще мало, мне никогда не будет достаточно этого мужчины. И когда он бесконтрольно вливается в мой рот, держа мои волосы в кулаке, и его мышцы натягиваются от оргазма, я вдруг замечаю, что его глаза чуть менее синие, когда он смотрит на меня.

Он определенно быстрый.

Супер. Совершенно. Быстрый.

С медицинской точки зрения, Пит говорит, что это называется "маниакальный".

И он предполагает, что это случилось из-за ночи, когда я пошла с Мелани и Райли, во время их встречи по поводу доходов. Реми, по всей видимости, задал только три вопроса Питу, и ни один из них не имел никакого отношения к деньгам, о которых объяснял тот.

"В какое время она сказала, что вернется?"

"Ты уверен, что Райли привезет ее?"

"Какого черта они так долго?"

Пит говорит, он закрыл тему о деньгах и отправил Ремингтона в свою комнату, как только Райли написал, что мы на пути назад. И именно тогда я обнаружила его, как он слушал самую громкую рок-песню в моей жизни с мрачным, задумчивым выражением лица.

Неужели он думал, что я не вернусь?

И является ли это тем, чем он занимается, когда внутри у него все переворачивается? Слушает хард-рок?

Я не знаю. Я знаю только то, что у нас было четыре раза той ночью, как будто ему нужно было утвердиться на мне еще больше. И сейчас из Реми полностью исчезли признаки злобы, но, кажется, будто он принял Red Bull 24/7.

Он как будто полностью заряжен.

Его обычная самоуверенность в десятой степени.

Сегодня утром он нападает на меня в постели, как лев.

– Ты выглядишь особенно хорошо, Брук Дюма. Хорошая, и теплая, и влажная, и я бы не отказался от тебя на блюде для завтрака. – Он проделывает языком влажную линию между моей груди, затем облизывает мою ключицу так, как всегда делает мой лев. – Все, чего не хватает, это вишенки сверху, но я уверен, что у нас найдется парочка.

Я таю от озорства в его глазах, когда он показывает в руке вишню, и я понимаю, что он наверняка принес ее из кухни ночью, и ждал момента, когда я проснусь, чтобы набросится на меня.

Господи, он действительно хищник.

Сонно застонав, я переворачиваюсь на спину и смотрю на его останавливающее-сердце красивое лицо. Щетина. Темные мерцающие глаза. Улыбка с ямочками.

Боже, я обречена.

– Кто твой мужчина? – хрипло спрашивает он, целуя меня, и потирая вишней клитор. – Кто твой мужчина, детка?

– Ты, – стону я.

– Кого ты любишь?

Мои ноги сотрясаются от того, как он мучает мой клитор вишней и в то же время проникает внутрь одним длинным пальцем, а я с изумлением смотрю в его глаза. Я вижу маленькие крупинки синего в их таинственных глубинах, и о, я отчаянно хочу сказать ему, "Тебя, я всегда любила только тебя", но не могу. Не так, не тогда, когда он может не вспомнить.

– Ты сводишь меня с ума, Реми, – шепчу я, и нагло хватаю его член и с нетерпением направляю его к себе так, чтобы он смог заполнить меня, и сделать так, чтобы на мне был его запах снова.

* * *

Всю неделю он проводит на высоком режиме обслуживания, и я едва в состоянии угнаться за ним, но я действительно люблю это. Я нахожусь в состоянии эйфории вместе с ним. Его улыбки сияют. Теперь во время тренировок ему нужно делать перерывы на секс. Он не может видеть меня, не желая трахнуть меня. Когда я иду работать над его растяжкой, он хочет меня от одного моего касания к нему.

Теперь я замечаю, когда он темный, его глаза на самом деле не черные, но действительно темно-синие, с серыми и синими крапинками. Но его настроение... так или иначе, является мрачным. Не всегда, но порой да. Он либо бодрый в высшей степени, либо просто невыносим. Иногда его ничего не радует. Диана кормит его дерьмом. Тренер

недостаточно сильно его тренирует. А я слишком много смотрю на Пита. Ради Бога.

И как бы нелепо это не звучало, но это становится большой проблемой для Реми, и сейчас кажется, что его энергия и выносливость поглощает весь мой день, а я просто стараюсь не отставать.

– Ради кого все эти люди здесь? – спрашиваю я, когда мы приземляемся в Нью-Йорке и обнаруживаем толпу зрителей, что выстроились в очередь возле FBO ^[5], где он расположил свой реактивный самолёт, и их едва сдерживают желтые ленты и охрана аэропорта.

– Ради меня, кого же еще, – заявляет он.

Он звучит так нахально, что даже Пит, хмыкает и говорит, – Хватит, Реми.

Он заманчиво хватает меня к себе.

– Иди сюда, детка. Я хочу, чтобы эти ребята знали, что ты со мной. – Огромные руки хватают мои ягодицы, когда вспышки прекращаются.

– Ремингтон!

Он смеется и заводит меня в лимузин Хаммер, прежде чем все остальные заберутся внутрь, он прижимает меня к себе, и целует меня так, как будто это наша последняя ночь в живых, его голод дикий и высвобожденный.

– Я хочу увезти тебя куда-то сегодня, – говорит он хрипло в мой рот. – Поехали в Париж.

– Почему Париж?

– А почему бы и нет, черт возьми?

– Потому что у тебя бой через три дня! – Мне становится смешно, когда он такой. Я хватаю его и целую в ответ, глубоко и быстро, пока никто не зашел, и шепчу, – Идем куда угодно, где есть кровать.

– Давай сделаем это во время поездки.

– Ремингтон!

– Сделаем это в лифте, – настаивает он.

Смеясь, я погрозила указательным пальцем на своего большого, плохого, непослушного мальчика.

– Я никогда не буду делать этого в лифте, так что тебе придется найти для этого кого-то другого.

– Я хочу тебя. В лифте.

– И я хочу тебя. В постели. Как нормальные люди.

Его взгляд опускается ниже моей талии, и его выражение сменяется с игривого улыбающегося секс-бога в темного, жаждущего секс-бога.

– Я хочу тебя в этих брюках, что на тебе.

Чувствуя тепло и желание, я киваю, ухмыляюсь, и переплетаю свои пальцы с его, целую каждый ушиб на его костяшках пальцев.

Он с любопытством наклоняет голову, и его ямочки медленно исчезают. Похоже, что ему никогда не придавали таких знаков внимания, до меня. Вдруг от этого мне захотелось дать ему больше.

Так я и делаю.

Приближаясь ближе к нему, я беру в руки его подбородок и целую его жесткую щеку, запускаю руки в его волосы, наблюдая за тем, как его взгляд становится тяжелым от желания и чего-то еще. Чего-то, что заставляет его глаза выглядеть загадочно темными и чистыми.

Двери машины открываются.

Тренер сидит спереди лимузина, а Пит, Райли и Диана сидят на сидениях напротив нас. Реми сжимает мои пальцы, когда я пытаюсь ослабить, – этим жестом он говорит мне не делать этого, – затем он сползает на край своего сидения, и опускает свои большие плечи, как будто пытаюсь, стать менее громоздким. Когда это оказывается невозможным из-за его роста и мышц, он хватает меня ближе к себе и устанавливает свою голову на моей груди, мягко ворча и затем вздыхая.

От удивления я не двигаюсь.

Пит поднимает бровь, наблюдая за тем, как Ремингтон еще крепче охватывает руками мои бедра, и привлекает меня ближе к себе, пока его голова не лежит идеально на моей груди. Он снова ворчит и вздыхает. У Райли поднялись брови. Диана ласково улыбается, как будто она просто таяла.

А я не только таю. Я становлюсь под ним жидкостью.

Мои родители, тренер и учитель, замечательные люди, но они не сторонники объятий и поцелуев как, например, моя подруга Мелани, которая была засыпана любовью, и теперь она распространяет это по всему миру, как будто это ее долг. Но то, как Ремингтон смотрит на меня, как не скрывает свое влечения ко мне даже своей публике во время его боев, и то, как он просто обнимал меня, как большой медведь в спячке, который только что нашел пещеру, заставляет меня чувствовать боль непостижимо глубоко.

Тихо, со всей нежностью в мире, я запускаю ногти в его темные волосы, затем провожу одним по его уху. Он надежно держит обе руки вокруг моей талии, каким-то образом удерживая меня ближе к себе, как будто бы он держал подушку.

– Ребята, вы хотите взять тайм-аут, когда мы доберемся до отеля? – спрашивает нас Пит, и его тембр так вибрирует, как будто его тронуло какое-то глубокое чувство.

Я поглощена погружением пальцев в его волосы, когда чувствую, как Ремингтон кивает на моей груди, даже не пытаюсь поднять свою тяжелую голову.

Я никогда не видела его таким тихим, когда он является маниакальным.

Или, чтобы он сидел совершенно неподвижно.

Ошеломленные выражения Пита и Райли полностью подтверждают, что у них также это впервые.

Когда мы попадаем в номера, нам приносят чемоданы в нашу комнату, и затем я делаю то, что всегда. Распаковываю свой и с самого начала устанавливаю свою маленькую косметичку скрыто под раковиной.

Реми смотрит на меня из двери с таким сильным желанием, что я перестаю чистить зубы, мой рот полон пены, когда я замечаю его взгляд. Он смотрит голодно. Дико. Почти в отчаянии. Я быстро умываюсь, поскольку он приближается и забирает с моих рук полотенце. Он не улыбается. Его темные глаза поглощают меня своей глубиной. Он легко поднимает меня на руки и несет обратно в комнату.

Я ничего не могу поделать с трепетом внутри меня, когда я прижимаюсь к его шее и дышу в нее, в то время как он опускает меня на кровать. Я думаю, что знаю, чего он хочет, но я не уверена. Так что мгновение я жду и смотрю на него.

Он снимает мою обувь и бросает в сторону, затем я слышу, как он сам опускается на пол.

– Я хочу чувствовать твои руки у себя на голове.

Я киваю и перемещаюсь назад, чтобы освободить место для него.

– Это успокаивает твой вихрь мыслей?

Он качает головой, затем берет мою руку и раскрытую ставит ее на свою широкую грудь, его голос хриплый, когда наши взгляды встречаются.

– Это успокаивает меня здесь.

Меня поражает комок эмоций, когда я чувствую биение его сердца под моей ладонью, медленное и мощное, так могут биться только сердца великих спортсменов. Я смотрю в его глаза и вижу в них то же самое сильное желание, которое видела только что. И я так сильно его люблю, что клянусь, мое сердце взяло его ритм.

Он ложится рядом со мной, мы оба, одетые, лежим на кровати. Он опускает свою голову мне на грудь и прижимает каждую часть своих огромных мышц ко мне, вдыхая запах моей шеи. Я опускаю свое лицо и целую его в макушку, начинаю работать кончиками пальцев на его голове.

Он не спал на протяжении долгих, бесконечных, беспокойных, сумасшедших дней.

Дней, когда я чувствовала, как он гладил мои волосы и спину ночью. Когда я слышала приглушенный шум музыки, которую он слушал. Я слышала, как он ел на кухне в полночь, принимал холодный душ, и когда казалось, что этого душа недостаточно, я просыпалась, и он был готов заниматься со мной любовью.

Но я так долго не слышала, чтобы он спал...

Поэтому, когда его дыхание выравнивается, и я понимаю, что он заснул у меня на руках, посреди дня, посреди маниакального эпизода, я не знаю, как сдержать эмоции, набухшие у меня в груди.

Тихо, я вытираю слезу со своей щеки, и еще одну. Я никогда не представляла себе, что такой человек существует. Или того, что когда-то что-то вроде этого будет у меня самой. Эти моменты. Эта... связь. Я никогда не думала, что это отчаяние, почти болезненное желание, что я чувствую к нему, может быть взаимным от него по отношению ко мне.

Плача от счастья впервые в своей жизни, я глажу его волосы, его подбородок, его шею, его руки, смотря на его совершенные полные губы, его жесткий сильный подбородок и лоб, его безупречный нос, тихо любя каждую его часть.

Солнечный свет падает через комнату и полностью освещает его, позволяя мне упиваться его совершенством, как наркоману. Наша обувь разбросана на полу, наши чемоданы все еще полные возле двери. Мы в еще одном красивом номере люкс другого роскошного отеля, и я клянусь, что я никогда в своей жизни еще не чувствовала себя настолько совершенной, как в этот момент, с этим мужчиной, спящим в моих руках, с его массивными руками вокруг меня, его носом в моей ложбинке между грудей, его теплым дыханием на моей коже. В чужом месте, в новой комнате, далеко от всего, что я знала...

Я прикасаюсь губами к его уху.

– Это благодаря тебе, – шепчу я, закрывая глаза. – Я безумно счастлива. Я дома, там, где ты.

Я так намерена беречь его сон, что пропускаю обед, даже когда урчит мой живот. Вскоре это проходит, и все время я продолжаю дарить его большому красивому телу легкие касания, которые тихо говорят – я люблю тебя, Ремингтон.

Он шевелится посреди ночи, и к этому времени, я обессилена, но решительна, как никогда. Мои руки тяжелые, но я ласкаю и поглаживаю его.

Просыпаясь с мягким стоном, он с легкостью хватает меня и улаживает мое тело к себе таким образом, что теперь я прижимаюсь к его груди, и он медленно целует впадину моего уха.

– Брук, – говорит он.

Только одно слово.

Звучит хрипло от сна, и так низко и интимно, это могло бы быть предложением, любимым предложением, на которое моим ответом есть и всегда будет "да".

– Да, Реми, – шепчу я, мой голос так же слабый, как его, когда я вдыхаю его ключицу.

Он рычит и медленно вдыхает меня.

– Моя Брук, – голос еще низкий и хриплый, он пальцами расстегивает пуговицу моих узких джинсов и с любовью целует меня в шею, глядя мою попу одной большой рукой. – Почему ты все еще одета в это?

Прежде, чем я могу напомнить ему, почему, я слышу, как он намеренно расстегивает молнию.

Каждый мой мускул сжимается. Я тихо стону и прижимаюсь носом к его шее, становясь ближе к нему, как котенок, нуждающийся в его ласке.

– Я ждала, чтобы самый сексуальный мужчина в мире снял их с меня.

Около трех часов ночи, Ремингтон рычит "голодный" мне в ухо, встает и направляется в кухню, и когда я растягиваюсь в постели, мой желудок мгновенно соглашается.

Я включаю лампу, и надеваю на себя первое, что попадается мне в чемодане. И этим является одна из его красных атласных накидок РАЗРЫВНОЙ.

Я плотно стягиваю пояс на талии, ткань чувствуется восхитительно и здорово на моей коже. Накидка великовата на меня, и достигает нижней части моих икр, но я усмехаюсь, потому что просто люблю носить его вещи. Я выхожу после него осмотреть, что Диана оставила для нас на кухне.

В духовом шкафу находятся две теплые тарелки курицы, покрытой пармезаном и с салатом из шпината и свеклы и с красным картофелем. Я вытаскиваю их и беру нашу посуду, когда замечаю Ремингтона, развалившегося за обеденным столом с восхитительным обнаженным торсом и в спортивных штанах низко на талии.

Он черпает арахисовое масло палкой сельдерея и жует, но перестает, есть, когда замечает меня, и сразу проглатывает все, что у него было во рту.

Его глаза расширяются, он бросает оставшийся сельдерей и откидывается на спинку стула, скрестив мускулистые руки так, что переплетения его татуировок в верхней части его бицепсов выглядят темными и сексуальными.

– Только посмотри на себя, – говорит он, его слова звучат рычанием чистого мужского удовольствия.

Слово РАЗРЫВНОЙ восхитительно вонзается мне в спину, когда я направляюсь к нему с тарелками, усмехаясь.

– Я отдам это, когда мы вернемся в кровать.

Он качает головой и хлопает по своему колену.

– Что мое, то и твое.

Я ставлю на стол еду, а он берет меня за бедра сквозь атлас и привлекает меня, чтобы сесть к нему на колена.

– Я так чертовски проголодался.

Он хватается пальцами кусочек красного картофеля и направляет в рот, облизывая пальцы.

– Тебе бы понравился красный картофель моей мамы. Она добавляет кайенский перец, что придает ему немного пикантности, – говорю я ему, взяв кусочек на вилку, и прожевывая,

вкус розмарина и отлично приготовленного картофеля тает на моем языке.

– Ты скучаешь по дому?

Вопрос заставляет меня посмотреть на него, как он ест другую картошку, и я осознаю, что у него на самом деле никогда не было дома. Есть ли у него?

Его домом были боевой ринг и куча отелей. Его семьей были его команда и его фанаты. Из-за этого у меня чуть не разрывается грудь.

Когда он запер меня с ним в номере отеля, сразу после того, когда я впервые увидела, как Пит усыпляет его, Реми был в депрессии, а я даже не знала. Он держался за меня, чтобы сохранить рассудок, но этого я тоже не знала.

Все, что я знала, это то, что он не хотел, чтобы я оставляла комнату, и чтобы кто-то другой заходил. Он хотел, чтобы я была там. Он хотел, чтобы я к нему прикасалась, как будто это уравнивало его, и мой рот был единственным теплом в его холоде, единственным светом в его тьме.

Ремингтон – не человек слов. Он – человек мужества и действий.

Этот большой, сильный мужчина иногда нуждается в том, чтобы о нем позаботились, и я клянусь, что я до смерти хочу быть той девушкой, которая заботится о нем. Так сильно я еще не желала кем-то быть.

Он, тот, кто никогда не имел дома, хочет узнать, скучаю ли я по дому?

Когда я сплю, как королева, в мягкой кровати, в его руках, ем здесь лучшую пищу, делаю свою работу, и провожу время с ним, когда он иногда нахальный, иногда сварливый, и всегда обожаемый?

Положив вилку, я оборачиваюсь к нему лицом, поглаживая его подбородок пальцами.

– Когда я не с тобой, я скучаю по дому. Но, когда я с тобой, я не скучаю ни по чему.

Его ямочки на миг появляются, и я наклоняюсь, чтобы легонько прикоснуться к одной. Он тихо рычит и трется своим носом по моему.

– Я буду держать тебя так близко, что ты не будешь скучать, – хриплым голосом говорит он.

– Пожалуйста, сделай так. И я уверена, что прямо здесь достаточно места.

Я осмысленно покачиваюсь на коленях, а он кусает мочку моего уха и крепко обнимает меня, говоря:

– Это верно!

Мы смеемся, и в конечном итоге едим с одной тарелки одной вилкой, по очереди кормим друг друга.

Когда я чувствую его беспокойство, что приходит с его манией, я понимаю, что он, кажется, хочет что-то сделать. Так что я уступаю, когда он полностью одолевает меня и дразнит мои губы вилкой, я послушно открываю рот и позволяю ему кормить меня.

Мне нравится, как его глаза становятся все темнее каждый раз, когда он смотрит, как я открываю рот для еды.

Он скользит свободной рукой под атласной рукав и с любовью ласкает мои трицепсы, в то время как он оборачивается к тарелке и берет на вилку немного еды для себя.

Я наблюдаю, как он берет большой кусок, и жду, когда он разрежет больше цыпленка и направит его к моему рту вместе со всем остальным.

Он смотрит, как я кусаю, наслаждаюсь, и наконец, проглатываю, его губы изогнулись в нежной улыбке.

– Кому ты принадлежишь? – мягко спрашивает он, поглаживая меня по спине.

Мое сердце тает, когда он оставляет вилку и проскальзывает этой рукой под накидку, через приоткрытую ткань, обнимая меня за талию. Он наклоняет голову и легко целует мое ухо, говоря, – Мне.

– Полностью тебе. – Я охватываю его ногами, и зарываюсь носом в его теплую шею, проводя руками вокруг его худой талии. – Я так нервничаю по поводу большого боя. А ты?

Его смех вибрирует в груди, когда он отстраняется и всматривается в меня сверху вниз. Видимо его это хорошо позабавило.

– Почему я должен? – Он поднимает мою голову за подбородок, так что его смеющиеся темные глаза встречаются с моими. – Брук, я собираюсь побить его.

Уверенность в его голосе обладает такой серьезностью и силой, что мне почти становится жаль Скорпиона. Реми не только собирается побить его, он собирается сделать это весело.

– Реми, мне нравится, как ты дерешься, но ты понятия не имеешь, какая это нервотрепка для меня.

– Почему, Брук?

– Потому что. Ты... важен для меня. Я не хочу, чтобы кто-то прикасался к тебе, и каждые несколько ночей, ты просто... там. Даже зная, что ты выиграешь, я не успокаиваюсь.

– Но ты счастлива, Брук? Со мной?

Его лицо напрягается от этого вопроса, и вдруг он выглядит очень решительным, очень сильно похож, как когда-то спрашивал меня "Тебе понравился бой?"

Я вижу неистовую необходимость в его глазах, и я понимаю, что мой ответ важен для него так, как то, что он думает обо мне, важно для меня.

– Безумно, – признаю я, и обнимаю его, вдыхая его шею, мне нравится, как его запах расслабляет меня. – Ты делаешь меня счастливой. Ты делаешь меня безумно счастливой, ты сводишь меня с ума, и точка. Я не хочу быть без тебя ни секунды. Я даже не хочу, чтобы все те женщины смотрели на тебя и кричали тебе те вещи, что всегда.

Его голос меняется на такой, каким он говорит мне интимно во время секса.

– Я твой. С тобой я возвращаюсь домой. – Он вдыхает запах моей шеи, затем касается моего уха и шепчет мне, – Ты моя самка, и я утвердил тебя.

С этими словами, он перемещает меня и продолжает кормить.

Он, кажется, наслаждается, наблюдая за тем, как мои губы открываются и закрываются, принимая то, что он подносит к моему рту.

Ему нравится кормить меня, и я думаю, что навязчивый мужской восторг, что исходит от него, относится к его предку, Неандертальцу.

Мы лопаем всю еду, ласкаем и целуем друг друга, и я рассказываю ему о Мелани, как она и Райли провели вместе одну ночь, и теперь, похоже, стали хорошими друзьями по переписке, а он смеется, – Расскажи мне больше, – призывает он меня, продолжая, есть.

Так что я рассказываю ему о своих родителях, как Нора влюблялась во все, что шевелится, а он улыбается. Я просто люблю делать так, чтобы он улыбался.

– Ты помнишь что-то хорошее о своих родителях? – спрашиваю я, когда мы возвращаемся в спальню, и я забираюсь на кровать.

– Моя мать крестила меня каждую ночь. – Он запирает дверь, и я знаю, что это для того, чтобы утром не вошел Райли и не увидел нас голыми. – Она крестила меня на лбу, на моем рту, и на моем сердце.

– Она была религиозной?

Ремингтон пожимает своими большими плечами, и я вижу, что он останавливается, чтобы вытащить свой iPad и наушники.

Честно говоря, мысль о родителях Ремингтона является для меня пыткой. Как кто-то настолько религиозный мог отказаться от самого сложного и красивого человека, что я когда-либо видела? Как они могли?

Реми несет свой багаж к тумбочке, и я понимаю, что он устанавливает все свои вещи рядом. Он собирается держать меня оставшуюся ночь потому, что полностью осознает, что спать не будет.

– Ты скучаешь по своей семье? – спрашиваю я, когда он присоединяется ко мне.

Кровать скрипит, когда Реми садится и сразу тянется ко мне.

– Нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было.

Я не ожидала такого ответа, и мне хочется одновременно и плакать, и заботиться, и защищать его от всех, кто причинил ему боль.

Он тянет за пояс накидки Разрывного и снимает атлас с моих плеч. Он любит, когда я голая, чтобы он мог облизывать меня как лев, а мне нравится угождать ему. Так что я тяну руки и откидываю его в сторону. Люблю, когда он прижимает меня к себе, кожа к коже.

Вдруг, мне очень сильно хочется дать ему все, что у меня есть. Свое тело, свою душу, свое сердце, свою семью.

– Если я тебе кое-что скажу, – шепчу я, когда мы ложимся на наше любимое место, лицом друг к другу, мои ноги между его бедер, наши тела переплетены, касаясь, друг к другу насколько это возможно, – ты вспомнишь завтра?

Он тянет одеяло над нами и прячет мое лицо в его шею, его руки блуждают по моей спине.

– Надеюсь, что да.

Я чувствую, как его ноги беспокойно двигаются против моих, и я, улыбаясь, поглаживаю руками по его волосам, чтобы он расслабился, и мне в голову приходит идея. Замечательная. Так он поймет, что я хочу ему сказать, и таким образом я не буду давить на него, чтобы он не чувствовал себя неудобно. На самом деле ему вообще не нужно будет отвечать на это.

Я тянусь к тумбочке и хватаю наушники и его iPod, молясь, что найду там песню. Я без ума от этой песни, и я никогда не признавалась в этом до этой секунды, когда мне хочется кричать слова этой песни Ремингтону Тэйту прямо сейчас.

– Надень наушники, – оживленно говорю я. Он усмехается, потому что я знаю, что он любит, когда я включаю ему музыку. Он выпрямляется на спинку кровати и надевает наушники, затем увлекает меня к себе на колени, и я заползаю к нему.

Я нахожу ее. Эта песня идеально подходит, чтобы сказать ему, что я без ума от каждой его части.

Так что я выбираю песню Avril Lavigne «I Love You» и включаю ее.

Я слышу, как начинается музыка, и по моим венам проходит волнение, когда он увеличивает громкость и, даже сидя у него на коленях, я слышу, как звучат слова песни.

Я знаю, что он может не вспомнить этого завтра. Я знаю, что его глаза темные, и что включить ему песню не значит сказать слова, но мы так много ночей провели вместе. Мы тренируемся друг с другом, купаемся вместе, бегаем вместе, едим и кормим друг друга, ласкаем и говорим, и я не думаю, что Ремингтон открывался кому-то так, как он открылся мне. У меня были возведены стены всю мою жизнь, и я никогда никого не впускала за них,

пока вдруг я не поняла, что он был... внутри.

Я дышу им и живу им каждый день, даже мечтаю о нем, лежа с ним в постели.

Даже если этот мужчина не признает эмоций в своем раненом диком сердце, я хотя бы надеюсь, что из моей песни он узнает, что он стал моим... всем.

Неописуемо взволновано, я слышу, как продолжается песня, и наблюдаю за его лицом, кусая губы, изучая его выражение. Каждое слово настолько совершенное, вся эта песня предназначена для него от меня, включая хор, который клянусь, я могу слышать прямо сейчас.

Ты так красив,

Но не поэтому я люблю тебя.

Ты знаешь, я не уверена,

Что причиной, почему я люблю тебя, являешься ты.

Быть тобой,

Только тобой,

Да причиной, почему я люблю тебя, является все, через что мы прошли,

И вот почему я люблю тебя.

Он слушает, оценивая мое лицо, его выражение внимательно сканирует мои черты. Мои полные губы. Мои янтарные глаза. Мои высокие скулы.

– Включи ее еще раз. – Его голос звучит так хрипло, что мне почти приходится прочитать по губам, чтобы понять, что он сказал.

Я нажимаю на кнопку “воспроизвести”, но вместо того, чтобы снова слушать песню, как я ожидала, он улаживает меня на спину, затем надевает на мне на голову наушники и настраивает их на меньший размер, когда начинается песня.

И в следующую секунду я слушаю песню «I Love You», которую я только что включала ему.

И которую Ремингтон Тэйт сейчас включает мне.

Я закрываю глаза, мое сердце дрожит в груди, то, что я чувствую к нему, набухает внутри меня, пока я не чувствую себя наполненной и безнадежно поглощенной внутри. Я чувствую его губы на своих, песню, играющую в ушах, когда он начинает целовать меня, но он делает это не сексуально, а чрезмерно нежно.

Таким образом, Реми открывается мне, и я чувствую покалывание от макушки до моих стоп, когда я впитываю каждую вещь, что он пытается сказать мне этой песней, своими губами, своим шепотом, даже понимая, что он может не вспомнить ничего из этого, это все равно не становится для меня менее настоящим.

Глава 12

Твои фотографии

Мой день проходил отлично.

У Ремингтона выходной день от тренировки, и сейчас он полностью запасается углеводами, наполняя свои мускулы энергией – и свою тарелку тоже. Он отказался принимать пищу Дианы и вместо этого привел всех нас в ресторан отеля к шведскому столу. Мужчины едят отдельно, дискутируя на тему "борьбы", а я прекрасно провожу время с Дианой, пытаюсь определить ингредиенты блюд, что мы едим. Вкус... апельсина? Намек на кардамон?

И затем пищит мой телефон. Я заволновалась, чтобы это было сообщение от Мел.

Мелани: Мне очень не хочется верить Райли, но он был прав. В интернете есть фотография, как ты целуешь эту Мерзость той ночью! И оно распространяется.

Мой мир останавливается.

Я мысленно возвращаюсь назад в ту ночь, где я стою на цыпочках, целуя эту Мерзость, и вдруг становится понятно, что кто-то – его придурки? – запечатлели это на камеру. Конечно.

Если кто-то провел четыре минуты, снимая меня на Олимпийских испытаниях в самый унижительный момент моей жизни, также найдется кто-то, готовый снять меня во время второго самого унижительного момента моей жизни. Конечно, они записали это на камеру. Наверное, первого раза было недостаточно. Но, как на счет второго раза, который я должна была продлить на пять секунд?

Земля уходит у меня из-под ног, и мне кажется, что я тону еще до того, как началась буря, от самого вида облачности.

С замершими легкими, я опускаю телефон обратно в сумочку, каким-то образом чувствуя, как все, что я делаю, кажется в замедленном темпе. Я смотрю на стол, где мужчины обсуждают их стратегию на завтрашнюю ночь, и замечаю, как Реми свободно слушает их. В одну секунду он нормальный, расслаблен, откинувшийся на спинку розового обеденного стула ресторана отеля с широко расставленными ногами, и в следующую я вижу, как он пристально смотрит на свой телефон, когда он вибрирует.

Мое сердце убегает в пятки, но проходят секунды, и ничего не происходит.

Я не могу прочитать по его профилю, но он совершенно неподвижен. Затем все это происходит в мгновение ока. Он опрокидывает стол сильным рывком, и Тренер оказывается на полу с тысячей тарелок еды на нем.

В то самое время, когда Ремингтон встает на ноги, он бросает свой мобильный телефон через всю комнату, попадая в стену, где тот разлетается на кусочки, когда он направляется ко мне, а Пит поднимается и лезет в задний карман.

– Нет, Пит, нет! – выпалила я, ненавидя мысль об усыплении Реми.

Я стараюсь сохранять спокойствие, но мое сердце пропускает тысячу ударов в секунду. Я никогда не имела дело с сердитым на меня Ремингтоном, пока мы были вместе, и вдруг я начинаю его немного бояться, но я не хочу, чтобы он знал об этом.

Дрожа на своем месте, я совсем не двигаюсь, когда он подходит и стоит передо мной, дыша, словно бык, раздувая ноздри, с горящими темными глазами и с дрожащими кулаками по бокам. Но в его взгляде тяжелое отчаяние, от которого у меня мурашки по коже.

Примерно десять раз я пересиливаю себя, чтобы нормально говорить.

– Ты хочешь поговорить со мной, Ремингтон? – спрашиваю я.

Я готовлю себя к его крику, но, каким-то образом, холодный шепот, которым он мне отвечает, является гораздо более угрожающим.

– Я хочу сделать больше, чем поговорить с тобой.

От тревоги у меня встают дыбом волосы на затылке.

– Ладно, давай поговорим. Извини, Диана, – говорю я в обманчивом спокойствии, отодвигая свой стул назад, чтобы встать, мои ноги шатаются.

Он выглядит большим, чем всегда, и весь ресторан смотрит на него.

Диана удаляется к перевернутому столу, чтобы помочь Тренеру почиститься.

Ремингтон сжимает руки в кулаки, смотря вниз на меня. Он быстро и прерывисто дышит, двигая челюстью, и я замечаю, что только что позади него подошел Райли рядом с Питом.

В глазах Реми ведется ожесточенный бой. Он изо всех сил старается, как будто знает, что должен держать себя в руках, но не может. Как будто гнев сильнее его.

Я пытаюсь нормализовать свой пульс, горя от необходимости успокоить его. Я знаю, что когда положу свои руки на любую часть его тела, он расслабится от моих прикосновений. Я знаю, что ему нужно мое прикосновение иногда так сильно, как мне нужно дать ему его. Только он никогда не был таким, и я боюсь, что впервые в моей жизни мое прикосновение ему не понравится.

Мысль о том, чтобы единственный мужчина, которого я полюбила, чувствовал предательство от меня, почти выводит меня из строя.

Он еще даже не заговорил, но я уже чувствую, как его потрясение полностью окружает меня, независимо от того, что он собирается мне сказать, это уже причиняет мне боль где-то глубоко внутри. Я сделала ему больно и ужасно ненавижу себя за это. Мое горло опухает от боли.

– Я просто пошла, повидаться со своей сестрой, – болезненно дышу, сожаление и тревога охватили меня внутри.

Он протягивает руку и яростно, дрожащим указательным пальцем, трогает мой рот, – которым я целовала грязную щеку Скорпиона, – затем он наклоняется, чтобы укусить меня, и я вздыхаю от смешанного шока и желания от ощущения его зубов на моей коже.

– Ты ходишь договариваться с таким подонком, как он? Без моего ведома? – он спрашивает тихим, беспокойным голосом, неуверенно проводя пальцем по моим губам.

– Я ходила, чтобы увидаться со своей сестрой, Реми. Я не могла не позаботиться о подонке.

Он дотрагивается к моим волосам, и касание настолько неожиданно нежное, что мне хочется умереть от того, как это контрастирует с зажженным безумием в его глазах, и от того, как его палец проводит по моим губам.

– Однако ты целуешь того гребаного кретина тем самым ртом, которым целуешь меня.

– Пожалуйста, просто посчитай до десяти. – Я беспомощно касаюсь его рукава.

Он сужает глаза, затем быстро выпаливает:

– Один–два–три–четыре–пять–шесть–семь–восемь–девять–ДЕСЯТЬ.

Он наклоняется и хватая кулаком воротник моей рубашки, придвигая меня ближе к нему, страдание в его глазах, как ногтями, режет меня.

– Ты целуешь того ублюдка губами, за которые я готов убить?

У него дикие глаза, когда он снова прикасается к моим губам, на этот раз кончиками

двух дрожащих пальцев, и вдруг все, что я вижу – это мучение. Его глаза черные. Темные и обеспокоенные. И я не могу вынести того, что это я занесла туда темноту, и я чувствую его боль, каждая кость моего тела чувствует это.

– Мои губы едва ли коснулись татуировки. – Мой голос переходит в тихий шепот так, как мое горло сжимается. – Я сделала то же, что и ты делаешь, когда позволяешь им нанести удар, предоставляя им ложную уверенность, и так я смогла увидаться с сестрой.

Он громко ударяет себя в грудь.

– Ты моя девушка, черт побери! Ты никому не должна давать ложной уверенности!

– Сэр, вы сейчас же должны покинуть помещение.

Реми поворачивает голову на подошедшего менеджера, и тут Пит и Райли останавливают бедного мужчину, чтобы тот не подходил ближе, Пит быстро вытаскивает чековую книжку, чтобы возместить убытки помещения. Суженные глаза Реми скользят назад ко мне, и он так зол и прекрасен, как чертово наказание, что я просто не знаю, что с ним делать.

Он подходит ближе, проводя пальцем по моему подбородку, и я отвечаю на это, мое испуганное тело готово к сексу от шквала гормонов, что вызвало во мне его самообладание.

– Я собираюсь пойти набить морду тому ублюдку, – шепчет он, бархатное обещание пронизано угрозой. Он наклоняется и проникает языком в мой рот, – а затем я собираюсь заставить тебя подчиняться мне.

– Реми, успокойся, – говорит Райли.

– Все в порядке, Райли, он уверенно пытается, – резко говорю я, наконец приобретая очень сердитый взгляд на Ремингтона, на который он, кажется, напрашивался.

Он хмурится в ответ, наклоняет свою голову, тяжело дыша мне в лицо. Тогда он хватается за мои волосы в кулаки и яростно овладевает моим ртом, проводя языком по моим губам.

– Когда ты будешь со мной в постели, я собираюсь вычистить тебя своим чертовым языком, пока нигде на тебе не будет ничего его. Только мое. Только мое.

Его эрекция упирается в мой живот, и я понимаю, что он совсем сходит с ума, чтобы требовать–свою–самку, доказать–ей–свое–право–собственности из-за меня. Мои бедра становятся влажными, и я задыхаюсь от напряжения близости.

– Хорошо, возьми меня там, – умоляю я, слабая от желания облегчить нас обоих.

Он отпрянул и сузил глаза.

– У меня нет гребаного времени позаботиться о тебе, – резко говорит он, направляясь к двери, а я кричу, затаив дыхание от паники.

– Реми, вернись. Не влезай в неприятности!

Он поворачивается, и мой желудок стягивается в узел от вида решительного убийцы на его лице, его кулаки вздрагивают, когда он тычет пальцем в воздухе, указывая на меня.

– Защищать тебя – для меня большая честь. Я защищу тебя, и все, что ценное для тебя, как если бы это было моим.

От того, как он смотрит на меня, у меня перехватывает дыхание.

– Этот больной придурок умолял меня прикончить его жалкую жизнь, а я рад угодить, – он рычит, его глаза сердито смотрят на меня. – Он только что взял кое-что святое у меня и унизил это! – Он возвращается, тыча пальцем мне в грудь. – Пойми меня. Ты. Моя!

– Ремингтон, она моя сестра.

– И Скорпион никогда ее не отпустит. Он держит своих женщин накачанными наркотиками и зависимыми, они даже не могут думать. Он никогда не отдаст ее, разве что

захочет чего-то большего за нее. Этим являешься ты? Он хочет тебя, Брук? Он мог бы накачать тебя наркотиками. Раздеть тебя. Поиметь тебя, – черт возьми, он мог поиметь тебя!

– Нет!

– Он прикасался к тебе?

– Нет! Они делают это, чтобы спровоцировать тебя, не поддавайся! Оставь это на завтра для ринга. Пожалуйста. Я хочу сегодня быть с тобой.

– Я был с ней все время, дружище, ничего не случилось, – заступает Райли, похлопывая по его руке и пытаясь отвести его немного назад.

Я вижу, как в его глазах оседает предательство, когда он слушает, как говорит Райли, и перед тем, как я успеваю остановить его, он оборачивается и хватается рубашку Райли в кулак.

– Ты позволил моей девушке приблизиться к морде того подонка, ты, кусок дерьма?

Меня охватывает паника, когда он поднимает Райли над землей.

– Реми, нет! – я подхожу к нему, бесполезно дергая его за руку.

Он трясет его в воздухе, и Райли багровеет.

– Ты позволил ей поцеловать краски этой грязной мрази?

Пит смотрит на меня.

– Мне очень жаль, – шевелит губами он, а затем обращается к Реми, – Ладно, приятель, уложим Разрушителя в постель, а? – и он втыкает шприц в его шею, Ремингтон бросает Райли на пол, выдергивая шприц из кожи и отбрасывая уже пустой в сторону.

Я задерживаю дыхание, когда он подходит и хватается меня. Он смотрит на меня, его глаза сверкают, он открывает рот, колеблется, затем издает низкий болезненный звук и обрушивается на мой рот, запечатав поцелуем, которым одновременно требует и наказывает меня. Затем он отпускает мою руку и топает к двери, оставив меня, облизывающую свои раненые, напухшие губы, глядя ему в след.

Райли кашляет, вставая на ноги и потирая горло, когда до нас всех доходит, что Ремингтон ушел.

– Какого черта? – недоверчиво моргает Пит в открытую дверь, откуда только что вышел Реми.

– Это должно было уложить слона, разве нет? – угрюмо спрашивает Райли Пита.

– Главное слово – это "должно было".

Качая головой, Райли смахивает стекло со своих джинсов.

– В нем, наверное, весь адреналин. Черт.

– Пит, разберись со своим дерьмом, вы, оба! Ты только что ввел ему седативные средства ^[6]! Он может упасть в переулке, и мы это знаем, его могут ограбить и... о боже. – Я закрываю лицо, когда думаю обо всех вещах, что он может сделать неправильно, или что может случиться с ним.

– Успокойся, Брук, мы это понимаем. Райли, возьми два других транквилизатора, и встретимся в машине, – говорит Пит, затем оборачивается к менеджеру и указывает на чековую книжку, которую до сих пор держит в руках. – Не могли бы вы прислать счет в президентский люкс? Я гарантирую, что мы выедем завтра утром.

– Я хочу помочь!

– Черт, ты уже достаточно помогла, Брук, – говорит мне Райли, глядя на меня так, как будто из-за меня начался апокалипсис. – Просто поднимись наверх и жди его. Тебе предстоит выполнить свою работу, когда он вернется.

Я, как сумасшедшая шагаю по комнате, ожидая услышать что-то. Ничего.

Я вижу все его вещи по всему нашему номеру, его iPad и ноутбук, его зубная щетка на раковине, его одежда все еще в чемодане, а некоторая висит в шкафу, и по моим нервным окончаниям проходит ужасное беспокойство.

Ремингтон просто ушел туда, и он мог все бросить ради меня. Мои губы болят от пытки моими зубами, когда я возвращаюсь назад и представляю, что бы случилось, если бы я отказалась поцеловать ту дурацкую татуировку. Я бы не смогла поговорить с Норой. У нее никогда бы не появилось шанса вырваться на свободу, который я предоставила ей.

Сейчас, это кажется относительно безопасным, учитывая то, что у меня не было выбора, но как же сильно я хотела, чтобы Ремингтон об этом не узнал. Даже будучи злой, я могу чувствовать его боль, и теперь я беспокоюсь по этому поводу. Даже, если прямо сейчас он запускает кулаками в челюсть Скорпиона, его победа в Подземелье покатится к черту, и я не могу себе даже представить, что этот ужасный больной-член-рептилии может сделать с Норой в возмездие, если Реми повредит его сегодня.

О боже.

Мысль о моем разрушении, не только моей карьеры, но и Реми, убивает меня.

Мой желудок так не в порядке, что такое чувство, будто я собираюсь выбросить кишечник. Я хочу, чтобы Нора была в безопасности, но я и отчаянно нуждаюсь, чтобы Рем вернулся в отель, где я уверена, что могу попытаться успокоить его с помощью секса. Если он хочет заставить меня подчиниться ему, клянусь богом, я позволю ему поверить во все, что он захочет, лишь бы он был снова спокоен. Я его не боюсь. И не буду. Он все еще мой Реми, только в чертовски плохом настроении.

Но в пять утра он еще не вернулся. Я обыскиваю интернет, как сумасшедшая, включив местные новости по телевизору, опасаясь худшего. Я слышу дверь и поднимаю голову, мое сердце подскакивает к горлу, когда я вижу Райли. Вмиг я подскакиваю на ноги с дивана.

– Реми? Где он? Что он сделал?

Райли не смотрит мне в лицо, просто направляется прямо в спальню, ища одежду.

– Он в отделении экстренной медицинской помощи.

Ужасная напряженность тянется по всему моему позвоночнику, и вдруг я заряжаюсь решительностью, идя за ним.

– Что он сделал? Позволь мне собрать свои вещи. Мне нужно увидеть его.

Райли берет его зубную щетку, его бритву, и складывает все в маленькую кожаную сумку.

– Лучше, если ты будешь ждать здесь. Там всего несколько швов. – Затем он берет его боксерские ботинки и одежду на бой. – Их не дисквалифицировали. Никто из них не проговорился. Бой состоится сегодня вечером.

Продолжается. Сегодня вечером.

В моем животе неприятно закипает кислота. У меня действительно недостаточный уровень тестостерона из-за всего этого. В фильмах это выглядит сексуально, когда парень дерется за девушку, но это мой парень, дерущийся из-за меня, и я чувствую себя так ужасно, насколько это возможно, и больше, чем маленькое отчаяние, чтобы пойти лелеять и защищать его.

– В котором отделении он находится? – Я иду вслед за ним в спальню, хватаю пару джинсов и складываю их под черной футболкой Реми – в которой я иногда сплю.

Поворачиваясь, когда он доходит к двери, он останавливает меня обеими руками.

– Пожалуйста, ради бога, не высовывайся, Би. Ни я, ни Пит не хочет, чтобы он видел

тебя. Пожалуйста, Брук. Просто послушай меня.

– Но как он... – Я моргаю на него, мои глаза размыты, а мой голос прерывается. – Только скажи мне, как он.

– Он злится. Они ввели ему успокоительное в больнице. Честно говоря, я не знаю, чего ожидать от боя сегодня. Но он, по крайней мере, зол.

Я хмурюсь на хлопнувшую дверь, оставаясь смотреть ему в след. Я тоже злюсь, но внутри я также чувствую, что меня что-то поедает. Стремление увидеть его является очень сильным, но я не знаю, помогу ли я ему или буду мешать, я вообще ничего об этом не знаю. Пользуясь его ноутбуком, я прогуглила "биполяризм" и наткнулась на кучу статей, описывающих маниакальный приступ, когда человек являлся либо чрезвычайно счастливым, либо крайне раздражительным; который также в избытке занимался деятельностью, доставляющей удовольствия, секс, азартные игры, алкоголь и иногда испытывал галлюцинации; чувство отдыха без сна, действуя опрометчиво или жестоко; и такой эпизод часто сопровождается депрессивным, когда человек едва может встать с постели. Я уверена, что Реми маниакальный прямо сейчас, и я уже видела, что он был быстрым все те ночи жесткого секса. Я помню, как он рассказывал мне о ночи, когда он сообщил мне о биполярности, что я уйду, когда это заострится, и я уже дважды решила не быть куриным дерьмом и держаться до конца с ним.

Но мне интересно, как он справляется прямо сейчас, после драки с этим проклятым человеком-рептилией.

Боже, пожалуйста, пожалуйста, не дай мне испортить его бой сегодня.

Это все, о чем я думаю, хватая свои кроссовки, бандаж на колено, и направляюсь в тренажерный зал отеля, стаю на беговую дорожку и устанавливаю ее на два часа. Я сосредотачиваюсь на планировании, что я буду делать, когда его увижу. Я хочу сказать, что я сожалею, что мне показалось необходимым не говорить ему о свидании с сестрой, но мне нужно было поговорить с ней, и я не хотела его беспокоить. Я хочу поцеловать его и забыть о том, что вообще что-то случилось, но, к сожалению, утро проходит, и я его не вижу полдень, или даже в час, или в два, или в три.

Я не вижу его до боя.

И к тому времени, я на самом деле превратилась в массу дрожащих нервов. Я также не видела Пита все это время, только Тренера и Райли, которые провели меня к моему месту, когда я попыталась пройти за кулисы, чтобы увидеться с ним.

– Пожалуйста, просто позволь ему попасть в зону, – говорит Райли.

Я могу только кивнуть, и на меня нападает ужасная тоска, когда я занимаю свое место и жду, бесконечно жду. Сегодня только один бой. Только Ремингтон и Скорпион встретятся лицом к лицу, и этот бой будет длиться несколько часов. Кажется, будто прошла вечность, когда я слышу его имя в колонках, мое сердце подскакивает в груди, и в то же время зрители взлетают на ноги, приветствуя его.

– И сейчаааас, дамы и господа, момент, которого мы все так долго ждали. Наш чемпион, защищающий свой титул, единственный и неповторимый, Ремингтон РАЗРЫВНОЙ Тэйт!

Толпа сходит с ума, и я тут же оживляюсь, когда мои глаза замечают проблеск красного в начале прохода.

Он бежит трусцой к рингу, и бабочки взрываются у меня в животе. Мои глаза горят от желания увидеть его вблизи. Он взбирается на ринг, протягивая руки, а Райли снимает с него

красный капюшон и отставляет в сторону его накидку.

Мои глаза проходят по его телу, и холодный жесткий шок удерживает меня неподвижно в течение нескольких долгих неверующих стуков сердца. Его торс покрывают фиолетовые синяки. На его губах глубокие раны, и несколько швов на правой брови.

Заставляя себя сесть, я с нетерпением жду обычного поворота Ремингтона. Он этого не делает. Толпа скандирует его имя, и я замечаю, что в Подземелье больше его фанатов, чем Скорпиона. Но сегодня Ремингтон не такой нахально самоуверенный, и он не оборачивается, и не улыбается им. Он не улыбается мне.

Я пала духом, и вдруг до меня доходит, что я никогда в жизни не жаждала чьей-то улыбки так сильно, как его.

Мне никогда не было так больно, пока сегодня я не почувствовала отсутствия его глаз на мне.

Тогда ведущий кричит,

– И сейчааас, дамы и господа, кошмар, которого вы все боялись, оживает здесь. Остерегайтесь, это Бенни Чееееерный Скорпион!

Мне становится тошно от отчаяния, когда Реми до сих пор не направляет свои голубые/черные глаза ко мне, наблюдая за тем, как Скорпион медленно идет по проходу с обоими поднятыми вверх средними пальцами, показывая смелость, очевидно:

– Да, пошел ты Ремингтон Тэйт, и публика тоже!

Ледяной страх распространяется в моем животе, когда я изучаю гордый жесткий профиль Реми, пока он ждет в своем углу и от отсутствия его дерзкого ответа на показную храбрость Скорпиона мне становится больно. Вдруг я задумалась, может, он слишком горд, чтобы простить меня. Он никогда меня не поцелует? Не займется со мной любовью? Не будет любить меня так, как я его люблю? Потому что я поцеловала его врага? Я скручиваюсь внутри от необходимости поговорить с ним, объяснить, пожелать удачи и улыбнуться ему.

Но он не смотрит в мою сторону, и я начинаю подозревать, что он старается смотреть куда угодно, только не на меня, когда Скорпион запрыгивает на ринг.

Я наблюдаю, как Скорпион снимает свой черный плащ и замечаю, что он тоже плохо выглядит. Его лицо фиолетовое именно в том месте, где было тату, и теперь, как минимум десяток швов покрывают место, где ползало его насекомое. Желтые глаза Скорпа мимолетно переключаются на Ремингтона, и знакомая сатаническая улыбка образуется на его тонких губах, улыбка, которая выглядит победной по сравнению с мрачной и слабой улыбкой на лице Реми.

Сердце скручивается от тревожного страха, я ищу Нору среди толпы и пытаюсь обнаружить ее среди громил Скорпиона, но ее нигде не видно. Мой страх удваивается, когда я задумываюсь, что, если все, что я сделала, все это... зря?

Тын тын.

Звонит колокол и все клетки моего тела сосредотачиваются на Ремингтоне, когда оба бойца подходят в центр, становясь лицом к лицу. Скорпион бьет по ребрам Реми, затем быстро наносит в его челюсть ужасные один-два удара, что я могу услышать столкновение с костью. Ремингтон стоит на месте, но вздрагивает, восстанавливаясь, и снова подходит к Скорпиону, его руки опущены по бокам.

Я хмурю брови в замешательстве. В каждом бое, что я видела, когда он участвовал, и когда я дралась с ним на ринге, я изучила некоторые его боксерские движения, Реми никогда не держал свою защиту на таком низком уровне. Ужасное предчувствие погружает

свои жуткие когти в мой живот, и я поднимаю взгляд, пытаюсь прочитать темные хмурые лица Райли и Тренера. Мрачные черты на обоих лицах только подтверждают мои подозрения.

Ремингтон совсем не защищается. Его мощные, мускулистые руки спокойно висят без дела по швам, и теперь он только подсакивает на ногах, как будто ожидая следующего удара. Его брови натянуты, его глаза яростно сузились, но он выглядит почти... голодным к этому неистовым безрассудным образом.

Скорпион наносит удар в его живот, за ним следует апперкот в челюсть, который Ремингтон слишком легко выдерживает, выпрямляясь почти сразу же, глядя на Скорпиона, как будто выпрашивая еще один.

Он выглядит почти... самоубийцей.

Следующие три удара также получает Ремингтон, два в грудь, один по ребрам, и он до сих пор не нанес ни одного удара Скорпиону. Он не будет защищаться, но весь дух Ремингтона можно увидеть в его глазах. Которые пылают огнем в Скорпиона, когда он быстро восстанавливается после каждого удара, занимая позицию, как будто бросая вызов тому ударить еще раз.

У меня нет слов.

Ничто не может унять мой неуправляемый пульс, а голова не перестает кружиться. Я не могу перестать, беспокоится о его ребрах, куда наносится больше ударов, и я дико пытаюсь определить, какие еще травмы ему были нанесены в течение ночи, когда они дрались одни. Что, если он не бьется потому, что он не в состоянии вытянуть руки, чтобы ударить?

Он. Не. Дерется. Вообще.

Мое сердцебиение не успокоится, и тревожное предчувствие чего-то ужасного овладело мною. Я хочу подняться туда, обнять своего парня, и вытащить его оттуда!

Скорпион размахивается левой рукой и наносит удар в челюсть, затем наносит прямой удар в лицо, от которого Ремингтон падает на колени. Мое горло оседает от криков и протестов, когда публика начинает выражать громкое недовольство.

– Буууу! Бууу!!

– Убей этого ублюдка, Разрывной! УБЕЙ ЕГО!

Бой продолжается, бесконечный, пасмурный, как ночь.

Во всех боях Ремингтона я чувствую извивание моих нервов так же, как и волнение, но сейчас только мука и боль охватили меня внутри, когда Ремингтон принимает удар за ударом.

Каждый удар разбивает меня внутри. Я могу чувствовать боль в костях, как будто его кости являются моими. Я так ранена к шестому раунду, мне нужно забрать его оттуда в уме, где он будет играть мне песню. Мне нужно забрать его на пробежку, где он будет смотреть на меня, и улыбаться своими блестящими голубыми глазами. Мне нужна наша кровать, где нам тепло, мы счастливы и спокойны. Мне нужно забрать его куда-то, куда-нибудь, где он сможет сказать мне что... черт... не так!

Я сижу здесь и наблюдаю, как человека, которого я люблю, избивают до смерти, и когда он падает на колени после ужасных ударов по прессу, он все равно не сдается. Задыхаясь, с кровью, капающей со лба и со рта он приводит в восторг публику, прыгая на ноги и сердито плюя кровью в лицо Скорпиона, и упорно встает в позицию еще раз.

– Реми, сразись с ним! – вдруг я слышу свой голос, и я кричу во все горло так сильно, как никогда в жизни не кричала до этого. – РЕМИ, ДЕРИСЬ С НИМ! ДЛЯ МЕНЯ! РАД

МЕНЯ!

Он по-прежнему не смотрит на меня. И Реми вновь принимает следующую атаку быстрых ударов. Ууух, уухх, я слышу, как из него выбивается дыхание.

Драться—или—убраться обрушивается на мое тело, и это нещадно съедает мои кровные сосуды, мои нервные окончания, мои легкие. Но первый раз в жизни страх пересиливает, и мне так хочется сбежать, как никогда. Побежать за ним, схватить его к себе, и увезти его далеко, далеко от Скорпиона, от самого себя, далеко от кнопки саморазрушения, что нажал человек, которого я люблю.

Скорпион наносит ему несколько прямых ударов в голову, и затем, хруст!

Ремингтон падает лицом на пол.

Следы крови по всему его телу. Неукротимое примитивное горе переполняет меня, и черная змея страха начинает болезненно терзать самые толстые артерии моего сердца. Лицо Реми опухшее, он тяжело дышит, содрогаясь с каждым вдохом, когда он упирается одной рукой о пол, затем другой. Холодная черная тишина окружает помещение, поскольку начинается подсчет, а Реми пытается подняться.

Его образ становится размытым сквозь слезы в моих глазах, и мне приходится проглотить возрастающую в горле мольбу, поскольку я хочу умолять его, ради бога, прекратить с этим дерьмом, и сейчас просто не подниматься!

Я сломала колено случайно, но мысль о добровольном позволении ломать себя снова и снова и вставая ради большего нагоняет на меня ужасное отчаяние.

Но Реми поднимается и выплевывает больше крови на пол, используя руки, чтобы подняться на ноги только для того, чтобы получить левый хук прямо по виску, от чего его голова поворачивается кругом.

Райли и Тренер громко на него кричат.

— Твоя чертова защита! Какого хрена, что с тобой не так? — они произносят снова и снова, их крики громкие и крайне огорчены.

Люди кричат по всей комнате, никто из них не желает разочаровываться в нем, пока Реми держится на ногах.

— УБЕЙ ЕГО, РАЗРЫВНОЙ!!! УБЕЙ ЕГО! — кричат они.

И когда я смотрю, как ему наносят еще один удар, от которого кровь брызгает по полу ринга, мне хочется кричать публике, попросить просто заткнуться! Попросить, ради всего святого, чтобы просто позволили ему остаться внизу, и остановить, этот чертов кошмар! Я не могу контролировать судорожную дрожь внутри меня. Люди кричат, скандируя.

— РЕ—МИНГ—ТОН! РЕ—МИНГ—ТОН!

Но я вижу, что Реми больно. Одна его рука болтается сбоку, безвольно висит. Ему больно, и он все еще отдает этому всего себя, как он отдается каждому бою, как он проводит каждую тренировку. Он собирается продолжать, пока не сможет встать. Когда это осознание достигает моей ошеломленной головы, я разлетаюсь на миллион кусочков. Горячая слеза стекает по моей щеке, когда Ремингтону наносят еще одну серию ударов, ужасные толчки откидывают его к канатам.

— Реми, Реми, Реми! — люди продолжают кричать.

Когда скандирование с одинаковой силой звучит в другом конце помещения, лицо Скорпиона морщится от ярости.

Реми плюет прямо туда, где должна быть татуировка, насмешливо что-то шепча, что, кажется, разозлило другого мужчину так сильно, что он размахивается рукой с

оглушительным ревом и наносит апперкот, от которого Реми пулей отлетает на пол. Мое сердце останавливается.

Наступила тишина.

Я моргаю в немом ужасе от неподвижного вида Реми, упавшего на бок, и я вижу по этим красивым плечам, которые я знаю наизусть, что его прекрасные кости, вероятно, сломаны, его великолепно натренированное и прекрасно сформированное тело в фиолетовых синяках и кровоточит на пол-ринга. Его глаза пугающе закрыты.

И я хочу умереть.

Звучат возгласы возмущения, когда на ринге появляются врачи ринга, и люди начинают громко выражать неодобрения, когда говорит комментатор.

– Наш победитель ночи, Бенни Черный Скоооорпион! Новый чемпион Подземелья, дамы и господа! Скоорпиоооон!

Слова каким-то образом доходят до меня, но я даже не реагирую, неподвижно сидя на своем месте, очень стараясь держать себя в руках, когда вижу, как медики – медики! – обступили Реми.

Я никогда не думала, что в моей жизни когда-нибудь что-то причинит мне такую сильную боль, как повреждение лодыжки и шатающийся уход из поля на Олимпийских отборочных соревнованиях с моим сломленным духом.

Но нет. Теперь худшим днем в моей жизни является этот. Когда я наблюдала, как человек, которого я люблю, повреждает свое тело до беспамьтства, каждый миллиметр каждой четверти моего сердца разбит.

Горящими глазами я смотрю, как медики тащат его тело к носилкам, и реальность ситуации поражает меня, как пушечный выстрел. Я прыгаю на ноги и, как сумасшедшая, иду сквозь толпу людей, когда врачи начинают его уносить. Я прорываюсь через них и достигаю до носилок, взяв одну окровавленную руку, сжимая два пальца.

– Реми!

Сильные руки вырывают меня, и знакомый голос говорит возле.

– Пусть они его осмотрят, Би, – просит Райли неровным голосом, оттягивая меня назад, когда я изо всех сил стараюсь вырваться.

Поворачиваясь кругом, чтобы ударить его так, чтобы он меня отпустил, я замечаю, что у него красные глаза, когда он пытается удержать меня, и вдруг я не выдерживаю. Глубокое навязчивое рыдание охватывает мое тело, когда я хватаю его за рубашку, и вместо удара, я просто держусь за него. Мне нужно за что-то держаться, а моя большая, сильная опора сломана на носилках, избита до полусмерти.

– Мне очень жаль, – плачу я, каждая моя часть подергивается, когда слезы вырываются из меня таким самым образом, как однажды шесть лет назад. – О боже, я сожалею, я так сожалею!

Он также шмыгает носом, затем отстраняется и вытирает собственные щеки.

– Я знаю Би, я не знаю какого черта... Это просто... Я не знаю, что, черт возьми, здесь произошло. Иисус!

К нам подходит Тренер, его лицо мрачное, глаза также полны слез и разочарования.

– Они подозревают сотрясение мозга. Его зрачки реагируют неправильно.

Мои глаза снова наполняются влагой, и в горле затягивается узел, когда Райли следует за Тренером. Нора. Ох, черт меня побери, мне все еще нужно дождаться Нору! Я хватаю Райли назад, грозитя выйти больше слез, когда я понимаю, что не могу поехать с ним.

– Райли, моя сестра! Я сказала ей встретить меня здесь.

Он понимающе кивает.

– Я напишу тебе название больницы.

Несчастно кивая, я смотрю ему вслед, вытирая слезы и даже не зная, что делать с вихрем эмоций внутри меня. Я отчаянно хочу пойти с Ремингтоном, но я не могу попросить Райли поменяться со мной местами. Нора его не знает, она может передумать, если увидит его вместо меня. Клянусь, это самая трудная вещь, что я когда-либо делала, смотреть, как его увозят, полностью окровавленного, и не бежать за ним.

Я прислоняюсь к двери женской уборной и жду, жду, беспокойная от тревоги и испуганная от того, что я только что видела.

Мой разум возвращается, и я чувствую, что скоро я проснусь, и пойму, что это просто плохой сон, и Реми только что не совершал самое болезненное почти-самоубийство на ринге.

Но он совершил.

Он так поступил.

Мой Реми.

Мужчина, который играл мне «Iris.»

Мужчина, который смеется со мной, бежит со мной, и говорит, что я маленькая петарда.

Самый сильный мужчина, которого я когда-либо знала, и тот, кто был самым нежным со мной.

Тот, который немного плохой, немного сумасшедший, с которым мне немного трудно справиться.

Когда проходит три часа, я убегаю в слезах, и также теряю надежду. Нора не приходит. Ремингтон просто позволил себя избить до сотрясения мозга, и мне сообщили, где его зарегистрировали.

И когда я иду вызывать такси, я чувствую, что внутри я разбита, и это никогда больше не излечится.

В больнице он находится в отдельной палате.

Первую неделю я сижу на кресле и смотрю на его красивое лицо с трубкой, что помогает ему дышать, и я плачу от гнева, разочарования и беспомощности. Иногда я надеваю на его красивую голову наушники и включаю ему каждую песню из тех, что мы играли друг другу, ожидая увидеть, как дергаются его глаза, или какие-то признаки мыслей у него внутри. В других случаях, я выхожу в коридор просто для того, чтобы разбудить свои ноги и руки, которые заснули. Я не видела Пита, и никто не говорил мне, где он. Сегодня Райли заглядывает в зал ожидания, где я безжизненно смотрю на свою пачку арахиса. Я просто не знала, что взять, чтобы было в среднем здоровым, и я уже покончила со всеми гранолами. Думаю, я потеряла немного в весе, потому что мои джинсы свободно висят на бедрах, но мой желудок почти так же закрыт, как кулак, и несколько раз кажется, расслаблялся достаточно, чтобы позволить мне что-то съесть, мне в горло ничего не лезет.

– Он очнулся, – говорит Райли.

Моргнув, я моментально становлюсь на ноги. Я бросаю не съеденную пачку арахиса на свободное кресло возле меня, и затем бегу по коридору, останавливаясь и смотря на дверь его палаты. Боясь увидеть его. Боясь того, что собираюсь сказать.

Эти несколько дней я много думала. Фактически, это все, что я делала. Но мой ум

становится пустым от всех мыслей, когда я ступаю внутрь. Глубокая темная боль переполняет меня, когда я подхожу к кровати. Я подумала, что уже онемела, но это не так. Я медленно делаю шаг, и мои глаза фокусируются на том самом месте, где, казалось, вращался мой мир. И я вижу его. Его глаза открыты. Мне все равно, какого они цвета. Он все еще Ремингтон Тэйт, мужчина, которого я люблю.

С ним все будет в порядке, а со мной нет. И не думаю, что когда-нибудь будет.

Слезы вырываются, и все вдруг, все мои мысли обрушиваются на меня. Я столько всего должна сказать, а я просто стою посреди комнаты и проливаю слезы. Мои слова злые, но они звучат едва понятно сквозь рыдания.

– Как ты посмел заставить меня смотреть на эээто... как ты мог стоять там и заставить меня смотреть, как оон уничтожает тебя! Твои кости! Твое лицо! Тты... был... моим! Мне... принадлежал... Как ты смеешь ломать себя! Как ты смеешь ломать меня!

Его глаза также становятся красными, и я знаю, что мне следует остановиться потому, что он даже не может мне ответить, но эта дамба открыта, и я не могу остановить этого, просто не могу. Он заставил меня смотреть, и сейчас я заставляю его слушать меня, что его тупое чертово дерьмо сделало со мной!

– Все, что я хотела, это помочь своей сестре и не ввтягивать тебя в неприятности. Я также хотела защитить тебя, позаботится о тебе, быть с тобой. Я хотела осстаться с тобой до тех пор, пока бы ты не устал от меня, и не нуждался бы во мне. Я хотела, чтобы ты любил меня потому, что я... я... О, боже, но ты... я... не могу. Я больше не могу. Тяжело наблюдать за тем, как ты дерешься, но смотреть, как ты убиваешь себя это... я не буду этого делать, Ремингтон!

Он издает болезненный звук в постели и пытается пошевелить хотя бы одной рукой в гипсе, а его глаза горят красным, разрывая меня.

Я не могу вынести того, как он смотрит на меня. Как его глаза вцепились в меня. Уничтожая меня.

Горячие слезы продолжают стекать по моим щекам, когда я поддаюсь безрассудному импульсу и подхожу к нему. Я прикасаюсь к его свободной руке и склоняю голову к его груди, поднимая его пальцы и лихорадочно целуя костяшки пальцев, понимая, что они становятся влажными от моих слез, но я не могу остановиться, потому что в последний раз я собираюсь целовать его руку, и это больно.

Он стонет, когда неуклюже ставит свою руку в гипсе мне на затылок, и тяжело гладит мои волосы. В его горле трубка, но когда я вытираю свои слезы и смотрю на него, его глаза кричат мне вещи, которые я не могу услышать. Я встаю, действуя трусливо, как говорит Мел, а он хватает мою руку и не отпускает. Я тоже не хочу его отпускать, но я должна. Я с усилием освобождаю свою руку и целую его в лоб, в самый центр, я надеюсь, что он почувствует этот поцелуй глубоко в душе, откуда он исходит из меня. Он издает грубый звук и начинает тянуть трубку на горле, аппарат издает звуковые сигналы, когда он успешно начинает выдергивать все трубки, прикрепленные к нему.

– Реми, нет, нет! – умоляю я, когда его старания только усиливаются и он рычит от гнева, затем я открываю дверь и зову медсестру. – Медсестра! Пожалуйста!

Медсестра вбегает в комнату, и я чувствую такую боль, когда она вводит какой-то транквилизатор ему, как будто мне больше нечего чувствовать, кроме узла боли. Я не могу поверить, что собираюсь это сделать с ним, что я настолько труслива и бесполезна, как никто другой. Но когда медсестра успокаивает его и поправляет респиратор, я смотрю на

него от двери, его вид теперь спокойней, когда он смотрит на меня, и я улыбаюсь фальшивой улыбкой, которая ужасно дрожит на моем лице, и я уйду.

Я ненавижу то, что он проснется со своими красивыми голубыми глазами и может не вспомнить того, что я говорила, или где я нахожусь, или что со мной случилось. Но я просто не могу остаться.

Я нахожу Райли в кафетерии и показываю ему конверт, который приобрела у одной из медсестер пару дней назад.

– Я уйду, Райли. Мой контракт закончился пару дней назад. Просто... попрощайся за меня с Питом и пожалуйста... – я передаю ему конверт с именем Ремингтона, сильно дрожащий в воздухе, – передай Ему это, когда его глаза вновь будут голубыми.

Той ночью я улетаю в Сиэтл, падая на сиденье, чувствуя себя такой мрачной и пустой, как заброшенное здание, и мне интересно, когда я невидящим взглядом смотрю из окна, стали ли его глаза опять голубыми, читает ли он уже мое письмо. Я перечитывала его тысячу раз в голове, и перечитывала его тысячу раз, когда написала его в третью ночь в больнице, когда я знала, что не собираюсь оставаться.

Дорогой Ремингтон,

В первый раз, когда я тебя увидела, думаю, что уже принадлежала тебе. И я также думаю, ты знал об этом. Как ты мог не знать, что земля дрожала у меня под ногами? Так и было. Ты заставил ее двигаться. Ты раскрасил мою жизнь снова. И когда ты пришел за мной и поцеловал меня, я просто знала, что где-то глубоко внутри меня, моя жизнь будет затронута и изменена тобой. Так и случилось. Самые удивительные, невероятные, прекрасные моменты моей жизни у меня были с тобой. Ты и твоя команда стали моей новой семьей, и никогда я и на секунду не планировала уходить. Не от них, но больше всего, не от тебя. С каждым днем, что я проводила с тобой, я жаждала тебя все больше. Все, чего я хотела в течение дней – это быть ближе. Это больно, находиться с тобой и не прикасаться к тебе, и я хотела проводить каждую свободную минуту с тобой и каждую минуту сна в твоих руках. Так много раз я хотела сказать тебе, что ты заставляешь меня чувствовать, но я хотела, чтобы ты сказал это первым. Моей гордости теперь нет. У меня нет места для этого, и я не хочу жалеть о том, что не сказала тебе. Я люблю тебя, Реми. Всем своим сердцем. Ты самый нежный, и в то же время, прекрасно сложенный боксер, которого я когда-либо знала. Ты сделал меня безумно счастливой. Ты бросил вызов и обрадовал меня, заставляя меня внутри чувствовать себя, как ребенок, ожидая с нетерпением всех тех удивительных вещей, просто потому, что я смотрела в будущее с мыслью разделить это все с тобой. Я никогда не чувствовала себя настолько в безопасности, как когда я нахожусь с тобой, и я хочу, чтобы ты знал, что я полностью влюблена в каждую часть тебя, даже в ту, которая разбила мне сердце. Но я не могу больше остаться, Реми. Я не могу смотреть, как ты вредишь себе, потому что, когда ты это делаешь, ты причиняешь мне такую боль, какую я никогда не думала, что кто-то может мне причинить, и я боюсь сломаться, и никогда не поправиться. Пожалуйста, никогда больше не позволяй никому делать тебе больно таким образом. Ты – боец, которым каждый хочет быть, и поэтому все в мире тебя любят. Даже, когда ты получаешь повреждения, ты снова встаешь и продолжаешь бороться. Спасибо, Реми, за то, что открыл мне свой мир. За то, что поделил себя со мной. За мою работу, и за каждую твою улыбку мне. Я хочу сказать тебе, чтобы ты поскорее выздоравливал, но я знаю, что ты так и сделаешь. Я знаю, что ты будешь голубоглазым, самоуверенным и снова будешь драться, а я буду в твоём прошлом, как

все то, что ты преодолел до меня. Просто знай, что я никогда не буду слушать песню «Iris» снова, без мысли о тебе.

Всегда твоя,

Брук

Глава 13

СИЭТЛ ДОЖДЛИВ, КАК НИКОГДА

Даже Мел не может поднять мне настроение.

Я говорила со своими родителями и рассказала им, что все прекрасно, особенно не имея желания волновать их по поводу Норы, пока я не выясню, как собираюсь вернуть ее домой. Я уже узнавала, что следующий сезон в Подземелье начнется в феврале следующего года, и начнется он в Вашингтоне.

Я, вероятно, собираюсь принять предложение работы из Военной Академии Сиэтла с моими учениками среднего класса, чтобы начать в августе, но, если я это сделаю, то не смогу путешествовать в Феврале в поисках своей сестры. Что мне не нравится. И все же, если я решу идти за Норой, я действительно не знаю, достаточно ли я сильна, чтобы снова увидеть Ремингтона в Подземелье.

Мелани, которая следит за новостями в Твиттере, говорит, что все его фанаты размышляют, вернется ли он в бой в следующем году.

– Пожалуйста, – говорю я ей сейчас, когда мы бегаем, а она снова поднимает эту тему. – Пожалуйста, не говори больше о нем со мной.

– Почему нет? Давай, маленькая глупышка. Прежде у тебя никогда не было любовного увлечения, и становится интересно поговорить об этом так, как, наконец, это не относится ко мне.

– Только не говори мне о нем, пожалуйста! Я люблю его, Мелани. Я люблю его. Он не просто звезда, для меня он является целым чертовым небом. Он солнце, и каждая планета в этой галактике. Мне больно думать о нем, ты не понимаешь?

На грани слез, которые, наконец, заткнули Мелани, я беру свой iPod и вставляю наушники в уши, но, когда я его включаю, даже музыка влияет на меня потому, что каждая песня, которую я слушаю, заставляет меня задуматься, хочу ли я сыграть это ему.

Полностью огорчена из-за того, какой я стала изменчивой, я засовываю свою музыку назад в нарукавную повязку и сосредотачиваюсь на беге, тук-тук-тук, по земле. Теперь солнце становится все выше и, когда мы поворачиваем за угол моего дома, мы видим черную Эскаладу, припаркованную прямо перед моим домом.

Не прекращая бега, мы направляемся к ней и, когда мы приближаемся, двери открываются, и мужчина в черном, очень похожий на Пита, выходит. Вслед за ним еще один, кто, должно быть, Райли.

И вдруг, стоящим напротив меня красивым, здоровым и полным жизни, является Ремингтон Тэйт. Я вижу его блестящие темные волосы, его сексуальное мальчишеское лицо, слегка неухоженную челюсть, весь его мужественный загар кожи, идеальные мышцы, и мое сердце замирает.

Я перестаю бежать.

Перестаю дышать. Перестаю существовать.

Мой мозг становится пустым, мои легкие закрываются, мои уши отключаются.

Я смотрю на него. А он смотрит на меня.

И когда мы пристально смотрим, друг на друга, мое сердце возобновляется от нового порыва эмоций.

Оно подскакивает и бежит к нему, врезается в него, взрывается в нем, и хотя это болит,

как открытая рана – смотреть на этого мужчину, все мои чувства оживились, и я не могу оторвать от него глаз, даже если от этого зависит моя жизнь. В моем желудке происходит собственный День Независимости, когда я чувствую, как меня толкает Мелани в спину, и мы начинаем идти к ним в более медленном темпе.

Щекочущие нервы шаги.

Такое ощущение, что весь мир находится в замедленном темпе. На каждый мой шаг идут годы.

Ремингтон выглядит таким... большим, когда мы приближаемся. Больше самой жизни, и мне даже не верится, что этот поразительный человек когда-то был немного моим.

Плохо то, что мое тело не принимает того, что он больше не мой, и каждая моя клетка кажется намагниченной им, как будто они все по-прежнему считают, что он принадлежит мне.

– Вот дерьмо, этот мужчина так горяч, – Мелани выдыхает в мою сторону.

Я беспомощно киваю и упиваюсь им несколько раз, с ног до головы. Что-то проходит сквозь меня, как будто это первый поток воды за несколько недель, и каждая пора во мне обезвожена. Дрожь обволакивает мое сердце. Я знаю, что нет сомнения в том, что я столь же влюблена в него, как и была прежде. И это ничего, ничего по сравнению со вторым моментом, он кратко, почти скучно, улыбается мне.

– Мисс Дюма? – говорит Пит с усмешкой, когда мы приближаемся. – Мы считаем, что это принадлежит вам.

Он указывает в сторону Ремингтона, наблюдающего за мной с этой скучающей улыбкой, медленно исчезающей, когда он изучает меня. Мой пульс становится бешеным, я могу слышать его в ушах, и затем, я понимаю, что из машины еще кто-то выходит. Это женщина. Она выглядит, как... Нора.

Я моргаю, и мое сердце останавливается.

– Нора?

– Нора? – повторяет Мелани, и я уверена, звучит она еще глупее, чем я.

– Мы просто хотели убедиться, что она безопасно вернулась домой, – говорит Пит.

– Нора? – повторяю я. И теперь это действительно звучит глупее Мелани.

– Это я! – Она выглядит живой, как когда-то. Она обнимает меня, и при этом дрожит от волнения. – Это я, старшая сестренка! Я вернулась! Я прошла реабилитацию. Пит помог мне. – спешит она объяснить. – И я избавилась от тату. – Она указывает на свою розовую скулу. – Я чувствовала себя так ничтожно, когда ты смотрела на меня в тот день, Брук. Я чувствовала себя так ничтожно и так... грязно.

– Нет! Нет, никогда! – Пошатываясь от удивления, я еще раз ее обнимаю, по-прежнему ошеломлена и не верю, что моя младшая сестра в моих руках, и затем Мелани обнимает ее и предоставляет ей немного любви-Мел.

– Нора! Нора Камора Лалора Крейзола! – Она обнимает, кружит вокруг и сжимает ее, и я оборачиваюсь посмотреть на трех мужчин, стоящих передо мной, и так как я не могу заставить себя заговорить с тем, с кем действительно хочу, я обращаюсь к Питу.

– Пит, что происходит?

– Сюрприз, – говорит он, шевеля бровями и указывая на Нору. – Она много сделала. Такая милая девушка.

Я нетерпеливо продолжаю смотреть на него, и он кивает на Ремингтона, который только что засунул руки в карманы джинсов. Его глаза раздевают меня сверху вниз, не

останавливаясь, заставляя меня задуматься о своем спортивном снаряжении, о том, как он обнимает мою попу, мою грудь, и мою потолстевшую талию из-за употребления, повышающего настроение черного шоколада просто, чтобы спастись от хандры и полного разочарования разбитого сердца.

– В ночь, когда Ремингтон пошел драться со Скорпионом, Скорпион предложил ему твою сестру взамен на звание чемпиона. И Реми согласился, – затем говорит мне Пит.

Мгновение я стою неподвижно, опустошенная, нерешительная и совсем сбита с толку. Когда мои глаза растерянно ищут Ремингтона, я чувствую, как меня поражает шок при интенсивности его взгляда.

Затем, я поражена.

– Ты имеешь в виду, он согласился... проиграть? – ради Норы?

Нет, не ради Норы, ты тупица.

Ради тебя.

Сильные эмоции проносятся через мое тело, оседая, как горящий стержень света в моем мозге, освещая меня масштабами чего-то, что звучит невозможным, но они только что сказали, что это является правдой.

Быстро поворачивая голову со стороны в сторону, я беспомощно удерживаюсь за эти до боли знакомые голубые глаза с черными ресницами. Мой пульс вращается от замешательства и неверия. Во мне бушует война эмоций, когда странные и тревожные мысли проносятся в моей голове, сжимая мое сердце.

– Ты сделал это ради... Норы? – затаив дыхание, спрашиваю я Ремингтона.

Его лицо такое красивое, мне просто хочется схватить его за колючие волосы и целовать его до потери сознания, но на данный момент, я не думаю, что заслуживаю даже на то, чтобы этот человек стоял здесь.

Глядя на меня, не сказав мне, какая я дрянь, что оставила его таким образом.

Чувствуя болезненный ушиб внутри, что не является правильным чувством, когда тебе говорят, что твоя младшая сестра, к счастью, счастливо вернулась домой, я сажусь на лестницу, ведущую в мой небольшой дом, выбита из ступора, когда я неистово пытаюсь сморгнуть угрожающий выйти наружу целый колодец слез.

Пит берет зеленую сумку из багажника Эскалады и направляется внутрь с Норой.

– Позволь мне это занести для тебя, Нора.

Я осталась с Райли, взгляд, которого перемещается с Мелани ко мне, как мяч для пинг-понга, а также остался Реми. Мой Реми. Реми, которого я бросила в больнице. Тот, которого я обожаю. Тот, по которому я схожу с ума. Тот, которому хватило мужества быть растерзанным и униженным ради моей сестры. Для меня.

Больной ком накапливается у меня в горле, и я едва могу это вынести.

Он такой красивый, такой знакомый, я чувствую себя пленником собственного тела, кричащим, чтобы прикоснуться к тому, что у меня было, что в течении нескольких недель, рассматривалось как мое.

Его большие руки по-прежнему в карманах его джинсов, и мне интересно, может, он борется с теми же проблемами? Но в выражении его лица есть какая-то мрачность, редко появляющаяся, когда его глаза голубые. А они настолько голубые, я просто тону в них.

Я обнимаю себя руками и опускаю голову, когда во мне продолжает расти стыд.

– Почему ты мне не сказал? Что ты перестал драться для... нее?

Я даже не могу сказать "меня" – чувствую себя ужасно.

Но Ремингтон мягко говорит,

– Ты имеешь в виду тебя.

Райли перебивает,

– Я также не знал, Брук. Или Тренер. Только Пит знал. Он тот, кто нашел его в ту ночь, и он помог обеспечить безопасность твоей сестре, пока Ремингтон доставлял победу.

Мои глаза переходят на лицо моих мечтаний, и мой голос дрогнет от боли того, как то, что он сделал для меня, просачивается в мои поры.

– Как ты? Ты в порядке? – я смотрю на него, а его глаза голубые и горят от эмоций, когда он кивает. Он сердится на меня. Я так думаю. Я не знаю. Я чувствую удары в живот, когда смотрю на него, но в то же время, это все, что я хочу делать.

– Какую потерю несет тебе этот проигрыш? – спрашиваю я его. О, боже, я так соскучилась по- своему Ремингтоном, что, когда я смотрю на него, в эти совершенно голубые глаза, прекрасное лицо, у меня на глаза наворачиваются слезы.

Я думаю, что ему тоже трудно говорить, потому следует молчание.

Всплеск жестокого неожиданного отчаяния дико обрушивается на меня, когда я смотрю на этого удивительного непредсказуемого мужчину, непостоянную тайну Ремингтона Тэйта, и вдруг ничего в мире не причиняет мне больше боли, чем иметь его и потерять.

– Потерю? Не считая того, что мы бедные? – наконец отвечает Райли, когда, кажется, что ни Ремингтон, ни я не собираемся говорить. Он посмеивается немного слишком громко и откидывает волосы назад. – У него есть пару миллионов, чтобы продержатся в течение года. Мы снова возвращаемся, когда начнется новый сезон. Фанаты Реми требуют возмездия.

– У тебя преданные поклонники, разве нет? – тихо спрашиваю я, направляя свой вопрос Ремингтону, вспоминая, все те цветы, которые он заставил их подарить мне, и я снова чувствую тошноту и возбуждение.

В эту секунду возникает такое чувство, как будто всю свою жизнь я ждала, чтобы снова с ним поговорить. С моим партнером по бегу и другом, моим любовником. Моей любовью.

– Ну, пора ехать. – Райли хлопает по спине Ремингтона, и моим внутренностям становится больно. – На самом деле, Брук, мы здесь также и потому, что ищем специалиста по спортивной реабилитации к предстоящему новому сезону. Хорошего, чтобы получить преимущество на тренировках. – Говорит Райли, вытягивая что-то из заднего кармана. – На случай, если ты заинтересована, номер Мистера Тэйта, если рассмотришь, находится на обороте. Здесь также есть отель, в котором мы расположились. Мы уезжаем через три дня.

Я наблюдаю, как Райли залезает в машину, затем Пит выходит из моего дома и прощается.

Я смотрю на Ремингтона, а он смотрит прямо на меня, и сквозь все те эмоции, что я вижу в его глазах, я не могу решить, какая из них изматывает меня больше всего. Моя кожа покрывается мурашками в тихой мольбе о его касании – покалывания от его мозолей, то, как он проводит по мне языком. Мой темноволосый лев. Облизывающий и утверждающий меня.

Мое сердце причиняет мне боль, когда мы оба устали друг на друга, но никто из нас не говорит, даже когда есть тысяча вещей весом нас обоих.

– Ты хорошо выглядишь, Реми, – говорит Мелани с теплой улыбкой.

Он одаряет ее видом этих ямочек, которые меня убивают, и затем его глаза возвращаются ко мне, и его ямочки исчезают.

– Ты знаешь, где меня найти. – Он залезает в машину и уезжает, оставляя за собой меня, полностью покрытую гусиной кожей.

Мелани первой заходит внутрь, но я остаюсь на улице под солнцем, просто... осмысливая.

Затем я шагаю домой, и мое сердце раздувается от звука взволнованного голоса Норы, напоминая мне, что она здесь. Неожиданно моя квартира кажется мне общежитием колледжа со смеющимися друзьями, и все благодаря Реми.

– Я действительно думаю, что нравлюсь ему!

– Нора! – Я захожу в эклектическую гостиную – любезное предоставление бесплатных навыков декора Мелани, – и сжимаю свою сестру в больших медвежьих объятиях снова, где медведем становлюсь я. – Дай мне посмотреть на тебя. Ты в порядке?

Я осматриваю ее с ног до головы и признаю, что она хорошо выглядит. Розовые щеки, блестящая улыбка. Она закрутила свою золотистую гриву в милый пучок, показывая свои эльфийские уши, ее милые изогнутые губы накрашены. Она выглядит стройной и здоровой, а оживление в ее глазах очаровывает меня. Это Нора, которую я помню. Моя маленькая сестра.

Она сжимает мои руки и решительно кивает, счастливо переплетая свои холодные пальцы с моими.

– Нора рассказывала мне, как Ремингтон дрался со Скорпионом для нее. – Мелани расширяет на меня глаза и многозначительно кивает. – Она думает, что Ремингтон горяч из-за того, каким образом он дрался со Скорпионом ради нее.

Подлый намек на ревность сворачивается вокруг моего желудка.

– Ох. Конечно.

Нора видела его в течении прошлых четырех недель, наверное, и от мысли, что какая-то женщина наслаждается его улыбками и его голосом, в то время, как я сама от этого отказалась, мне становится немного плохо.

– Брук, ты бы его видела, – вспыхивает Нора, не обращая внимания на мою внутреннюю камеру пыток под названием "сердце". – Он просто ворвался в наши снятые комнаты и нокаутировал двух из мужчин, и затем он прямо направился к Бенни, не останавливаясь. Он воткнул карандаш в его татуировку так глубоко, что полностью деформировал ее.

– Подожди! Кто, черт возьми, такой Бенни? – спрашивает Мелани.

– Скорпион! – объясняет Нора, она восторженно улыбается. Серьезно, я все еще уставилась на нее в благоговении потому, что она выглядит другим человеком по сравнению с одурманенной огненно-рыжей девушкой с татуировкой скорпиона из японского ресторана. Месяц реабилитации творит чудеса. И мой темноволосый боец...

– Ох! Бенни это Скорпион, поняла! – говорит Мелани, закатывая глаза.

– Он был похож на дьявола, высвобожденного из ада, не прекращающего ударов. Бенни не мог его остановить, когда тот продолжал кричать держаться подальше от его девушки, что он не уйдет без того, чего хотела его девушка, и тонны плохих слов. Затем Бенни с усилием удалось остановить его и предложить меня. Он сказал, если тот остановится, то он освободит меня взамен на чемпионат. Тогда Реми посмотрел на меня и спросил, являюсь ли я твоей сестрой. Я кивнула. И он согласился. Он даже не засомневался. Он хотел, чтобы меня выпустили оттуда в ту самую ночь, но Бенни сказал, что я должна быть взаперти, пока Ремингтон не исполнит условие, так что Реми позвал, Пита за мной. Пит доставил меня в реабилитационный центр в Коннектикуте, а Реми заплатил за мое пребывание там, а потом он послал Пита назад за мной.

Я падаю в кресло, я просто не могу держаться в вертикальном положении, мои глаза в

замутнении. После все тех слез, что я выплакала, мне кажется, что я все еще могу выплакать еще одно большое озеро. Из-за Ремингтона Тэйта. И из-за меня самой. Из-за того, что недооценила того, в котором была уверена, что он сделает что-то не так, но вместо этого он сделал для меня самое лучшее и невероятное. Реми, когда становится темным, делает много плохого, или так должно быть. Но ведь он и правда, сделал все правильно с Норой. Для меня. Я знаю, несмотря на романтическую сторону Норы, он дрался для меня. Для меня он плюнул на бой. Ради меня, и того, кого я люблю, что он пообещал защищать, как свое, в ночь, когда он сделал разгром в ресторане отеля.

Я помню, как он был горд во время боя, принимая каждый удар. Как ему должно было быть больно не отбиваться! Это все, что Реми умеет. В глубине души он боец. Даже в его глазах я видела его ярость. Он едва может контролировать себя, когда его провоцируют, и он сдерживался, когда ему делали больно, таким образом, только ради меня. Ради моей сестры.

Что-то щелкает у меня в голове, и мое сердце вздувается, пока мне не начинает казаться, будто я тресну от боли и эмоций. На меня нахлынули мысли о ночи, когда я впервые увидела этого мужчину. Сверкающие голубые глаза, золотистый загар, колючие черные волосы, игривое лицо и мужское тело.

– Твое имя, – зарычал он, тяжело дыша, смотря на меня дикими глазами.

– Э-э, Брук.

– Брук как? – сразу выдал он, его ноздри раздулись.

Дрожащими попытками я освободила свою руку и с ужасом взглянула на Мел, которая пришла за ним, широко распахнув глаза.

– Брук Дюма, – сказала она, а затем с радостью выпалила мой номер телефона. К моему огорчению. Его губы изогнулись, и он снова встретился со мной взглядом.

– Брук Дюма, – Он, как будто, трахал мое имя прямо передо мной. И прямо перед Мел. Он сделал шаг вперед, и его влажные руки скользнули к задней части моей шеи. – Брук, – мягко произнёс он, многозначительно улыбаясь мне в губы. – Меня зовут Ремингтон".

О, боже, я знала, что моя жизнь изменится. Я только не представляла насколько.

Я. Люблю. Этого. Мужчину.

Да, с этим человеком будет трудно, и к тому же он биполярный.

Он сильный и гордый, и я не ожидаю, что он будет умолять меня.

Но даже при том, что он, вероятно, не будет просить меня вернуться, он, в конце-концов, также и не говорит мне просить прощения за то, что была дерьмом и бросила его в больнице.

Чувство первого настоящего ощущения радости за несколько недель разворачивается в моем желудке. Я бросаю взгляд на адрес отеля, написанный на карточке, и мои внутренности зашевелились от предвкушения.

Он хочет быть моим по-настоящему, а не просто приключением. Даже, когда он станет самым настоящим в моей жизни, я знаю, это все еще будет приключением. Потому, что это он. Захватывающий прыжок на веревке... свободное падение... Круглый год у меня Олимпийские испытания... вот на что похожа моя влюбленность в него. Интересно то, что, когда он становится темным... на это будет похоже... вся напористость, заносы и рассуждения с ним.

И вдруг, это все, о чем я могу думать.

И вдруг, все, что останавливает меня побежать к нему – это мое больное колено.

Я хочу работу, которую он может предложить.

Я хочу быть со своим большим, сумасшедшим, сексуальным зверем, и я ни перед кем не буду за это извиняться. Он биполярный, и я без ума от него.

Он никогда не говорил, что любит меня. Но он вернулся за мной. Он вернул мне мою сестру. Он пожертвовал своим богатством, своим боем, пролежал без сознания на больничной койке. Из-за меня.

– Нора, я собираюсь позвонить маме и папе, так что ты сможешь провести с ними время. Как ты на это смотришь?

– Хорошо, Брук, я думала о том, что ты мне говорила, и я хочу закончить колледж.

И тут вмешивается Мел.

– Оу, ура! Нора, в колледже куча классных парней, девочка! Это то, что ты определенно не захочешь упустить, – добавляет она в полном возбуждении, все еще вся в поту и с красным лицом от нашей пробежки.

Плюхаясь рядом с Норой, я говорю ей:

– Дело в том, что некоторое время меня может не быть поблизости. Моя новая работа требует разъездов.

– Новая работа? – интересуется Мелани, нахмурившись. – Выкладывай, Бруки! – угрожающе говорит она.

– Мел. Я собираюсь получить работу, которую хочу с человеком, в ком я нуждаюсь, – признаюсь я.

– Ты имеешь в виду, что собираешься вернуть человека, в ком ты нуждаешься, с работой, которую ты хочешь, – поправляет она.

– Какая разница! – смеюсь я, бросая в нее карточкой. – Я собираюсь вернуть свою работу.

– С Ремингтоном? – спрашивает Нора.

– Нора, твоя сестра, не смотря на то, что не относится к тому типу, что так низко опускается, по уши влюблена в этого парня. А он ухаживал за ней в течение нескольких месяцев, – говорит ей Мел, протягивая мне карточку.

Мы оба ждем ее реакции, и она удивленно открывает рот, указывая на себя.

– Ох. Вы думали, что я...? Я не говорила, что Ремингтон желал меня. Я сказала, что Ремингтон очень горяч, но я говорила о Пите.

– Пит! – смеюсь я в восторге и с облегчением, снова сжимая ее в своих объятиях. – О, Педро такой замечательный парень. Если я вернусь на работу, я думаю, вы увидите.

– Брук, я осознаю, что всегда была немного слишком... романтичной, но то, что он сделал, – говорит она мне с серьезными глазами. – Ремингтон, я имею в виду... Брук, я никогда в жизни не видела, чтобы мужчина за кого-то так дрался.

Закрыв глаза, я киваю, удерживая руку на ее плече, пока визжит Мелани,

– Сэндвич! – и подходит, чтобы обнять меня с другой стороны. Они обе почти убивают меня своей любовью.

– Ты часто будешь меня приглашать? – Мел шепчет мне в ухо, отодвигаясь.

– Вас обеих, – обещаю я. Даже, если мне придется сильно экономить, чтобы устроить это.

Тридцать шесть часов спустя я оставила Нору с родителями, и они продолжают спрашивать ее о тех крокодилах. Теперь бедной Норе придется заплатить за все свое вранье, когда ее спрашивают о Индийской культуре, Эйфелевой башне, и о работах.

Мелани помогла мне упаковать вещи и пролила немного слез, когда махала мне в такси,

но я продолжала ей говорить:

– Это не навсегда! Это временно, маленькая слабачка. И я сделаю так, чтобы ты летала ко мне, как ненормальная.

Мой голос был уверенным, но, честно говоря, я даже не знаю, как сегодня пройдет моя встреча или собеседование, или как там оно будет называться. Я только знаю, что направляюсь к Реми, и мое тело уже чувствует себя полем битвы желания, страха, тоски, любви, необходимости и сожаления.

Я не уверена, с каким Реми сегодня встречу. Я знаю только то, что Ремингтон Тэйт – это тот мужчина, с которым люди не планируют длительных отношений. Он притягивает женщин и проблемы, и у него есть темная сторона, которую нелегко контролировать.

Он мой зверь. Мой темный и светлый. Мой.

У меня просто нет другого выбора, кроме как связать свою дальнейшую жизнь с ним.

* * *

– Мы так чертовски рады тебя видеть! Я бы обнял тебя, если бы не боялся потерять свою шею в тот же день, – говорит Райли, когда замечает меня за порогом, и он так сильно улыбается, его грустные глаза серфингиста, кажется, загораются настоящим весельем.

– Эй, я думала, что вы ребята, бедные. Бедные люди не снимают президентских номеров, – говорю я, заходя внутрь и бросая свои сумки у двери.

– Бедные по стандартам Реми. – подходит Пит, чтобы отнести мои вещи в одну из комнат. – Он тратит несколько миллионов в год, поэтому, естественно, он должен продолжать столько же зарабатывать, но он продал дом в Остине, и мы работаем над получением некоторых индоссаментов.

Кивнув, я кидаю жаждущий взгляд дальше по коридору на спальни, интересуясь, здесь ли он. Когда парни проводят меня в гостиную, я наконец ломаюсь и говорю,

– Ладно, мне нужно знать, по-прежнему ли заинтересован Мистер Тэйт в моих услугах? В специалисте по реабилитации?

– Конечно, – уверяет Пит, плюхаясь на диван и, как всегда, играя со своим галстуком. – Он хочет сосредоточиться на важном. Он желает тебя, и он очень конкретно заявил, что не желает никого другого.

Я смеюсь, и затем становлюсь серьезной, когда они оба уставились на меня, как на упавшую звезду, которую только что поймали.

– Ребята, – говорю я, закатывая глаза. – Не тупите. Он здесь? Он сказал вам бесконечно мучить меня?

– Никогда! – Смеются они оба, и Пит первый восстанавливается, приобретая серьезное выражение лица. – За эти последние дни он тысячу раз проходил дистанцию. Сейчас он на пробежке. – Он обеспокоенно удерживает мой взгляд, заметно снижая голос, упираясь руками в свои колени.

– Твое письмо, Брук. Он перечитывал его около тысячи раз. Он не стал с нами говорить. Мы не знаем, что он чувствует.

До меня доносится звук закрывающейся двери, и когда я подскакиваю на ноги, перестаю дышать.

Стоя в другом конце комнаты, вся в поту, я готова сделать все возможное и рискнуть

всем ради его любви. Мое сердце останавливается на мгновение и затем подпрыгивает на полной скорости, потому что этот мужчина так на меня действует. Я стремлюсь к нему, даже оставаясь стоять на месте.

Его волосы идеально взъерошены, и он стоит здесь, сексуальный бог моих мечтаний, мой то-голубо-то-черноглазый дьявол. Он смотрит на меня, потом на Пита, на Райли, затем направляется ко мне, его обалденные кроссовки заглушаются ковром. Я вижу, как в его глазах развиваются эмоции, начиная с удивления, с намеком на гнев, и заканчивая чистой раскаленной необходимостью.

Я не знаю, как долго я на него пялюсь, но это длится так долго, что я чувствую, как трескает химия в воздухе, как будто что-то нереальное и электрическое проходит между нами. Его грудь поднимается и опускается, и дикая необходимость убрать эмоциональную дистанцию между нами причиняет мне боль в груди.

– Я бы хотела поговорить с тобой, Ремингтон, если у тебя есть минутка.

– Да, Брук, я тоже хочу с тобой поговорить.

Тоны его номера ничем не спасают мою быстро исчезающую уверенность, но я внимательно иду за ним по пятам. Легкий запах осени смешался с ароматом океана его кожи, заставляя меня чувствовать себя ужасно жарко, и я почти дезориентируюсь от желания, когда он ведет меня в свою спальню.

Он закрывает за собой дверь, поворачивается ко мне и сквозь меня проносится тепло, когда он оборачивает свою горячую большую руку вокруг моей шеи и наклоняется, чтобы вдохнуть мой запах. Уничтожена таким собственническим жестом, когда он, уткнувшись носом в мои волосы, делает длинный глубокий вдох, я всеми пальцами хватаюсь за его футболку и прячу в ней свое лицо, тоскуя по нему.

– Не отпускай меня, пожалуйста, – прошу я.

Он убирает свою руку, освобождая меня, как будто раздражаясь от того, что первым делом схватил меня.

– Если ты так сильно меня желаешь, тогда почему ты ушла? – Он лишает меня решимости, наблюдая, как я сажусь на скамью у подножья кровати. Скрестив свои мощные руки, он хмурит брови, расширяя свою позицию, почти угрожающе. – Я говорил что-нибудь, когда находился в маниакальном состоянии?

От внезапного яркого воспоминания, в моей удивительной памяти хранится каждый момент, и я останавливаюсь на одном.

– Ты хотел забрать меня в Париж.

– Это плохо?

– И заняться со мной любовью в лифте.

– Разве?

– И взять меня в моих розовых брюках, – невнятно признаюсь я, и неожиданное тепло приливает к моим щекам.

Он продолжает смотреть на меня с натянутой на лицо непроницаемой маской. Его руки тесно скрещены, как будто он держит в себе бушующие эмоции. И я дрожу, потому что никак не могу определить, что в его глазах, любовь или ненависть. Это просто съедает меня.

– Ты забыла о той части, когда мы включали друг другу песню, – говорит он мне тихим шепотом, и понимание того, что он, вероятно, помнит, как нежно занимался со мной любовью после этого, вызывает в моей груди жгучие эмоции, быстро поднимающиеся к горлу.

Я задерживаю дыхание в молчаливом шоке, когда он дотягивается к моей руке,

заклячая ее в своей холодной хватке, и подносит мои пальцы к своим губам.

Мое сердце ускоряет ритм, когда я, оставаясь на месте в приятной агонии наблюдаю, как он переворачивает мою руку. Он смотрит в центр моей ладони перед тем, как наклонится и провести по моей коже языком, нежно облизывая меня. В моем желудке взрывается потребность.

– Та фотография очень рассердила меня, Брук, – говорит он в мою кожу, проводя своим языком по чувствительному месту на моей ладони. – Когда ты принадлежишь кому-то... то никого другого ты не целуешь. Ты не целуешь его врага. Ты ему не врешь. Не предаешь его.

Мой организм оживает, когда его зубы касаются моей ладони.

И з меня вырывается дрожащий голос.

– Прости. Я хотела защитить тебя, как ты защищаешь меня. Я никогда больше не буду ничего делать за твоей спиной, Реми. Я ушла от тебя не потому, что ты находился в маниакальном состоянии, я просто не хотела, чтобы ты становился таким или унижался из-за меня.

Он мрачно кивает, бросает на меня быстрый жаждущий взгляд, отпуская мою руку назад на мои колени.

– Тогда, должно быть, я что-то упустил. Потому что я до сих пор не понимаю, какого хрена ты оставила меня, когда я так чертовски в тебе нуждался!

Боль в его голосе задевает меня и жалит мои глаза.

– Реми, прости! – несчастно плачу я.

Он взволнованный стонет, затем вытаскивает мое как попало завернутое письмо с кармана джинсов, на стул. Бумага смята и протерта посередине из-за стольких чтений.

– Ты действительно имела ввиду то, что ты писала мне? – От глубоко несчастного его голоса волосы на моем теле встают дыбом.

– Что именно?

Он хватая бумагу, разворачивает ее и тыкает пальцем на слова:

«Я люблю тебя, Реми.»

Затем он снова сминает ее в кулаке, глядя на меня в гневе и отчаянии. Мое сердце сжимается, когда до меня доходит, что он даже не может сказать мне этого вслух.

Кто вообще говорил ему, что любит его?

Я.

В письме.

В тысячи песен.

Но не вслух.

Даже его родителям нужны были только деньги. Они никогда не признавали его и не дарили ему любви, которую он заслуживал. А я? О, боже, я его оставила. Так же, как все остальные. Горло сжимается, я очень быстро киваю, а его челюсть так сильно сжимается, как будто он сдерживает какое-то дикое чувство.

– Скажи это, – грубо шепчет он.

– Зачем?

– Мне нужно это услышать.

– Почему тебе нужно это услышать?

– По этой причине ты от меня ушла?

Горящие слезы заполняют мои глаза.

В его вопросе слышится отчаяние, и я думаю, что он так сильно хочет это знать потому,

что это, наверное, единственная причина моего ухода, которую он сможет принять.

Новая сильная боль пробуждается в моей груди, когда я представляю себе, как он просыпается в больнице после того, что сделал для меня, и понимает, что я ушла. Когда я сказала, что мне никогда не было его достаточно...

– Из-за этого, Брук? Почему ты ушла? Или, потому что ты готова бросить меня? Я думал, ты более храбрая, маленькая петарда, я действительно так думал.

Он дико изучает мое лицо, и я чувствую, что также дико смотрю на его потрясающе красивые черты лица, заметив, что над его бровями все еще есть шрам...

Я импульсивно дотрагиваюсь к нему, и в момент, когда мой палец касается с его заживляющей кожей, из меня вырываются слова.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя. – В его груди задерживается дыхание, и я в порыве продолжаю. – Больше, чем можно любить любого другого человека. Я ушла, потому что ты разбивал мое сердце, снова и снова той ночью, вместе с твоими костями. Я ушла потому, что я больше не могла этого вынести!

Он закрывает глаза, и меня так глубоко задевают его мучения. Мое признание открывает меня, делая уязвимой. Я слышу, как он резко выдыхает, и мне больно от воспоминания, что он сделал для меня, чтобы спасти Нору. Я роняю руку, и мой голос дрожит в отчаянии.

– Я не хочу, чтобы ты еще когда-нибудь осознанно позволял кому-то вредить тебе. Никогда. Даже ради меня, Реми. Никогда. Ты значишь. Слишком. Много! Ты меня слышишь?

Сильно, дрожащими руками, он охватывает мое лицо и притягивает к себе, и я вздрагиваю, впитывая ощущение его рук снова. Мое сердце бьется потому, что я знаю, что это первая ночь до конца моей жизни, и я хочу, чтобы так было.

– Я бы сделал это тысячу раз для тебя. – Он вдыхает меня. А я вдыхаю его. – Тысячу. Миллион. И меня не волнует, унизили ли меня. Меня ничего не волнует. Я знал только то, что ты была готова целовать краски того ублюдка ради своей сестры, и я должен был вернуть ее тебе.

– Ох, Реми, ты не должен был ничего делать.

– Должен. И я сделал. И я буду делать это снова. Я сожалею только о том, что только Пит мог знать. Он остался в отельном номере с ней и с одним из ублюдков Бенни, потом он помог мне перевезти ее, когда я проиграл бой. Я просто не мог позволить тебе остановить меня, Брук.

– Но ты даже не смотрел на меня... – говорю я, зажмуривая глаза. – Это причиняло такую же боль, как и все остальное.

– Если бы я посмотрел на тебя, я бы не смог пройти через это. – Его голос звучит резко от убеждения, и я закрываю лицо, стараясь не думать о том, как Скорпиону нравилось унижать моего гордого бойца. От этого мне хочется драться и плакать одновременно, и я качаю головой.

Он молчит.

Затем он отпускает меня с огорченным звуком глубоко внутри него.

Он встает и шагает, сердито запуская пальцы в свои волосы.

– Я знал, что это случится. – Темные облака затмевают его голубые глаза. – Вот почему я не хотел прикасаться к тебе. Я знал, что сойду с ума, если прикоснусь к тебе, и сейчас меня раздирает сама мысль о том, чтобы просить тебя быть со мной, когда я знаю, что сделаю что-то, что снова причинит тебе чертовскую боль!

– Да! Да, наверное, ты так и сделаешь, дурак! И для меня это будет прыжком с парашютом, и я собираюсь крепко держаться и просто прыгнуть вместе с тобой потому, что вот так ты действуешь на меня. Я без ума от тебя. Теперь моя жизнь без тебя – дерьмо. Я здесь не из-за работы. Хотя я и люблю ее, но мне нужен ты. К тебе я пришла в ту первую ночь. Это всегда было связано с тобой. Я хочу быть с тобой, но я не буду, если это не взаимно. Я хочу, чтобы ты тоже меня любил, Реми. Ты никогда не говорил мне, что ты ко мне чувствуешь!

Его глаза ярко-синие, и они загораются огнем, который полностью согревает меня.

– Брук, ты, в самом деле, не знаешь?

Я уставилась, а он, опускаясь коленями на кровать, удерживает мое лицо.

– Иисусе, когда я впервые увидел тебя в ту ночь в Сиэтле, меня как будто прошибло разрядом. Я тащился просто от того, как ты улыбалась мне, Брук. То, как ты смотрела на меня с выражением боли и страха, сводило меня с ума. Ты отвернулась, чтобы уйти, и на тебе были те действительно хорошенькие брюки. Когда ты уходила, твоя попа была в них такая округлая и задорная. И мне просто захотелось, закончить тот чертов бой, чтобы пойти за тобой. На том бое, я клянусь, что дрался только для того, чтобы ты смотрела на меня. Так, что ты видела, меня. Видела, что я сильный, и могу драться за тебя, защищать тебя. Я мечтал поцеловать тебя, заняться с тобой любовью. Я планировал это в своей голове даже когда спрыгнул с ринга и последовал за тобой. Когда твоя подруга дала мне твой номер, я пошел в отель, обнаружил полную комнату девочек, каких Пит всегда для меня находит, и я не мог смотреть ни на одну из них. Я хотел смотреть в твои глаза и делать так, чтобы ты мне улыбалась.

Я прогуглил тебя, сохранил твой номер в своем телефоне, и проводил ночи, раздумывая о всех способах, какими я собирался трахнуть тебя, когда ты была бы в моих руках. Я отправил тебе те билеты, зная наверняка, что возьму тебя в ту ночь. Но потом, я увидел видео о тебе, когда вновь гуглил тебя. Это были твои первые Олимпийские испытания, и ты уходила с разорванной ПКС, и ты так тяжело плакала, а я просто хотел... тебя. Я хотел сжечь клавиатуры тех идиотов, комментирующих, что это начало конца твоей жизни, о депрессии, что поразила тебя. Ты была моей. Брук. Моей. И я хотел, чтобы ты пошла туда и показала им, что они идиоты, и в то же время, мне чертовски захотелось отправиться туда и перенести тебя через ту чертову финишную линию. Мы должны были уезжать из города скоро, и я знал, что мне нужно увидеть тебя еще. Поэтому я нанял тебя.

Когда он утверждает, что смотрел мое видео, я чуть не разрываюсь, слабость охватывает мои колени. Мгновенно, я вспоминаю наш первый полет и то, насколько Реми был поглощен проверкой моего колена. Он прикасался к нему почти с любовью, поглаживая шрам своим пальцем. И как я могу забыть о том, как он вытирал меня, и был особенно заботлив с моим коленом в день, когда его фанаты закидали меня яйцами?

– Я хотел, чтобы между нами это происходило естественно. Я хотел узнать тебя, и чтоб ты узнала меня, и с каждым днем я хотел тебя все больше, Брук. Так сильно. Я не мог прикасаться к тебе, рискуя все испортить, пока ты меня не узнала. Я хотел, чтобы ты заботилась обо мне. Я хотел увидеть, сможешь ли ты меня понять... каждая ночь была для меня пыткой, когда я думал о тебе в твоей комнате, в то время как я был в своей.

В ночь, когда мы пошли в клуб, и ты танцевала со мной, я просто не мог себя остановить. Я был так заведен. А когда ты вырубилась двух парней для меня, я сошел с ума от необходимости защитить. Я хотел уложить тебя в постель, вернуться и сделать пару

серьезных повреждений им, всем четверем. Но ты осталась со мной, и я забыл о драке, и я хотел только пройтись ртом по тебе. Я пытался контролировать себя, но в самолете ты убила меня теми песнями о занятии со мной любовью. Я просто должен был взять тебя. Мысль об этом делала меня таким чертовски счастливым, я был почти опьянен от этого, и к концу того боя я находился в маниакальном состоянии. И я был без ума от тебя, еще до того, как ты оказалась в моей постели.

А потом ты проснулась со мной, и я видел, что ты ко мне прижималась, Брук. Мягкая и сладкая. В следующий раз я лежал в постели один, и мне хотелось, вскрыть себе, чертovsky вены от желания, чтобы ты была рядом со мной, так что я вернулся за тобой. Это овладело мной в течение дня, тех дней. Размышление о тебе в моей постели, о поцелуях. Я продолжал просматривать свои мелодии, просто пытаюсь найти ту, которая смогла бы сказать тебе, что ты заставляешь меня чувствовать. Внутри. Я не силен в таких словах, но я хотел, чтобы ты знала, что являешься особенной для меня, Ты не похожа ни на какую другую женщину в моей жизни.

Ты хотела, чтобы я занялся с тобой любовью, но не знаешь, как много раз я почти не выдерживал. Когда я умывал тебя в душе, клянусь богом, внутри я сдался. Но я не мог этого сделать, не без объяснения тебе, что со мной что-то не так, и я такой трус, Брук. Я даже не мог набраться мужества, чтобы сказать тебе слово "биполярность". Поэтому я тянул с тобой время. Потому что я эгоист, мне хотелось твоей заботы, прежде чем бы ты узнала. Думая, что это будет иметь значение, и ты останешься. Даже мои люди не могли выдержать меня долго. Но что-то в тебе заставило меня подумать, что ты меня знала, понимала меня на таком уровне, как никто другой.

– Реми, – выдыхаю я.

– Я был прав, Брук, – добавляет он глубоким хриплым шепотом, зачаровывая меня своими словами, своим светлым взглядом. – Когда я рассказал тебе о себе, ты все еще меня хотела. И я был влюблен в тебя, не знаю, как долго. С тех пор, как ты пыталась повалить меня на ринге, а я закончил тем, что держал твои маленькие ножки возле своего живота, чтобы согреть их. Боже, когда я увидел ту фотографию с тобой и Скорпионом, мне захотелось его убить. Мне захотелось дать тебе, что бы то ни было, что заставило тебя пойти к тому чертовому ублюдку и поцеловать его гребаную морду! Я хотел дать тебе это, чтобы вместо этого ты целовала меня.

Я пошел к нему, и он ждал. Конечно же. Он знал, что я приду. Он видел меня в клубе. Я никогда не был таким защитником женщины прежде. Он видел, как я уходил из ринга за тобой, когда меня дисквалифицировали. Он знает, что ты – мое слабое место. Мы должны были на это пойти, и он кричал, как сосунок. Он хотел остановить меня. А я не собирался останавливаться, пока не выбил его гребаные зубы. Но он предложил твою сестру, если я успокоюсь и отдам ему звание чемпиона. Он с ней покончил. Она была беспокойной после того, как увиделась с тобой, а он не хотел проблем. Она с плачем наблюдала, как мы дрались. Я спросил у нее, является ли она твоей Норой, и она ответила "да". Поэтому я согласился. Я подтвердил это на бумаге, позвал Пита, чтобы охранял ее, и все было сделано. Ее выпустили, когда все закончилось. – Он делает вдох, проводит пальцами по своему лицу и выдыхает. – Это впервые я сделал что-то верно, находясь... в ненормальном настоящии.

Наклонившись ко мне, он проводит носом по моему виску, и по моему позвоночнику проходит приятная дрожь, когда он шепчет возле моего уха.

– Мне жаль, что не мог сказать тебе, но это должно было случиться таким образом.

Когда я сказал тебе, что не позволю тебе уйти от меня в ночь, когда мы занимались любовью, я подразумевал именно это. Я хочу тебя, Брук, для себя. Я могу сделать тебе больно, я могу выкинуть какую-то глупость, но я... — Его взгляд оживляет меня. — Я так чертовски в тебя влюблен, что просто не знаю, что с собой поделаться.

В моем горле образуется комок крупных размеров, и я киваю, вытирая слезы, не в силах сказать ему, как сильно и как безумно я в него влюблена.

С ним я чувствую себя так хорошо. Он включает мою музыку. Бегает со мной. Целует и касается меня. Восхитительно лижет меня. Становится сексуальным, ревнуя меня. Он сердитый в один день и дерзкий в другой, и я люблю все его стороны. Он смотрит на меня своими голубыми или черными глазами, и всякий раз, когда он так делает, я просто знаю, что я там, где хочу быть.

— Ты снова захочешь уйти от меня, — нежно шепчет он, охватывая мою челюсть. — Ты не можешь, Брук, ты не можешь уйти. Ты моя.

Он гладит второй рукой мои волосы, и я прикипаю к его руке, снова как котенок, желающий больше его ласки.

— Ты заявила на меня права, маленькая петарда. Ты надрала двести фунтов мужских задниц. Я никогда с этим не свыknусь. Ты выгнала моих шлюх. Пит сказал мне. Ты заявила на меня свои права еще до того, как поняла, что я уже заявил о своих. — Он хватает мои волосы в кулак и притягивает меня к своим губам. — Я твой теперь. Ты не можешь меня бросить, как сделала сейчас. Даже, если я все испорчу, я все еще буду твоим неудачником.

Я нуждаюсь в его близости, поэтому прижимаюсь к нему своим телом, закладывая руки вокруг его шеи, прелестно покрываясь его потом.

— Не мой неудачник. Мой настоящий.

Он стонет, оборачивает голову и лижет мою щеку. Мое сердце тает, когда до меня доходит, что мой лев вернулся, и я чувствую, как погружаюсь в его руки, когда он проводит губами вниз. Он медленно, влажно облизывает мою челюсть. Мой подбородок. И потом... мои губы. Думаю, что он чувствует мою дрожь потому, что его руки проскальзывают вокруг нижней части моей спины, и бережно притягивает меня к своему телу. Он лижет мой теплый рот, мягко ощупывая, пока я, задыхаясь, не открываю его, позволяя ему разделить свой вкусный путь со мной.

— Никогда больше не оставляй меня снова, черт возьми, — бормочет он, проводя своим языком по моей верхней губе, по нижней. Затем он врывается языком глубоко в мой рот, проводя руками по моей заднице, собственнически сжимая ее.

Я пьяная. Глубокие ощущения его поцелуев и облизываний дрожат во мне, как несколько землетрясений подряд, каждое из которых сильнее предыдущего.

Я трусь сосками о его массивную грудь, и мое влагалище пульсирует от потребности почувствовать его внутри меня. Он выглядит так сексуально в своей тренировочной одежде, сводя меня с ума тем, как он пахнет, когда занимается, что я хочу раздеть его. Взять его.

— У меня есть около тысячи песен в новом плейлисте под названием "Брук", и все они о том, как я скучаю по тебе, люблю тебя, ненавижу и обожаю тебя, — шепчет он, достигая трусиков под моим платьем.

Именно поэтому я одела платье, в рекордное время я сняла его с себя, пока не осталась в своем лифчике, а Реми успешно снял с меня трусики.

— У меня тоже есть несколько, я хочу весь день включать их тебе, — шепчу я.

Он притягивает меня назад, обнаженную к себе на колени, снова прикивая к моему рту.

Он так заводит меня своими поцелуями. Боюсь, что достигну кульминации в момент, когда он войдет внутрь.

О боже, я так сильно в этом нуждаюсь, я даже не осознаю, что свернула свои ноги и оседлала его, и трусь о его член. Я хочу его. Внутри меня. Я так яростно хочу его, что не могу перестать дрожать.

– Я люблю тебя, – выдыхаю я.

Это невероятно. Я прожила всю жизнь без него, но мы совершили эту сумасшедшую связь, и я просто чувствую себя опустошенной без него.

Он опьяняет меня другим поцелуем, когда я двигаю своим телом напротив его, дразня его твердостью, его горячий рот, его стоны. Он заставляет меня хотеть его самыми дикими и сильными способами. Он отстраняется, дотягиваясь к своим шортам для бега.

– Я хочу включить тебе песню Avril Lavigne «I Love You» снова, – говорю я, когда он пытается снять их, не отпуская меня со своих колен.

– Я достану свои наушники, когда мы закончим, – бормочет он, успешно вытягивая из них одну ногу, и теперь работает над второй.

Я благодарно стону от мысли быть в состоянии снова слушать музыку с удовольствием, особенно, когда все, о чем я могла думать раньше – это о слушании песни «Iris» снова, и опасаясь, как глубоко это ранит меня. Каждая песня без Реми ранит меня.

Переполнена эмоциями, я запускаю пальцы в его волосы, прижимаясь и вдыхая их запах.

– И еще песню Alicia Keys — «That's When I Knew». – Я начинаю петь эту душераздирающе романтическую песню ему на ухо, и он издает странный звук, что-то между смешком и стоном.

– Ты поешь не к черту, детка, – бормочет он.

Мы перестаем смеяться, когда он входит в меня. Я задыхаюсь. Он стонет.

Его рот обрушивается на мой, а наша жажда неутолимая. Он сильно качает своими бедрами, его мышцы сжимаются, его бедра подо мной, его пресс напротив моего, его бицепсы вокруг меня. Я люблю чувствовать его силу, когда он занимается со мной любовью, в его раскачивании, в его руках, в его мощной эрекции. Я люблю...

Я снова здесь.

Я люблю все в нем.

– Брук Дюма, – бормочет он, облизывая мое ухо, его глаза сверкают. – Я Ремингтон.

Я смеюсь, потом стону и растворяюсь в нем.

Серьезно, он так чертовски сексуален, я не могу этого вынести.

РЕМИНГТОН

Мне до сих пор иногда не верится, что Брук любит меня.

Я схожу с ума, когда она разговаривает с Питом и Райли, и иногда я не могу спать из-за страха, проснуться и не обнаружить ее рядом. Я начинаю ревновать к самому себе, и боюсь, что потеряю это, но, когда она касается меня, я нахожу покой.

Я дерусь для нее сегодня, и хочу, чтобы она смотрела только на меня. Я хочу чувствовать ее руки на мне после. И то, как она говорит, что любит меня. Она также показывает это, но мне никогда в жизни не говорили этого прежде. Она включает мне песни о любви, а я цепляюсь за слова, как будто это она их написала для меня. Иногда мне трудно выразить словами, что я чувствую. Иногда я чувствую тысячу вещей сразу и не могу подобрать одного слова, чтобы сказать ей то, что хочу сказать. Вот почему я ищу песни, и как только она попадает в мой аккорд, я не могу дождаться, чтобы она ее услышала. Я включал ей «Iris» потому, что хотел, чтобы она знала, что я наделаю кучу всякого дерьма просто для того, чтобы быть с ней, и я хотел, чтобы она еще больше меня знала.

И она знает.

Она может знать такие мои стороны, которых даже я не знаю.

Каждый раз, когда я просыпаюсь, я проверяю ее.

— Я сделал тебе больно? — спрашиваю

Иногда я помню, когда я темный, но в других случаях нет. Вся моя жизнь рушится, когда я темный.

Я боюсь причинить ей боль.

Я боюсь, что она снова уйдет.

Но тогда она говорит мне, что обещает дать мне знать о дерьме, что я сделал или сказал, и это успокаивает меня. Честно говоря, я не думаю, что во мне есть что-то, что может сделать ей больно. В основе меня — защищать ее даже от самого себя. Думаю, даже темный Ремингтон скорее убьет себя, чем обидит ее.

Но мне все еще снится, что я просыпаюсь, мне говорят, что я сделал какую-то глупость, и она ушла.

Она говорит мне каждую ночь, что я ее настоящий.

Она моя настоящая. Она только моя.

Но я хочу подтверждения этого на бумаге.

Я хочу победить в этом году, и когда я это сделаю, я собираюсь предложить ей это.

Потому что она моя.

Сегодня, я слышу толпу, когда забираюсь на ринг, и втягиваю это в себя, позволяя этому наполнить меня, но я уже поворачиваюсь, чтобы остановиться на точке, где сидит она. В моей голове каждая деталь того, в чем она одета сегодня. Я вижу лицо с такими золотыми глазами, что чувствую себя богаче страны. Ее щеки румяные. Ее улыбка широкая.

И ее вид поражает меня, как адреналин.

Выброс допамина ^[7].

Тестостерона.

Эндорфинов.

Я переполнен этим. Она увеличивает это во мне, и я улыбаюсь, указывая на нее. Так я

планирую делать отныне, чтобы она знала.

– Это для тебя.

Это все.

Для тебя.

Брук Дюма.

Она посылает мне поцелуй, и я ловлю его своей ладонью.

Толпа любит это, как я люблю ее.

Затем я подношу ладонь ко рту, и они орут.

И я обращаюсь к ней, смеюсь, видя свет в ее глазах, и я не могу дождаться, чтобы быть внутри нее, слышать, как она вздыхает со мной, кончает со мной.

И я уже на высоте. Всплеск адреналина проходит сквозь меня. Я собираюсь избить что угодно, что станет на моем пути к победе. Чтобы показать этой женщине, что я, Ремингтон-Охрененный-Тэйт, мужчина, которого она хочет.

– Единственный и неповторимый, Ремингтон Разрывной Тэйт!

Я слышу свое имя еще раз, и я без ума от толпы, без ума от ее улыбки.

Я без ума от нее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Нейротрансмиттеры — биологически активные химические вещества, посредством которых осуществляется передача электрического импульса от нервной клетки через синаптическое пространство между нейронами, а также, например, от нейронов к мышечной ткани.

Гормональная капсула — вид контрацепции, что под местной анестезией вводятся через небольшой разрез под кожу предплечья. Одной капсулы хватает на пять лет.

Панини — итальянский закрытый бутерброд (два ломтика хлеба, между которыми кладут кусочек ветчины, сыра, вяленых помидоров, может подаваться с паштетом, либо с соусом).

ОКР — обсессивно-компульсивное расстройство — характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий.

FBO – Fixed base operator, – сервисный центр для обслуживания пассажиров и проведения технического обслуживания и ремонта.

Седативные средства или психолептики — химически разнородная группа лекарственных веществ растительного или синтетического происхождения, вызывающих успокоение или уменьшение эмоционального напряжения без снотворного эффекта (в то же время облегчают наступление естественного сна и углубляют его).

Допамин выделяется в предвкушении чего-либо и сразу после достижения цели, определяет способность наслаждаться жизнью. Все наши удовольствия, независимо от причины их происхождения — сопровождаются выбросом допамина.